

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Вятский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

БУДИНА
Мария Эдуардовна

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ
ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО ПРИОБРЕТЕНИЯ НОВЫХ СМЫСЛОВ
(на примере именований «цветных революций»)

10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А.А. Залевская

Киров – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ ПОЗНАНИЯ ЯЗЫКА	
1.1. Термин «динамика» в свете изучения языка	10
А. Представления о динамике в языке: от античности до XX века	11
Б. Представления о динамике в языке в наши дни	18
1.2. Языковые изменения – проявление динамического характера языка	23
А. Разграничение понятий «изменение», «инновация», «варьирование» и «переинтеграция»	24
Б. Речевая деятельность – источник языковых изменений	26
В. Скорость языковых изменений	28
1.3. Социальный характер языковых изменений.....	32
А. Экстралингвистические особенности языковых изменений в рамках антропоцентрической парадигмы XXI века	32
Б. Индивидуальные и общенародные изменения	37
В. Лексический уровень – первостепенное отражение динамики языка и его социальной направленности	40
1.4. Движущие силы языковых изменений	42
А. Внешние и внутренние факторы языковых изменений	42
Б. Диалектические противоречия – источник языковых изменений	46
Выводы по главе 1	50

Глава 2. ДИНАМИКА ИМЕНОВАНИЙ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»:

ПУТЬ ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

ДО ПРИОБРЕТЕНИЯ НОВЫХ СМЫСЛОВ

2.1. Возникновение именовании «цветных революций» для обозначения исторических событий	52
А. Целесообразность использования термина «революция» в составе именовании «цветных революций»	52
Б. Выбор ключевого слова-символа в составе наименования исторического события	60
2.2. Вопросы организации исследования	71
2.3. Вхождение именовании в речь и его функционирование в речи	78
2.4. Переход именовании в разряд прецедентных феноменов и дальнейшее функционирование в речи	96
2.5. Проблема написания именовании в разных значениях	110
Выводы по главе 2	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	117
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	121
СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ.....	149
ПРИЛОЖЕНИЕ I	150
ПРИЛОЖЕНИЕ II	151

ВВЕДЕНИЕ

Динамика – это универсальная философская категория, интерес к которой возник ещё у античных философов. Выходя за рамки общефилософских концепций, данная категория находит своё отражение в естественных, социальных и гуманитарных науках в целом и в частности в науке о языке. Теоретические основы вопросов динамики языка были заложены классиками лингвистической мысли (И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. В. Виноградов, В. Фон Гумбольдт, Л. В. Щерба, Г. Пауль, А. А. Потебня и др.), однако, и по сей день учёные XXI века не теряют интерес к процессам развития языка, дополняя и переосмысляя основные положения (Е. С. Кубрякова, Е. В. Радченко, В. М. Солнцев, Н. В. Черемисина и др.).

Динамика языкового явления – процесс длительный в историческом плане, поэтому изучение языковых изменений требует от исследователя немалых усилий в плане сбора и обработки информации. Благодаря современным технологиям и многочисленным корпусам текстов, появившимся за последние два десятилетия, в том числе и в свободном доступе, исследователи имеют отличную возможность быстрее собрать необходимую информацию, получить больше примеров и, соответственно, сделать более качественные выводы. В результате ряда «пилотных» экспериментов на базе корпусов текстов русского и английского языков [Некрасова М. Э. 2011, 2012а, 2012б] нами были обнаружены возможности выявления динамики функционирования именованных так называемых «цветных революций» в названных языках.

Следует отметить, что в политическом и историческом аспектах «цветные революции» уже достаточно хорошо изучены и описаны российскими и зарубежными учёными (см., например, [Почепцов 2005; Кара-Мурза 2008; Наумова 2013; Максимов 2010; Mitchell 2012; Gerlach 2014]). Однако в плане филологическом, тем более в отношении прослеживания особенностей возникновения и дальнейшей судьбы подобных именованных,

данной теме ранее не уделялось должного внимания со стороны учёных. Например, А. В. Громова [Громова 2009] в своём исследовании ограничивается анализом влияния средств массовой информации при подготовке и проведении «цветных революций». Несомненно, актуальным является целенаправленное изучение проблематики развития языка на примере возникновения, становления и дальнейшего распространения новых именовании.

Объектом исследования является динамика языковых явлений.

Предметом исследования является процесс возникновения, становления и дальнейшего распространения языкового явления (на материале русско- и англоязычных именовании «цветных революций»).

Объект и предмет исследования позволили нам выдвинуть ряд гипотез:

Гипотеза 1. В исследуемых языках некоторые именовании могут использоваться как для обозначения историко-политических событий, так и для именовании прецедентных феноменов.

Гипотеза 2. В исследуемых языках можно выявить маркеры, благодаря которым некоторое именование может идентифицироваться как означающее либо событие, либо прецедентный феномен.

Гипотеза 3. В исследуемых языках не существует единых правил и норм написания именовании «цветных революций».

В цели исследования входят выявление и описание особенностей возникновения и развития именовании «цветных революций», отличительных черт их дальнейшего функционирования в речи.

Для достижения поставленных целей решаются следующие задачи исследования:

– проанализировать основные теоретические положения, касающиеся процессов развития языкового явления, и выявить основные особенности динамического характера языка;

– изучить составляющие части именовании «цветных революций» для описания особенностей их возникновения и становления;

- изучить особенности употребления именованных «цветных революций» в качестве прецедентных феноменов;
- собрать корпус примеров с целью выявления именованных «цветных революций» и изучения особенностей их использования в русских и английских предложениях;
- провести анализ полученных данных и описать особенности использования именованных в речи в обоих исследуемых языках;
- проследить, имеется ли единая система написания именованных «цветных революций» для русского и английского языков в зависимости от того, в каком значении эти именованные употребляются.

Материал исследования составили 2092 русских и 866 английских предложений с именованными «цветных революций», отобранные из одного русского и семи английских корпусов текстов, которые содержат данные о газетных и журнальных статьях и статьях из сети Интернет.

В качестве методов исследования использовались: теоретический анализ интегративного типа, методы сравнения и синтеза, индуктивный и дедуктивный методы, базовые корпусные методы исследования (составление конкорданса, подсчёт абсолютной частотности, анализ ключевых слов), статистические и компьютерные методы обработки данных, обобщение исследовательских данных.

На защиту выносятся следующие теоретические положения.

1. Именованные «цветных революций» образуются из двух составляющих: слова-символа и слова *революция*, употребляемого в современной трактовке.
2. Можно выделить ряд факторов, не способствующих вхождению именованных «цветных революций» в систему языка,
3. В русском и английском языках некоторые именованные могут использоваться как для обозначения историко-политических событий, так и для именованных прецедентных феноменов.

4. Можно выделить маркеры, которые используют авторы текстов для идентификации одного из значений именований «цветных революций».
5. Написание русских и английских именований «цветных революций» следует различать в зависимости от значения, в котором они употребляются.
6. Если именование любой конкретной революции начала XXI века употребляется в качестве прецедентного феномена, то оно является равным по значению именованию «цветная революция» в значении ‘событие’.

Научная новизна работы заключается в следующем: впервые прослеживается и описывается путь развития языкового явления от его возникновения до использования в речи в качестве прецедентного феномена; проводится анализ именований «цветных революций» не в политическом или социологическом плане, а в плане филологическом; даётся описание наиболее часто встречающихся слов, употребляемых авторами публицистических текстов для идентификации читателем языкового явления в качестве прецедентного феномена.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что её результаты вносят вклад в исследование процессов становления и дальнейшего использования в речи языкового явления, дополняют теорию прецедентности информацией о способах вхождения именования в разряд прецедентных феноменов и маркерах, используемых в речи для определения прецедентного значения именования.

Практическая значимость работы определяется тем, что её материал может послужить источником информации при изучении подходов к развитию какого-либо языкового явления, некоторых аспектов теории прецедентности, а также при работе с корпусами текстов различных языков. Информация о языковедческих аспектах создания и использования именований «цветных революций» может быть полезна историкам,

политикам, политтехнологам, социологам, журналистам, писателям и другим деятелям, изучающим «цветные революции». Рекомендации по написанию именованию «цветных революций» могут быть использованы для составления публицистических текстов и повышения качества письменной речи. Сформулированные автором теоретические положения и собранные данные могут быть использованы для проведения исследовательских работ и занятий в рамках общего языкознания, прикладной лингвистики, социолингвистики, сравнительно-исторического языкознания, теории языка, компьютерной лингвистики и других направлений филологического профиля.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на ежегодной научной сессии Вятского государственного гуманитарного университета (Киров, 2011 – 2013); II международной научно-практической конференции «Наука в современном информационном обществе» (Москва, 2013) и международной научно-практической конференции «Горизонты психолингвистики» (Тверь, 2014). Теоретические и практические положения диссертационной работы отражены в 14 научных публикациях, четыре из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Общий объём публикаций – 5,57 п. л.

Цели и задачи исследования определили структуру работы. Текст диссертации состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, списка цитируемых корпусов текстов и двух приложений. В главе I описывается изменяющийся с течением времени интерес в направлениях изучения динамических проявлений языка; даётся общая характеристика изменений языковых явлений, которая определяет их место в системе и структуре языка, скорость и социальную направленность, источник и причины языковых изменений. Глава II посвящена описанию хода проведённого исследования и анализу его результатов; даётся характеристика каждой составляющей именовании «цветных революций»; описываются процессы вхождения и функционирования именовании в речи

для описания исторических событий, а также переход именованных в разряд прецедентных феноменов и их дальнейшее употребление; выделяются маркеры, используемые для обозначения историко-политических событий и для именованных прецедентных феноменов; даются рекомендации по написанию именованных в разных значениях. В заключении формулируются наиболее общие выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Глава I. ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ ПОЗНАНИЯ ЯЗЫКА

1.1. Термин «динамика» в свете изучения языка

Статика и динамика, являясь общенаучными и специально научными понятиями, играют важную роль в различных философских и научных теориях бытия и мышления, движения, пространства и времени, развития мира в целом и языка в частности. Так, ещё в метафизике Аристотеля наметились основные положения динамической составляющей мира:

- термин «*dynamis*» означает потенцию, возможность действия;
- изменение есть исходное понятие (категория), которое, наряду с категорией «бытие», не подлежит определению;
- самодвижение невозможно – всё движется неким двигателем, поэтому важно обратить внимание на механизмы происходящих изменений и причины, обусловившие эти изменения [Юлов 2007: 97–99].

Создатель соционики (учения о восприятии человеком информации об окружающей реальности и информационном взаимодействии между людьми) Аушра Аугустинавичюте утверждает, что окружающий нас мир образован из моментов статики и динамики, которые являются двумя способами отбора получаемой информации [Аугустинавичюте 1998: 15].

В последние десятилетия всё возрастающий интерес учёных к категории динамики объясняется тем, что «мир не только осмыслялся, но и ощущался, прежде всего, в динамическом изменчивом аспекте, и это ощущение пронизывает всё: искусство, эстетические воззрения, язык науки» [Арутюнова 1988: 101]. Высокие темпы научно-технического прогресса, глобальный скачок в развитии информационных технологий, увеличивающаяся с каждым днём скорость жизни позволяют нам почувствовать ход развития мира и изменения, происходящие в нём. Эти положения непосредственно касаются и динамики языка, его жизни: «теория

статичной языковой системы не в состоянии объяснить жизнь языка, его динамическую сущность» [Попов 1986: 35].

А. А. Залевская отмечает, что любой «научный термин, как и общеупотребительное слово, может переосмысливаться, т. е. утрачивать первоначальное значение и приобретать новые ...» [Залевская 2014: 17]. Произвольная трактовка научных терминов, и, в частности, общенаучных метафор, может в лучшем случае завести исследователя в тупик, а в худшем – привести к недостоверным выводам и умозаключениям, поэтому в данной части диссертационного исследования кажется вполне целесообразным проследить особенности трактовки научного термина «динамика» в рамках науки о языке.

А. Представления о динамике в языке: от античности до XX века

Первые высказывания о динамике в языке можно найти ещё в античной философии, где сложилось представление о двух аспектах изучения языка – «генетическом (диахроническом, историческом), когда изучаются элементы языка, следующие друг за другом во времени и не образующие системы; системном (синхроническом, формальном), когда изучаются сосуществующие элементы языка, образующие систему» [Кормочи 2010: 14]. Несмотря на зачатки идей о динамическом изучении языка в античной философии, многие последующие традиции рассматривали язык только как статический объект: «Язык понимается как нечто существующее изначально, обычно как дар высших существ» [Алпатов 2005: 20]. Такая точка зрения о сущности языка господствовала вплоть до XVII века, но некоторые размышления о динамическом характере языка можно было встретить ещё тогда: например, арабский учёный-грамматик Ибн Джинни допускал возможность изменения языка, но исключительно в лексике за счёт образования новых слов. Подобные идеи содержались и в учении о слове и предложении «Вахьяпадия», созданном в V веке нашей эры Бхартрихари,

который говорил о наличии статического и динамического аспектов в речи и слове [Михалёв 2012: 103].

В XVII–XVIII веках европейские учёные-философы высказывают идеи об историческом развитии языка. Например, Дж. Вико в рамках концепции исторического развития человека важное место отводил и развитию языка [Вико 1940: 176]. Э. Кондильяк утверждал, что возникновение и развитие языков – это процесс, в который человек вовлекается незаметно для самого себя в силу существующих условий. Этот процесс тесно связан с языком действий и строится по его подобию, в свою очередь оказывая влияние на развитие культуры и науки [Богуславский 1984: 17–36].

XIX век ознаменовался идеями В. фон Гумбольдта, который впервые придал значение теоретическому осмыслению динамики и её отличию от статического изучения языка, выделив два раздела – динамический («изучение языков в состоянии их развития») и статический («изучение организма языков») [Гумбольдт 2000: 311]. Как отмечает Г. В. Рамишвили, учение Гумбольдта одинаково пронизано идеями о динамическом характере языка и строгим философским мышлением [Рамишвили 2000: 27]. В антиномии «устойчивость – движение в языке» Гумбольдт видел диалектику языка. В целом же в исследованиях В. фон Гумбольдта прослеживается больше статическая доминанта, но на состояние языка он смотрит с «генетической точки зрения» [Даниленко 2011: 7], которая хоть и не подразумевает фокусирование на эволюционном пути изучаемого явления, затрагивает вопросы его происхождения.

Впоследствии учёные всё чаще начинают обращать внимание на тот факт, что язык имеет динамическую структуру, хронологическую ось развития. Так, последователь идей В. фон Гумбольдта А. А. Потебня отмечал, что прогресс в языке есть явление несомненное [Потебня 1999: 11]. Немецкий языковед А. Шлейхер сравнивал развитие языка с развитием биологическим, а для описания характера изменений заимствовал из естественных наук понятие «закон», которое впоследствии было детально

разработано в работах младограмматиков, в частности, в отношении звуковых изменений. Идеи младограмматиков о языковых изменениях опирались на самые тщательные исследования, а любой труд в этом научном направлении содержал формулировки общих законов языковых изменений [Хёнигсвальд 1970: 78–79]. И. А. Бодуэн де Куртенэ сравнивал развитие языка с развитием биологическим и социальным и наряду со статической (описательной) лингвистикой выделил лингвистику динамическую (историческую): «характеристики языков по известным статическим особенностям должны быть заменены характеристиками по целым линиям исторического развития, по целым линиям постепенных видоизменений, проделанных языками в течение их многовековой исторической жизни» [Бодуэн 1963б: 35]. И. А. Бодуэн де Куртенэ отдавал предпочтение динамическому плану языка, отождествляя хронологический принцип рассмотрения всех уровней языка с принципом объективности «по отношению к совершающемуся во времени генетическому развитию языка» [Бодуэн 1963а: 67]. Статические исследования языка не обладают объяснительной силой и являются лишь частным случаем динамики: «Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика есть только частный случай динамики или скорее кинематики» [Бодуэн 1963а: 349]. Идеи Бодуэна де Куртенэ активно поддерживались как известными представителями отечественного языкознания (Л. В. Щербой, Г. О. Винокуром, Е. Д. Поливановым и др.), так и представителями Пражского лингвистического кружка (В. Матезиусом, Н. С. Трубецким, Р. О. Якобсоном и другими). Некоторые младограмматики зашли настолько далеко в признании главной роли динамической составляющей в познании языка, что сводили всю науку о языке исключительно к историческому языкознанию, как, например, Ф. Ф. Фортунатов: «Предметом языковедения является язык в его истории» [Фортунатов 1956: 23]. Несмотря на обращение младограмматиков к динамическим исследованиям языка, многие из них

говорили о необходимости изучения языка и в статическом (современном), и в динамическом (историческом) аспекте (например, [Богородицкий 1907: 2]).

Говоря о термине «динамика» в свете лингвистических учений, мы не можем не упомянуть имя Фердинанда де Соссюра, стоявшего особняком в своих научных идеях. Утверждая, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» [Соссюр 1999: 34], Соссюр провёл чёткую грань между статикой (синхронией) и динамикой (диахронией). В его понимании диахрония – это изучение элементов языка в плане его исторического развития, эволюции, которые следуют друг за другом во времени и не образуют в совокупности никакой системы [Соссюр 1999: 114]. Диахрония – это «ось последовательности ..., на которой никогда нельзя увидеть больше одной вещи зараз, а по которой располагаются все явления оси со всеми их изменениями» [Соссюр 1999: 88]. При синхронном изучении языка первый принцип – это сознательное игнорирование развития и изменения. Соссюр определяет синхронию как «ось одновременности <...>, касающуюся отношений между сосуществующими вещами, откуда исключено всякое вмешательство времени» [Соссюр 1999: 88]. Синхроническая лингвистика изучает организацию системы языка и способы её восприятия одним и тем же коллективным сознанием. Таким образом, синхрония есть фаза языка, отождествляемая с внутренней (направленной на себя) лингвистикой и языком, тогда как диахрония есть эволюция, являющаяся предметом изучения внешней лингвистики (не затрагивающей механизм языка и его строение) и относящаяся более к речи, а не к языку. Несмотря на введение ключевой для последующих поколений учёных антиномии «синхрония – диахрония», Соссюр отдавал предпочтение синхронному изучению языка, так как «для говорящей массы только он – подлинная реальность» [Соссюр 1999: 25]. Данное положение Соссюра верно в отношении того, что всякий говорящий на конкретном языке находится в фазе синхронии и не придаёт

изменениям в языке значение. Как отмечает А. А. Реформатский, «эти сведения могли бы только помешать его практической заинтересованности в языке» [Реформатский 1996: 27].

Проведённая Ф. де Соссюром черта чёткого разграничения синхронии и диахронии и основанные на этом разграничении утверждения подвергались многосторонней критике (например, со стороны И. А. Бодуэна де Куртенэ, Р. О. Якобсона, Н. С. Трубецкого, Г. Шухардта и др.). Вот лишь некоторые точки зрения, оспаривающие положения соссюровской концепции. Г. Шухардт писал о том, что не должно противопоставлять движение и покой, это две разные стороны одной и той же сущности: «лишь движение действительно, лишь покой воспринимаем» [Косериу 1963: 145]. В корне неверно отождествлять динамику с диахронией, а статику с синхронией: диахрония не только динамична, но и стабильна, а синхрония, напротив, не только статична, но и динамична [Кубрякова 1968: 119]. Несмотря на то, что «наиболее наглядно языковой динамизм выступает при рассмотрении языка во временной, исторической перспективе» [Общее 1970: 196], а языковые изменения – понятие диахроническое [Общее 1970: 207; Косериу 1963: 150], диахроническая лингвистика рассматривает не только языковые изменения, соответственно она не может быть сужена их анализом и не может отождествляться с историей языка. «Основное требование диалектики в науке состоит в том, чтобы изучать явления и в связи, и в развитии» [Реформатский 1996: 157], тогда так диахроническая лингвистика показывает лишь эволюцию разрозненных, не связанных в систему фактов, а синхроническая лингвистика исключает всякое развитие. Как отмечал А. И. Смирницкий, система языка должна рассматриваться во времени, принимая во внимание изменения языка [Смирницкий 1954а: 16]. Кроме того, первоначально всякое изменение зарождается в синхронии [Блумфилд 1968: 344; Якобсон 1963: 102], а для обнаружения изменения нужно сопоставить два разных временных среза, два состояния одного явления, где одно из них предшествует другому [Общее 1970: 207; Реформатский 1996:

28], поэтому изменения являются диахронными [Косериу 1963: 150]. Следовательно, для полного осмысления языкового изменения как процесса необходимо рассматривать его не только в диахроническом, но и в синхроническом аспекте языка [Мартине 1965; 451], который также содержит отголосок прежних изменений слова и даже «намек на будущее развитие» [Виноградов, 1999: 17]. «Синхроническое и диахроническое – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса» [Виноградов 1995: 17–18], при изучении которого «динамический ... метод анализирует факты языка в их хронологической последовательности, метод статический ... ограничивает исследование языковым состоянием, как оно представлено в данный период» [Даниленко 2011: 6]. Единство настоящего и прошлого, синхронии и диахронии позволяет дополнить и обогатить процесс познания языка, что позволяет отмечать «в каждом состоянии языка явления, уходящие в прошлое, и явления, нарождающиеся на фоне стабилизовавшихся, нормальных для данного состояния языка явлений» [Реформатский 1996: 442].

Несмотря на столь многочисленную критику идей Соссюра, Э. Косериу говорит о том, что в соссюровской концепции диахрония и синхрония не являются состояниями языка или способами его существования, а являются методологией, то есть синхронической и диахронической точками зрения в лингвистике [Косериу 1963: 147–155]. Всё последующее рассмотрение вопросов динамики так или иначе касается положений синхронии и диахронии, выдвинутых Соссюром. Так, например, сам Э. Косериу утверждает, что «не существует объектов синхронных и объектов диахронных», поэтому язык не может являться ни синхронным, ни диахронным явлением [Косериу 1963: 170], а изменения в языке являются изменениями по отношению к языку предшествующей эпохи, а по отношению к языку современности все изменения есть как раз неизменения [Косериу 1963: 155]. А. Мартине, напротив, говорит о том, что осмысление языковых изменений приходит при «синхронном рассмотрении динамики

языка» [Мартине 1965: 451], в результате последовательного накопления мелких трансформаций, которые и отражают разительные отличия постоянно изменяющегося языка [Мартине 1965: 428 – 451]. У. Лабов говорит о том, что языковые изменения поддаются более качественному анализу в процессе их осуществления, однако, не стоит забывать об исследовании изменений, уже совершившихся в прошлом [Лабов 1975: 201].

Так или иначе, учение Соссюра оказало значительное влияние на развитие лингвистики, поэтому многие исследователи и по сей день изучают языковые явления в синхроническом и диахроническом аспектах, подразумевая под синхроническим – функционирование явления в данный момент исторического развития, а под диахроническим – процесс его исторических изменений. По мнению О. Н. Кушнир, антиномию синхронии и диахронии языка можно преодолеть благодаря «динамической синхронии», которая рассматривает язык как процесс не только, направленный от прошлого к настоящему, но и от настоящего к будущему. Такое рассмотрение языка позволяет говорить о «живых «сиютекущих» процессах» в системе языка [Кушнир 2013, 12 – 13].

Подробный анализ истории языкознания позволяет сделать вывод том, что представления о динамическом характере языка зародились ещё в античной философии, однако, до становления сравнительно-исторического языкознания язык изучался как статическое, неизменяемое явление. Идеи В. фон Гумбольдта о генетическом изучении языка оказали влияние на дальнейшее изучение динамической стороны языка младограмматиками, для которых идеи историзма являлись ключевыми в познании сущности языка. Наибольшую значимость в этом направлении имеет учение о синхронии и диахронии Ф. де Соссюра, который отождествлял динамику с диахроническим аспектом познания языка. В дальнейшем его концепция подвергалась многочисленной критике, что позволило выдвинуть положения о том, что динамической составляющей обладает и синхронический аспект языка. Так или иначе, всеми учёными под динамикой понимается процесс

изменения языковых явлений любого уровня (фонетического, морфологического, лексического, синтаксического).

Б. Представления о динамике в языке в наши дни

Анализ работ, в той или иной степени затрагивающих вопросы динамики в начале третьего тысячелетия, показал, что далеко не у всех исследователей складывается одинаковое понимание данного термина. В связи с проблемой неоднозначности и «размывания» значения научного термина А. А. Залевская говорит о том, что в последнее время появились многочисленные публикации, авторы которых не задумываются о смысле ставшего «модным» слова *концептуальный* и используют его в довольно странных контекстах [Залевская 2014: 20]. На сегодняшний день употребление таких слов, как *динамика*, *динамизм* и их производных позволяет сделать вывод о том, что эти слова также стали «модными» в научных кругах, так как зачастую они употребляются в неоправданных словосочетаниях и контекстах (например, *динамическое исследование*, *динамика авторских ремарок*, *динамика учётно-регистрационных документов* и т. п.). Также мы можем говорить о том, что в новом понимании динамики языка произошло значительное расширение значения данного термина. Для того чтобы разобраться в данном вопросе обратимся к словарным определениям слова *динамика*. Словарные статьи различных словарей русского и английского языков предлагают несколько приведенных ниже и отличных друг от друга значений этого слова.

1. Раздел механики, изучающий законы движения тел в зависимости от действующих на них сил [Толковый словарь Ушакова [http](http://); Словарь Ожегова [http](http://); Dictionary.com [http](http://); Oxford Dictionaries [http](http://)].

2. Совокупность явлений, связанных с различными степенями громкости звучания, а также учение об этих явлениях [Музыкальная энциклопедия [http](http://); Dictionary.com [http](http://)].

3. Ход (модель / история / процесс) развития, состояние движения, изменение какого-нибудь явления под влиянием действующих на него сил [Толковый словарь Ушакова [http](http://); Словарь Ожегова [http](http://); Oxford Dictionaries [http](http://); Merriam-Webster OnLine [http](http://)].

4. Отрасль науки (учение), изучающая силы или изменения [Oxford Dictionaries [http](http://); Merriam-Webster OnLine [http](http://)].

5. Движение, действие, развитие [Крысин 2008].

Найденные словарные значения можно представить в виде схемы (рис. 1), из которой видно, что первые два значения относятся к физике и музыке, поэтому не могут быть использованы для описания процессов языка. Четвёртое значение определяет динамику как отрасль науки, и, как следствие, тоже не может быть применимо. Пятое значение является слишком общим описанием значения слова *динамика*, которое уточняется и дополняется третьим значением. Третье определение вполне может быть применимо к различным наукам, однако, как показывает практика, не всегда данное слово правильно употребляется в научном контексте, что зачастую связано либо с желанием автора использовать модное слово, либо с непониманием его истинного значения. Так, например, на веб-сайте онлайн-словаря «The Merriam-Webster Dictionary» пользователи указывают следующие причины поиска определения слова *динамика*: «Я пишу книгу по вопросам психического здоровья, поэтому мне захотелось узнать, как будет звучать фраза “динамика психического здоровья”» или «Я пишу эссе и хочу употребить слово *динамика* в заголовке, чтобы придать большей значимости информации и моей работе» [Merriam-Webster OnLine [http](http://)]. Непонимание истинного значения слова можно встретить и в педагогике, где в последнее время принято употреблять фразу «динамика развития», несмотря на то, что оба слова несут одинаковую смысловую нагрузку. Точка зрения о неоднозначности трактовки термина «динамика» подтверждается высказываниями ряда других учёных. Так, И. А. Марьянова поднимает вопрос о правомерности использования понятия «динамика» в некоторых

исследованиях: «Не подменяется ли понятие *динамика* понятиями *динамизм* и *динамичность*?» [Мартьянова 2012: 194]. Е. В. Радченко отмечает, что термин «динамизм» на сегодняшний день не имеет конкретного содержания и употребляется в самом общем виде для изучения всех сторон языковой единицы (формы, грамматической категории, значения) [Радченко 2010: 27].

Рис. 1. Значения слова *динамика*

Е. В. Радченко утверждает, что динамика есть «универсальное свойство языка, отражающее взаимосвязь и взаимодействие между языковыми единицами на разных уровнях» [Радченко 2010: 18]. Однако мы можем заметить, что современные исследования, посвященные динамике, затрагивают не только вопросы языковых изменений, но и вопросы изменения жанров, образов, процессов и т. д. Рис. 2 наглядно демонстрирует расширение значения слова «динамика» в лингвистических исследованиях.

Рис. 2. Расширение значения слова *динамика* в современных лингвистических исследованиях

На сегодняшний день самыми многочисленными исследованиями в области динамики является изучение языковых явлений, и в первую очередь лексических изменений в структуре языка, что обусловлено тем, что лексический пласт – это отражение жизни людей и общества, которые в последнее время также подвержены большим изменениям. В первую очередь, привлекают внимание к своей динамике различные концепты. О. Н. Кушнир говорит о необходимости изучения русской концептосферы в её «синхронной динамике», «которая обуславливается широким спектром различных социально-политических, социально-психологических и иных изменений, находящих отражение в ментальности как отдельных слоёв населения, так и нации в целом» [Кушнир 2013: 3]. Л. В. Бронник отмечает, что в настоящее время произошёл поворот от изучения содержательной структуры концептов к познанию их динамики [Бронник 2012: 3], но, несмотря на это, динамика концепта понимается разными учёными по-разному: автор описывает семь различных точек зрения по данному вопросу. Сама Л. В. Бронник под динамикой концепта понимает его жизненный цикл, выделяет пять фаз существования концепта [Бронник 2012: 10; 30-32], а также отмечает высокую степень разработанности исторической динамики концепта и низкую степень изученности его дискурсивных изменений, то есть происходящих «в режиме “здесь и сейчас”» [Бронник 2012: 4]. Данное положение подтверждается количеством исследований, посвящённых

изучению динамики концепта в историческом аспекте [Красавский 2001; Васюк 2002; Белякова 2005; Яшкина 2005; Корнеев 2007; Великородных 2007; Долевец 2008; Ефремов 2010; Золотова 2011; Тасуева 2011; Зилова 2012 и др.]. Однако в последнее время появляются исследования, посвящённые изменениям концептов в политическом дискурсе [Фомина 2006; Комкова 2012], дискурсе масс-медиа [Абрамова 2012] и прочих видах дискурса [Прибылова 2011]. Существует также большое количество исследований, посвящённых изучению изменений различных частей речи, в частности тех, которые являются наиболее динамичными по своей природе: глагола [Глушко 2003; Паюнена 2004; Шустова 2011 и др.], наречия [Комышкова 2013], причастия [Каменева 2004]. Некоторые авторы рассматривают лексические изменения со стороны процессов заимствования [Кондакова 2003; Сухорукова 2005; Кузнецова 2012], номинации [Донскова 2004; Скворцова 2011; Силина 2012], многозначности [Подтележникова 2006], переноса значения [Ивинских 2012; Кондратьева 2014]. Также можно встретить и другие работы, посвящённые динамике языковых явлений на лексическом уровне, см. например [Соколов 2001; Борисов 2005; Гусельникова 2007; Кутенева 2008; Едличко 2009; Иванова 2010; Селезнёва 2013 и др.].

Менее многочисленны работы по описанию динамического характера фонетического [Гашеев 2010; Халевина 2011] и синтаксического [Орехова 2001; Куклина 2008; Харитоновна 2014 и др.] уровней языка, что связано с меньшей подвижностью этих уровней по сравнению с лексическим.

За последние 15 лет всё возрастает интерес к изменениям, затрагивающим не только конкретные слова или предложения, но и литературные жанры [Конова 2003; Мухина 2006; Бабенко 2008 и др.], стили речи [Каргин 2002], особенности составления текстов [Миронова 2005; Сталина 2010; Лимановская 2011]. Встречаются исследования в области рассмотрения динамических аспектов различных образов: личности [Гор 2009; Сергеева О.В. 2013], семьи [Баландина 2013], мира

[Сальникова 2006]. В российской лингвистике актуальным становится изучение различных видов дискурса и их особенностей, что также сказалось на всё возрастающем интересе исследователей к процессам, происходящим в газетном [Семенец 2004; Некрасова М.С. 2012], политическом [Комкова 2012] и других видах дискурса [Данилова 2005; Курьянович 2013]. Нам также встретилась работа, которая посвящена динамическим процессам в области перевода [Погосов 2011].

Как мы видим, со временем значительно расширились границы изучения процессов, касающихся динамического характера языка. И если раньше под динамикой понималось изменение какого-либо языкового явления с изучением влияния действующих на это явление сил, то на современном этапе развития науки о языке динамика – это не только изменения на уровне языковых явлений, но и изменения жанра, стиля, дискурса, образа и т. д.

В дальнейшем наша работа будет посвящена изменениям языковых явлений (и, в частности, лексических), а под динамикой мы будем понимать процесс развития языкового явления.

1.2. Языковые изменения – проявление динамического характера языка

Уже с началом третьего тысячелетия не остаётся сомнений, что язык – это «живая динамическая самоорганизующаяся система, адаптирующаяся к естественной и социальной среде через познание и общение в условиях взаимодействия биосферы, психосферы, социосферы и ноосферы» [Залевская 2011: 19]. Динамика предстаёт в языке за счёт многочисленных изменений на всех его уровнях и, как утверждал В. А. Звегинцев, изменения не только представляют постоянное качество языка, но и являются его сущностью [Звегинцев 1963: 131]: языковые изменения, главными свойствами которых являются бесконечность и постоянность, создают язык. О непрестанности изменений в языке говорили многие учёные, отмечая, что этот факт не

подвергается сомнениям (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Б. А. Серебренников, А. Мартине, Э. Косериу и др.). Мы можем говорить о том, что язык бесконечен, пока существует человеческий род, подвергающий язык изменениям. Но он меняется не только *из-за* человека, но и *для* человека: он изменяется, чтобы продолжать функционировать, и как только язык перестаёт изменяться, он *умирает* [Косериу 1963: 343]. Д. Н. Ушаков сравнивает постоянную изменчивость языка с его *жизнью* [Ушаков [http](#)]. Изменения также могут повторяться в разное время и в разных местах, но, как отмечал И. А. Бодуэн де Куртенэ, только в случае сходства условий, влияющих на развитие языка, и одинаковости психофизического склада людей [Бодуэн де Куртенэ 1963б: 248–249].

В середине XX века учёные настолько были заинтересованы в выявлении закономерностей языковых изменений и факторов, влияющих на них, что даже намечалась тенденция выделения учения о языковых изменениях в самостоятельную дисциплину [Общее 1970: 201]. Однако со временем интерес к общим закономерностям изменений явно угас, и на данном этапе развития науки о языке мы можем говорить лишь о частных исследованиях в данной области. Затрагивая вопросы языковых изменений, учёные уже не считают необходимым давать определение этому феномену – настолько он представляется очевидным. Несмотря на это, мы считаем необходимым раскрыть сущность понятия «языковое изменение».

А. Разграничение понятий «изменение», «инновация», «варьирование» и «переинтеграция»

В дальнейшем мы опираемся на положение, что языковые изменения есть проявление динамического характера языка и, вслед за Б. А. Серебренниковым, понимаем языковое изменение как «процесс и результат нарушения тождества единицы самой себе» [Общее 1970: 208]. При этом Б. А. Серебренников чётко разграничивает понятия «изменение», «инновация» (или «новообразование»), «варьирование» и «переинтеграция».

Для изменения характерно обозначение нетождеств между явлениями, «обнаруживающими зависимость во временном следовании и связанными отношениями преемственности и замещения» [Общее 1970: 208]. Для инноваций или новообразований важен лишь момент появления новой единицы, но не момент превращения одного явления в другое. Термином «варьирование» Б. А. Серебренников обозначает все модификации одной и той же единицы, при этом процессы варьирования – это сосуществование и конкуренция этих модификаций, «объединяемых по какому-либо сходному признаку, чаще всего по сходству денотативного значения рассматриваемых единиц» [Общее 1970: 209]. Переинтеграция (или перераспределение) не подразумевает изменения материального тождества единицы, а предполагает «перераспределение морфемного материала внутри слова при сохранении его основы производного характера» [Шанский 1968: 213]. Б. А. Серебренников отмечал, что процессы варьирования, переинтеграции и инноваций лишь подготавливают изменения, но никаких замен в результате этих процессов не происходит, тогда как в случае изменения «наличие одной единицы исключает одновременное существование другой» [Общее 1970: 209]. Э. Косериу также отмечал различия между терминами «изменение» и «инновация», где инновация есть сказанное говорящим отклонение от моделей, существующих в языке, а принятие – это допущение слушающим этих самых инноваций «в качестве модели для дальнейших высказываний» [Косериу 1963: 191]. По Э. Косериу, языковое изменение – это более широкое понятие, которое подразумевает распространение инновации и «является рядом последовательных принятий» [Косериу 1963: 192], что делает проблему изучения языкового изменения более существенной по сравнению с проблемой изучения инноваций.

Некоторые исследователи, особенно начинающие, нередко отождествляют понятия изменения, варьирования, инновации и переинтеграции, тогда как последние три понятия связаны лишь с некоторыми этапами, стадиями исторического развития языка,

подготавливающими изменения некоторого явления и определяющими направление его дальнейшего развития. Такой точки зрения придерживаются многие учёные, например, Е. С. Кубрякова выделяет вариативность, изменчивость и переинтеграцию в качестве основных форм движения в языке, отмечая при этом, что переинтеграция и варьирование предшествуют изменению [Кубрякова 1978: 19]. В. М. Солнцев говорит о том, что только в ходе бесконечного варьирования осуществляется изменение и развитие языка [Солнцев 1984: 41], а Р. В. Патюкова подчёркивает близость явлений языкового варьирования и языкового изменения, связывая это с тем, что «вариативность нередко выступает как определённый этап в процессе исторического развития языка» [Патюкова 2011: 6].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что процессы языкового варьирования, инновации и переинтеграции являются близкими по своему существу к языковым изменениям, однако, мы не можем поставить знак равенства между этими явлениями, так как данные процессы составляют лишь начальный этап в ходе осуществления изменений.

Б. Речевая деятельность – источник языковых изменений

Л. В. Щерба в своей работе «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1974: 24–39] выделяет три аспекта языковых явлений: речевую деятельность, языковой материал (как совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой обстановке и определённой эпохе) и языковые системы. При этом чётко разграничиваются понятия процесса (как аспекта языковых явлений, тождественного речевой деятельности) и механизма (речевой организации индивида). Взяв за основу данную систему, мы видим, что изменениям подвержена речевая деятельность [Щерба 1974: 27; Общее 1970: 198; и др.). Данная идея была высказана ещё В. фон Гумбольдтом: «Всё то, что целесообразное употребление языка черпает из понятийной сферы, оказывает на него обратное влияние, обогащая и формируя язык» [Гумбольдт 2000: 313], а

впоследствии была поддержана младограмматиками. Ф. де Соссюр считал, что речь – источник всех изменений, а нововведения, возникшие в речи отдельных людей, могут стать фактом языка, если будут приняты коллективом [Соссюр 1999: 117]. Язык «питается речью, пополняется и развивается за счёт создаваемых в ней произведений – от отдельных слов и их форм до целых предложений» [Смирницкий 1954б: 20–21]. Точно так же как речь существует благодаря языку, язык продолжает своё существование благодаря изменениям, происходящим в речи. Подтверждение данному высказыванию можно найти, например, у Э. Косериу, который утверждал, что «язык изменяется, потому что на нём говорят, потому что он существует лишь как техника и совокупность закономерностей речи» [Косериу 1963: 184]. Благодаря повседневному опыту речевой деятельности, изменения доступны каждому говорящему, что позволило А. Росетти назвать изменения в речи «происходящими», а изменения в языке – «законченными» [Косериу 1963: 150]. Х. Штейнталь говорил, что «нет различия между "первичным" творением и тем, которое повторяется каждый день» [Косериу 1963: 182], так как язык есть непрерывное «создание» (По Э. Косериу).

Э. Бенвенист справедливо замечал, что «в языке нет ничего, чего раньше не было в речи» [Бенвенист 1965: 449], но далеко не все «происходящие» в речи изменения становятся «законченными» и являются частью языкового материала или системы. Н. Д. Андреев отмечал, что «не всякое изменение в системе речи приводит к сдвигам в структуре языка, но любому сдвигу в структуре языка обязательно предшествует изменение в системе речи» (цит. по: [Общее 1970: 206]). Так, например, именованья «Васильковая революция» или «Джинсовая революция», однажды появившись в речи, не смогли стать понятными для широкого круга носителей русского языка, что не позволило именованьям продолжить дальнейшее существование. О важной роли понимания любых изменений Л. В. Щерба высказывался следующим образом: «... языковой материал вне

процессов понимания будет мёртвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (т. е. языковой системы) невозможно» [Щерба 1974: 10]. Здесь мы можем говорить о том, что языковая система обладает способностью к саморегулированию, когда изменения в одной подсистеме обуславливают изменения в другой. Таким образом, мы можем утверждать, что всякие изменения зарождаются в речевой деятельности, но лишь некоторые из них становятся частью языка. Изменения, закрепившиеся в языке, определяют его дальнейшее развитие и функционирование, представляющее для всех говорящих в форме речи.

В. Скорость языковых изменений

Ещё одним актуальным вопросом в рамках динамики языковых явлений остаётся вопрос о скорости языковых изменений. И здесь, в первую очередь, стоит отметить, что изначально отношение к фактору времени в рамках синхронического и диахронического подходов различно.

В. А. Гречко определяет синхронию и диахронию не как абсолютные понятия, а как временные категории, которые определяют время с точки зрения субъективного подхода и имеют в познании языка «известную относительность и условность как в гносеологическом, так, надо полагать, и в онтологическом отношении» [Гречко 2003: 95]. Как отмечает М. А. Казазаева, «указанные системы измерений радикально отличны друг от друга в своем отношении к фактору времени» [Казазаева 2014: 201]. В диахроническом аспекте время – главный параметр, при этом значение имеет не установление астрономического времени, а определение «хронологии событий, синхронизация установленных фактов по разным временным слоям, определение порядка следования или характеристика явления в терминах первичности и вторичности» [Казазаева 2014: 201]. В синхроническом аспекте значение имеет время лингвистическое, где изменениями можно пренебречь [Кубрякова 1968: 121], и это время само

определяется скоростью изменения языковой системы [Иванов 2011: 68; Топоров 1960: 52]. Как отмечал Г. Хёнигсвальд, «за длительный промежуток времени в языке всегда происходят значительные изменения, а за один день язык не меняется» [Хёнигсвальд 1970: 79], поэтому для определения скорости изменений, в первую очередь, важны не понятия синхрония и диахрония, а установление отношений «предшествование – следование» (по Хёнигсвальду), установление принадлежности одного языка к разным периодам существования, где одна форма явления предшествует другой во времени [Хёнигсвальд 1970: 80]. У. Лабов отмечал, что процесс изменения можно наблюдать на протяжении жизни двух поколений [Лабов 1975: 204].

В начале XX века зародились две различные точки зрения по вопросу о скорости языковых изменений. Например, представители сравнительно-исторического языкознания, а также их последователи, были убеждены, что изменения в языке происходят путём медленной эволюции и являются наиболее типичными для языка. Это обусловлено тем, что для всех носителей языка важно сохранить взаимопонимание, а для каждого конкретного носителя – не допустить ощущение, что язык, «на котором они говорят и который они слышат от окружающих, перестает быть тождественным или идентичным самому себе» [Мартине 1963: 529]. Марксисты полагали, что изменения происходят «путём постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путём постепенного отмирания элементов старого качества» (цит. по: [Общее 1970: 299]). По мнению приверженцев данной точки зрения, резкие изменения могут быстро привести язык в состояние полной коммуникативной непригодности, поэтому теория скачкообразного развития языков Н. Я. Марра подвергалась критике с их стороны. Данная теория возникла в результате перенесения теории скачков из химии на историю развития общества [Общее 1970: 299]. Н. Я. Марр, считающийся основоположником теории скачкообразного развития языков, полагал, что развитие языка являет собой историю революций: революционные сдвиги, на которые оказали большое влияние

новые источники материальной жизни, качественно новая техника и социальный строй, являются источником языковых изменений, и, следовательно, обуславливают их скорость [Март 1933: 241]. Данная теория широко пропагандировалась и в отечественном языкознании.

На данном этапе развития языка всё чаще берётся за основу положение, что существуют периоды, насыщенные языковыми изменениями, и периоды, характеризующиеся незначительным количеством изменений. Так, Б. А. Серебренников говорит о периодах более интенсивно происходящих изменений, «когда в определённый промежуток времени происходит в языке гораздо больше различных изменений, чем в предыдущие периоды» [Общее 1970: 300]. А. А. Реформатский также подчёркивает, что в различные периоды темпы изменений тоже различны: «бывают эпохи, когда строй языка остается устойчивым на протяжении тысячи лет; бывает и так, что в течение двухсот лет строй языка сильно видоизменяется» [Реформатский 1996: 246]. В. А. Гречко квалифицирует эти эпохи как «периоды относительной устойчивости и интенсивного изменения» [Гречко 2003: 117]. Причины столь «спокойных» и «активных» периодов в жизни языка кроются в развитии социальной жизни общества. Социально-политические изменения ускоряют языковую динамику, появляется большое количество языковых изменений и инноваций, которые принимаются, либо не принимаются обществом, и на которые реагирует язык, «хотя и не так быстро, как это происходит в сознании носителей языка» [Антропова 2013: 16].

Сравнивая различные периоды развития общества и языка, мы можем свидетельствовать о том, что современный этап характеризуется наибольшей скоростью языковых изменений. Но, несмотря на силу, действующую в направлении изменения языка, существует и сила, направленная на его сохранение, обеспечивающая взаимопонимание между носителями языка. Данное положение подчёркивалось многими учёными: например, ещё В. фон Гумбольдт замечал, что «по своей действительной сущности язык

есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее» [Гумбольдт 2000: 70], а ближе к нашему времени Ш. Балли подчёркивал то, что «языки непрестанно изменяются, но функционировать они могут только не меняясь» [Балли 1955: 29]. Сила, действующая в направлении неизменения языка, обеспечивает сохранность его коммуникативной функции, которая позволяет говорящим понимать друг друга вне зависимости от скорости изменений. Э. Бенвенист говорил, что процесс языковой эволюции регулируется именно взаимопониманием [Бенвенист 1965: 449].

Данные положения позволяют нам сравнить изменения в языке с движением в механике (рис. 3), где язык есть материальная точка, движущаяся по окружности. На точку действуют две разнонаправленные силы – сила, направленная на изменение языка, и сила, направленная на сохранение языка. В механике данные силы могут быть сопоставимы с силой трения, направленной против движения точки, и с силой инерции, направленной по направлению движения. В соответствии с третьим законом Ньютона силы способны существовать лишь попарно, при этом природа сил в каждой такой паре одинакова, а это значит, что сила, направленная на изменение языка, равна силе, направленной на сохранение языка. Кроме того, для описания тех процессов, которые обеспечивают понимание говорящими друг друга, мы можем обратиться к принципу относительности Галилея, который гласит, что если движущаяся система отсчёта движется относительно первой без ускорения, то ускорение тела относительно обеих систем отсчёта одинаково. А это значит, что язык, представленный в виде материальной точки и двигающийся по окружности, для человека, находящегося в центре окружности, будет оставаться неизменным.

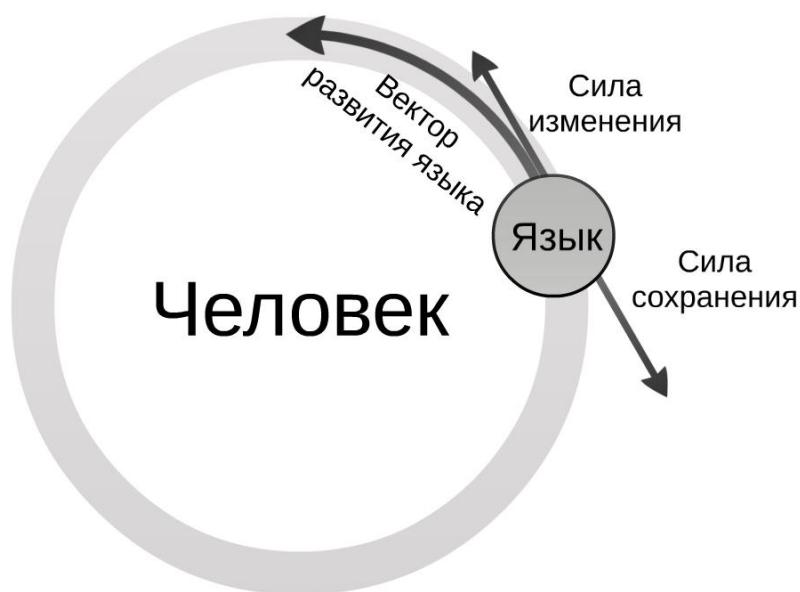

Рис. 3. Силы, действующие на язык, в процессе его развития

Обобщая всё сказанное выше, мы можем утверждать, что языковое изменение есть сущность языка, бесконечный и постоянный процесс изменений, зарождающихся в речи, часть из которых затрагивает и структуру языка. Процессы инновации, варьирования и переинтеграции не являются тождественными языковым изменениям, но подготавливают их и определяют дальнейшее направление их движения. Скорость языковых изменений различна на протяжении всей истории развития человечества и обусловлена ею, однако, вне зависимости от скорости изменений в сознании носителей языка он остаётся неизменным. Благодаря силам, стремящимся к сохранению и изменению языка, наш язык постоянно обогащается новыми словами и фразами, новыми грамматическими структурами, но остаётся понятным каждому своему носителю.

1.3. Социальный характер языковых изменений

Язык – это не только самоорганизующаяся система, но и отражение окружающей действительности, которая постоянно изменяется и развивается, что ещё раз подтверждает мысль, высказанную Б.А. Серебренниковым о том, что язык проявляет «двойную зависимость

своей эволюции – от среды, в которой он существует, с одной стороны, и его внутреннего механизма, устройства, с другой» [Общее 1970: 197]. Влияние внутренних и внешних факторов на происходящие в языке изменения мы рассмотрим в параграфе 1.4, а экстралингвистические особенности эволюции языка попытаемся описать ниже.

А. Экстралингвистические особенности языковых изменений в рамках антропоцентрической парадигмы XXI века

В настоящее время на смену сравнительно-исторической парадигме XIX века и системно-структурной парадигме XX века пришла антропоцентрическая парадигма, которая возникла с осознанием необходимости изучения самого человека «во всей реальной и потенциальной совокупности своих проявлений» [Красных 2013: 46]. И если вопросы взаимозависимости языка и человека, языка и культуры были ключевыми в языкознании XIX века, то учёные XX века изучали язык сам по себе, а человека самого по себе. Как отмечает Ю. К. Волошин, в рамках системно-структурной парадигмы изучался «человек молчащий» [Волошин 2000: 20], тогда как парадигма XXI века принесла с собой осознание комплексного изучения человека и языка. В рамках данной парадигмы внимание многих филологических исследований приковывает «человек в языке и язык в человеке» [Маслова 2001: 6], где человек рассматривается как человек говорящий, как носитель языкового сознания, как личность, осуществляющая речевую деятельность [Красных 2007: 53; Красных 2013: 46], а познание мира осуществляется «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в языке» [Маслова 2001: 6-7].

В. В. Красных считает, что в рамках данной парадигмы можно выделить несколько подходов к определению и рассмотрению роли языка, в качестве возможных подходов она называет комплексный общегуманитарный подход, психолингвистический подход, лингвокультурологический подход и психолингвокультурологический

подход [Красных 2013]. Комплексный общегуманитарный подход рассматривает язык как составляющую «многогранника бытия человека говорящего» [Красных 2013: 46]. В центре многогранника находится человек говорящий, а вершины многогранника представлены неразрывными и взаимодействующими феноменами язык, сознание, культура, коммуникация, сообщество [Красных 2013: 48]. Язык, будучи сложно-динамической системой, «не просто формируется средой, но и вступает с ней в многосторонние и разнообразные отношения» [Общее 1970: 212].

Язык и общество обладают сложными глубоко проникающими взаимозависимостями. Если общество – это обязательное условие существования и познания языка, то язык – это обязательное условие существования общества, культуры и мышления. Окружающая действительность, находясь в постоянном движении и развитии, косвенно способствует изменениям в языке, а меняющиеся потребности общества способствуют появлению в языке новых средств и способов передачи информации, описанию новых понятий, идей, предметов.

Действительное понимание современного этапа развития языка касается характера его взаимодействия со средой. Б. А. Серебренников отмечал, что, постепенно перестраиваясь вместе с обществом, язык выполняет всё более и более сложные и разнообразные функции, что, в свою очередь, помогает языку более совершенно отразить сложные явления окружающей действительности [Общее 1970, 201]. А. Мартине утверждает, что особое внимание при этом стоит уделить тому, как язык служит потребностям «всех общественных групп различных сосуществующих поколений, разных социальных уровней и диалектных подразделений» (цит. по: [Косериу 1963: 126]), так как изменения данных потребностей прямо пропорциональны интеллектуальным, экономическим и социальным изменениям данных общественных групп [Мартине 1963: 529].

О том, что элементы языковой структуры подвержены систематическим изменениям, обусловленным экстралингвистическими

социальными процессами, говорили многие языковеды. Например, ещё В. фон Гумбольдт говорил, что язык развивается только в обществе, а «человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям» [Гумбольдт 200: 77]. Данную мысль поддерживает А. А. Потебня, который говорит о том, что язык развивается только в обществе, потому что язык обеспечивает связь племени, народа, которому принадлежит человек, не только благодаря взаимному пониманию друг друга, но и благодаря тому, что «человек понимает самого себя, только испытавши на других людях понятность своих слов» [Потебня 1999: 30].

Для удовлетворения потребностей своих носителей, для отражения изменений окружающей среды язык должен обладать особым механизмом адаптации [Угланова 2011: 23], который не просто пассивно отражает любые изменения в устройстве общества, а относится к ним избирательно. Здесь стоит отметить, что речевая деятельность, в отличие от языка, отражает любые общественные изменения и притом одинаковым образом [Щерба 1974: 27], тогда как язык не может, «не теряя своей качественной специфики, непосредственно реагировать на абсолютно все изменения в том фрагменте среды, в котором он существует» [Общее 1970: 212], так как это может привести к разрушению языковой системы, а не к её развитию. Ещё Ф. Энгельс указывал на тот факт, что ряд политических и экономических событий в жизни общества, которое обслуживает язык, не может выступать причиной языковых изменений [Общее 1970: 213], тогда как, например, «изменение контингента носителей данного языка, или контактирование народов, или распространение просвещения» [Общее 1970: 213] являются конкретными причинами развития языковой системы. Адаптируясь к постоянно меняющейся среде, язык стремится достичь уровня абсолютной адекватности данной среде, но никогда его не достигает [Угланова 2011: 23]. Являясь лишь требуемым, но не актуальным, состоянием языка [Altmann 1981: 28], стремление к абсолютной адекватности отражения окружающей действительности поддерживает и повышает жизнеспособность

языковой системы, в которой остаются лишь те варианты, которые удовлетворяют её потребности [Угланова 2011: 25].

К. Леви-Стросс отмечает, что язык – это единственное явление из всех общественных, которое может быть подвергнуто истинному научному исследованию. Также учёный подчёркивает сложные взаимоотношения языка и культуры, где язык является сложным продуктом общей культуры народа, а также условием приобщения индивида к этой самой культуре [Мотрошилова 1999: 298–301; Кокарева 2013: 90–93]. Культурный прогресс наиболее непосредственно отражается в языке, который, как отмечал В. фон Гумбольдт, «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» (цит. по: [Алпатов 2005: 72]) и тем самым создаёт особое отношение между языком и поколением, которое на нём говорит, языком и поколением, которое на нём говорило, его культурными и социальными особенностями. Однако утверждение о том, что смена поколений влечёт за собой изменения языковой системы, является ошибочным [Щерба 1974: 27]. Каждое поколение, несомненно, непрерывно воздействует на язык и «несмотря ни на что, вызывает в нём какой-то сдвиг, который, однако, часто ускользает от наблюдения» [Гумбольдт 2000: 82–83]. Изменения могут происходить и при распространении новых языковых навыков, которые могут создать ситуацию различия между речью разных поколений, а также ситуацию, когда в определённый момент времени «в одной части данного коллектива новые навыки уже распространились, а в другой ещё нет» [Бенвенист 1965: 451]. В любом случае, основной причиной принятия новых языковых элементов выступает больший престиж одного носителя языка по сравнению с другими носителями или больший языковой престиж той или иной социальной группы. Так, Э. Косериу говорит о том, что «языку научаются от тех, кто «говорит лучше», от тех, кто умеет (или считается умеющим), а не от тех, кто не умеет» [Косериу 1963: 197], а С. П. Хорошилова отмечает, что средние слои общества являются лидерами

по распространению языковых изменений, тогда как низшая и высшая прослойки общества не являются их инициаторами [Хорошилова 2010: 18].

Вне зависимости от способа и характера передачи языковых изменений, говорящие зачастую осознают, что разные элементы языка имеют разные периоды возникновения, что «некоторые элементы являются «более старыми», а другие – «более новыми»» [Косериу 1963: 126], но, несмотря на это, у любого говорящего никогда не возникнет ощущения, что язык «перестает быть идентичным самому себе» [Мартине 1963: 529].

Б. Индивидуальные и общенародные изменения

Говоря об изменениях, происходящих в речи, нельзя не отметить тот факт, что они создаются человеком и для человека, при этом лингвисты различают индивидуальные и общеплеменные (общенародные) изменения, однако, разные авторы имеют различные точки зрения по вопросу того, какие изменения называть индивидуальными, а какие общеплеменными. Так, по Бодуэну де Куртенэ индивидуальные изменения – это изменения, проходящие без следа для всего общества, однако, иногда влияющие на других индивидуумов; а общеплеменные изменения – это изменения, которые становятся доступными для всех носителей данного языка [Бодуэн 1963а: 228]. В. А. Гречко также утверждает, что язык как природное и общественное явление не подразумевает каких-либо изменений во внутренней структуре языка со стороны произвольного говорящего [Гречко 2003: 117]. Однако данное утверждение не совсем справедливо, так как «язык никогда не создаётся всем коллективом говорящих одновременно. Отдельные изменения в языке производятся отдельными индивидами» [Общее 1970: 68], поэтому мы не можем утверждать о том, что индивидуальные изменения – это явления, возникающие в речи, но не влияющие на сам язык. Вспомним, утверждение Э. Косериу о том, что в процессе появления какого-либо языкового изменения важен не только факт

его порождения, но и факт его принятия другими членами данной социальной группы [Косериу 1963: 192]. Например, творчество современного украинского музыкального дуэта «Потап и Настя», широко известного в России и ближнем зарубежье, изобилует «новыми» словами. Так, в песне «Прилелето» музыканты поют следующие строчки: «Это лето прилелето, это лето – наконец-то оно прилелето!». Все слушатели данного произведения понимают, что слово «прилелето» образовано от глагола «прилететь» и существительного «лето», однако, не используют его в своей повседневной речи. Справедливо было замечено Е. В. Головки, что распространение новой формы проходит более успешно в маленьких языковых коллективах, нежели в больших [Головки 2001: 4].

Несмотря на этот факт, «простой носитель» (по Е. В. Головки) обладает большим потенциалом в области языковых изменений в коллективе любой величины. В первую очередь, к этим «простым носителям» можно отнести авторов художественных произведений. Благодаря поэтам и писателям язык обогащается новыми словами, фразами, значениями слов. Так, например, большое влияние на формирование русского языка оказал Н. М. Карамзин, который обогатил наш язык такими словами-кальками, как «впечатление», «влияние», «трогательный», «занимательный», «моральный», «сосредоточить» и т. д. Ф. М. Достоевский любил придумывать новые слова посредством словообразования: придуманное им «стушеваться» особенно часто используется молодыми людьми нашего времени, а слова «шлепохвостница» и «всечеловеки» не прижились. Придумывать слова было большой привилегией для литераторов XIX и даже XX века, однако, на сегодняшний день данное обстоятельство скорее является нормой для современных авторов. Словосочинительством занимаются не только поэты и писатели, но и журналисты, редакторы, копирайтеры, которые уверены в том, что уникальные слова и словосочетания помогут заинтересовать читателей, выделиться среди огромного числа коллег и запомниться своей необычностью и красноречивостью. Как отмечает Е. В. Головки, языковая

игра помогает литераторам заработать себе на хлеб, так как она востребована «простыми носителями» [Головко 2001: 4]. Несмотря на желание обогатить словарный состав языка, многие слова остаются принадлежащими речи, а не языковой системе. Как отмечает В. А. Гречко, случаи введения авторских слов в словарный состав русского языка – это «отдельные счастливые случаи» авторского словотворчества [Гречко 2003: 117]. И здесь опять же немаловажную роль играет принятие, которое помогает языковым изменениям стать фактом языка. О важной роли принятия в процессе языковых изменений высказывались многие учёные, например, Б. А. Серебренников отмечал, что «Возникшее в языке новшество затем подхватывается другими говорящими на данном языке, в результате чего оно становится общим достоянием» [Общее 1970: 68], а Л. В. Щерба подчёркивал, что «всё подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет» [Щерба 1974: 27].

Стоит отметить, что сегодня язык – это не только средство общения, но и средство манипулирования сознанием людей, поэтому СМИ и различного рода политтехнологи, оказывающие огромное влияние на нашу жизнь, сознательно вносят в наш язык изменения. Так, например, появившиеся в начале XIX века названия «цветных революций» были искусственно созданы политическими деятелями и наделены особой эмоционально-экспрессивной окраской, воздействующей на эмоциональное состояние людей, так или иначе причастных к революционным событиям.

Обобщая всё сказанное выше, мы можем сделать вывод о том, что под индивидуальными изменениями всё же понимаются не изменения, которые привносит индивид в язык, а под общеплеменными – не изменения, сделанные народом. Индивидуальные изменения – это «создание» языка любым индивидом в процессе речевой деятельности, которое приводит к появлению новых форм и значений, фонетических и грамматических норм. Но результат этой деятельности не оказывает влияния на дальнейшее

функционирование и изменение в системе языка, он остаётся в рамках речевой деятельности и, будучи не принятым другими индивидами, в ней же сходит на нет. Общепородные изменения, напротив, выходят за рамки речевой деятельности и изменяют сам язык. Данное положение не подразумевает того, что изменения эти возникают посредством деятельности всего общества или народа: у каждого изменения есть свой автор. Но тот или иной коллектив определяет, принять (или не принять) изменения, возникшие в речи отдельных говорящих. Деятельность всех индивидов в сумме создаёт деятельность, «происходящую во внутренней сфере каждого языка» [Общее 1970: 68], что и даёт нам право называть такие изменения общепородными.

В. Лексический уровень – первостепенное отражение динамики языка и его социальной направленности

Лингвистами уже давно признано то, что изменения затрагивают все стороны структуры языка, что действия этих изменений, их скорость и характер зависят «от конкретных причин и условий, стимулирующих сдвиги в лексическом составе языка, в его фонетической (фонологической) организации, в его грамматическом строе» [Шепелева 2007: 181]. Причину неравномерности развития уровней языка А. А. Реформатский видел в том, что «при всём единстве языка как структуры в целом различные ярусы этой структуры, основанные на различных по качеству типах абстракции человеческого мышления, имеют разнородные единицы, историческая судьба которых связана с различными факторами, возникшими у носителей того или иного языка в процессе их исторического развития» [Реформатский 1996: 467]. Несмотря на различный характер изменений и их причины, любой сдвиг на одном из уровней системы может вызвать «цепную реакцию метаморфоз на всех детерминированных уровнях» [Бондаренко 2009: 14], что, в свою очередь, нередко затрудняет выявление истинных причин языкового изменения. Как говорит Э. Бенвенист, лингвистам приходится

прибегать к смелым гипотетическим построениям, чтобы проследить всю цепочку языковых событий вплоть до начала внеязыкового импульса, поэтому чаще всего им приходится объяснять какое-либо изменение лишь как часть данной цепочки [Бенвенист 1965: 452]. Внутри языковой системы происходят постоянное взаимодействие и противоборство уровней через изоморфно организованные, внутриуровневые и межуровневые связи, которые определяют целостность и функциональность системы [Бондаренко 2009: 15-16].

Многие учёные отмечают, что лексический уровень не сопоставим с другими уровнями по ряду параметров. Лексический уровень мобильнее, чем фонетический, морфологический или синтаксический, что можно объяснить количественным отличием лексической системы, которая состоит из десятков и сотен тысяч единиц. Е. В. Падучева отмечает, что весь этот гигантский массив лексических единиц к тому же слабо защищён от социальных и прочих воздействий [Падучева 2004: 25], что делает его ещё более подвижным по сравнению с другими уровнями языковой системы. Б. А. Серебренников также подчёркивал большую степень зависимости изменений лексического уровня от внешних причин, связывая это с растущими потребностями общества каждой новой эпохи и каждого нового культурно-исторического события в жизни народа, которые требуют от языка, и от лексической системы в первую очередь, адекватного отображения новых идей и понятий в соответствующих словах и выражениях для сохранения коммуникативной пригодности [Общее 1970: 279–282]. В. В. Шмелькова говорит, что лексика обращена непосредственно к внеязыковой действительности, что связывает её с культурной памятью народа, с фоновыми знаниями, воплощающими национальную специфику картины мира [Шмелькова 2011: 290].

Другой параметр, отличающий лексический уровень, это повседневность изменений, когда жизнь изменения от её начала до её конца зачастую можно проследить в рамках одного или нескольких поколений,

тогда как изменениям фонологической системы, грамматического и звукового строя языка требуется значительно больше времени.

Ю. С. Маслов в качестве основных процессов развития лексики выделил следующие: появление неологизмов, историзмов и архаизмов; изменение значения лексических единиц языка таких, как появление нового (в частности заимствование) и отмирание старого; метафорические переносы, сужение или расширение значения, процесс переименования [Маслов 1987: 195–196]. При этом наиболее подвижным компонентом языка является его словарный состав, который является наиболее ярким свидетельством динамического характера языка. А. А. Хаматова отмечает, что для всех языков характерны периоды наиболее бурного развития словарного состава [Хаматова 2012: 9], который отражает условия определённого исторического периода общества, наиболее своевременно реагируя на любые изменения во всех сферах человеческой жизни.

Язык, будучи обязательным условием существования общества в целом, «социален в своём существе, происхождении и главных функциях» [Кормочи 2010: 14]. Общество, в свою очередь, обеспечивает существование и познание языка, его развитие и адаптацию к окружающей среде, которая необходима для адекватного отражения окружающей действительности и культуры конкретного народа. Язык выступает средством общения, и, несмотря на стремление к искусственному созданию новых языковых элементов со стороны писателей, журналистов, политических деятелей, язык «должен быть народным, а не личным диалектом, изобретённым самим говорящим» [Кормочи 2010: 16-17], что обуславливает тот факт, что при обязательном наличии автора той или иной инновации индивидуальные изменения остаются достоянием речи, тогда как общенародные изменения становятся элементами языка. При этом для языка характерно неравномерное развитие его уровней, что связано с тем, что лексический уровень (и, в первую очередь, словарный состав языка) наиболее отзывчив к изменениям в жизни общества, его структуре и организации.

1.4. Движущие силы языковых изменений

А. Внешние и внутренние факторы языковых изменений

В науке о языке введено разграничение внутренних и внешних факторов языковых изменений. В литературе можно встретить различные прилагательные, используемые при делении факторов на две группы (внешние и внутренние, экстралингвистические и лингвистические, внесистемные и системные, социолингвистические и структурные), однако, «различение внутренних и внешних законов теоретически связывается с различением внутренней и внешней историей языка И. А. Бодуэна де Куртене, внутренней и внешней лингвистики Ф. Соссюра, наконец, с внутренней и внешней структурой языка Е. Косериу» [Гречко 2003: 107].

Внешние причины – это совокупность процессов, происходящих в окружающей язык среде, которые связаны с особенностями исторического развития, меняющимися коммуникативными нуждами и условиями существования общества.

Внутренние причины – это различные импульсы, возникающие непосредственно в языке, при целенаправленном воздействии тенденций, направленных на усовершенствование существующей системы языка.

Если учёные уже давно не предпринимают попытки связать эволюцию языка с одним–единственным универсальным фактором, то по поводу определения ведущей группы факторов (внешней или внутренней) в развитии языка до сих пор нет единого мнения. Можно выделить три различные точки зрения по этому вопросу.

1. Все внутренние и внешние изменения в языке социально обусловлены.

Сторонники данной точки зрения (например, А. Соммерфельт, Р. А. Будагов, Т. А. Дегтярёва, Ф. П. Филин и др.), считают, что все причины развития языка, так или иначе, носят социальный характер. Например,

Ю. Д. Дешериев полагает, что не следует совершать методически недопустимых ошибок, рассматривая факторы развития языка отдельно, так как структура языка есть порождение социального. Учёный выделяет две линии развития языка – функциональную (линия развития общественных функций языка) и внутрискруктурную (линия развития внутренней структуры языка), при этом «функциональная линия языка является определяющей по отношению к внутренней структуре языка» [Дешериев 1977: 25]. Р. А. Будагов, подчёркивая социальную обусловленность внутренних причин языковых изменений, утверждает, что внутренние факторы не противоречат факторам социальным, а, наоборот, при каждом изменении глубоко взаимодействуют [Будагов 1978: 164]. Крайней в этом вопросе точкой зрения можно признать теорию о тождестве внешних и внутренних законов развития языка Т. А. Дегтярёвой. Автор этой теории пытается исключить понятие «внутренний фактор развития языка», который «при более пристальном рассмотрении предстаёт как следствие какого-либо внешнелингвистического фактора» (цит. по: [Серебренников 1988: 148]). Ф. П. Филин согласен с данной точкой зрения, подчёркивая при этом, что те или иные общественные причины нередко трудно поддаются учёту [Филин 1977: 9].

2. Исключительно внутренние причины являются условием языковых изменений.

Сторонники данной точки зрения, к которым можно отнести А. Мартине, Ю. Куриловича, Э. Косериу, полагают, что «все экстралингвистические импульсы, хотя они, может быть, и имеют место, не должны рассматриваться в пределах лингвистики» [Серебренников 1988: 218]. Ю. Курилович говорит о том, что чёткие границы поля лингвистического исследования не должны включать в себя изучение внеязыковых факторов [Курилович 1965: 404]. А. Мартине также считает, что внутренняя причинность должна представлять главный интерес для лингвиста, при этом внутриязыковые противоречия должны стать основой

лингвистических исследований [Мартине 1963: 532]. Э. Косериу хоть и признаёт разграничение внешних и внутренних факторов языковых изменений, всё же считает, что «в действительности все эти факторы в качестве условий речи являются “внутренними”. Так называемые “внешние” факторы ... – это факторы второстепенные, непосредственно не определяющие языковую деятельность» [Косериу 1963: 217–218]. Учёный предлагает разделять факторы не на внешние и внутренние, а на системные и внесистемные, где системными факторами можно считать постоянные и случайные причины изменений в функциональной и нормальной системе языка, а внесистемными – постоянные и случайные причины, относящиеся к многообразию языковых навыков в говорящем коллективе [Косериу 1963: 218].

3. Языковые изменения имеют многосторонние зависимости от целого комплекса причин, как внутренних, так и внешних.

Подчёркивая ограниченность первых двух точек зрения, такие учёные, как У. Лабов, А. Мейе, Б. А. Серебренников признают наличие внутренних и внешних факторов развития языка, которые систематически взаимодействуют друг с другом и образуют сложную цепь следующих друг за другом причин. У. Лабов отмечает, что «языковые изменения не могут быть объяснены на основе фактов, касающихся одних лишь отношений внутри языковой системы, даже если признавать в качестве дополнительных обуславливающих факторов внешние, социолингвистические отношения. В механизме языковых изменений, наблюдавшемся нами, эти два вида отношений систематически взаимопроникают друг в друга» [Лабов 1975: 199]. А. Мейе выделил три группы факторов языковых изменений: 1) внутренние факторы, связанные со структурой языка, его устройством; 2) внешние факторы, определяющие психологические, физические, пространственные, социальные и прочие условия существования языка; 3) полулингвистические факторы, которые являются частными влияниями

других языков на изучаемый язык в данное время [Общее 1970: 219]. Роль всех трёх групп факторов во всей совокупности неизменна.

Б. А. Серебренников внёс большой вклад в изучение процессов развития и изменения языка. Его основные положения относительно движущих сил языковых изменений приведены ниже.

– Причины языковых изменений могут быть разбиты на две основные категории – внутренние и внешние.

– Причиной какого-либо языкового изменения может быть целая цепь следующих друг за другом причин одного порядка, что практически осложняет отнесение этой причины к одной из указанных категорий.

– Как правило, основная причина выступает более отчётливо, создавая импульс, под влиянием которого и происходит изменение.

– Если причина не кроется в языковом механизме, а лежит за его пределами, то такую причину можно назвать внешней.

– Главное отличие внутренних причин языковых изменений от внешних заключается в том, что внутренние причины не имеют временных ограничений, тогда как каждое внешнее действие ограничено определённой исторической эпохой.

– Внешние и внутренние причины глубоко взаимодействуют друг с другом, однако, не все изменения языка вызваны действием внутренних и внешних факторов в совокупности, например, существуют многочисленные случаи, когда внешние факторы не принимают участия в изменении языка [Общее, 220; Серебренников 1988: 130–160].

Б. Диалектические противоречия – источник языковых изменений

В. А. Гречко подчёркивает, что «именно внутренние законы являются свидетельством того, что язык представляет собой относительно самостоятельную, саморазвивающуюся и саморегулируемую систему. Внутренние законы весьма разнообразны, поэтому их, в свою очередь,

подразделяют на общие (для всех языков) и частные (не для всех)» [Гречко 2003: 108]. В научной литературе отводится специальное место для такого закона, как тенденция к экономии усилий, так как он является ведущим внутренним фактором развития языка. И. А. Бодуэн де Куртенэ говорил, что изменения в языке, вызванные данной тенденцией, могут совершаться в трёх направлениях, которые могут накладываться друг на друга и стремятся к одному и тому же результату: 1) стремление к экономии центробежной работы, работы произношения, фонационной работы; 2) стремление к экономии центростремительной работы, работы слушания, аудийной работы; 3) стремление к экономии работы центральной, работы центрально-мозговой, церебрационной работы [Бодуэн 1963а: 228].

Существуют и другие законы, которые действуют имманентно и не имеют прямого отношения к выражению картины мира, например, тенденция к разнообразию средств языка, тенденция к улучшению языкового механизма, тенденция к сохранению языка в постоянной коммуникативной пригодности, тенденция к компенсации коммуникативно необходимых языковых элементов. В действительности, внутренних тенденций в языке гораздо больше, но мы не ставим перед собой задачу перечислить их и, тем более, описать каждую из них. Мы хотим лишь отметить, что тенденции могут быть разделены не только на общие и частные, характерные для всех или некоторых языков: также могут быть выделены механизмы, которые оказывают влияние как на всю систему отдельно взятого языка, так и на определённый уровень этого языка (лексический, фонетический, синтаксический, морфологический). Как отмечает Б. А. Серебренников «Законы могут быть менее общими, действующими в ограниченной области, более общими и всеобщими, универсальными. Если возможны законы, действующие в ограниченной области, то и в языке должны существовать законы, специфические для данной области» [Серебренников 1988: 158–159]. Например, тенденция к экономии усилий является причинно-следственным процессом, подвергающим изменениям все уровни языка, а тенденция к

разрушению конца слова явно действует в пределах морфологического уровня, при этом данная тенденция, как, впрочем, и любая другая, может иметь довольно много следствий, например, сокращение долгих конечных гласных или отпадение гласного, находящегося в абсолютном конце слова.

Если о взаимосвязи различных причин и законов языковых изменений мы уже говорили выше, то сейчас стоит обратить внимание на возможное «наложение» этих законов, которое в лингвистике принято называть «противоречиями». Как отмечал Б. А. Серебренников, «объективная действительность детерминирована не одним, а многими законами, которые «накладываются» и «перекрывают» друг друга», а совокупное действие этих законов рождает беспорядок, который, в свою очередь, порождает непоследовательности и противоречия в самых разных языках [Серебренников 1988: 160]. Несмотря на большой интерес со стороны филологов к проблеме изучения противоречий в языке, сама проблема остаётся малоизученной, а выдвигаемые положения зачастую представлены общими высказываниями. Диалектическим противоречием языка можно считать противоречие между его формой и содержанием. В качестве элементов формы А. А. Потебня выделяет внутриязыковое содержание и внешнюю форму, которые представлены значениями слов и звуками соответственно. В качестве элементов содержания выделяются смыслы языковых единиц и речевых актов [Потебня 1958: 72]. Главное свойство диалектического противоречия – это внутреннее соотношение противоположностей, так в единстве формы и содержания, т. е. в единстве противоположностей, должен быть элемент борьбы до тех пор, пока противоречие не будет устранено, что и обуславливает движения и изменения в языке.

Противоречия могут возникать только в процессе развития языка во всех сферах языка и на всех его уровнях. В свою очередь противоречия сами являются источником диалектического развития языка, так как благодаря действию разнонаправленных процессов в системе возникает динамическое

напряжение [Угланова 2011: 23]. И, как справедливо замечает Б. А. Серебренников, данные противоречия не являются результатом неправильного мышления, они существуют в языке объективно и появляются благодаря сложной организации человеческого языка [Серебренников 1988: 215, 228].

Противонаправленное действие различных законов порождает противоречия, которые могут быть преодолены или же, наоборот, не нуждаются в преодолении, так как в целом являются полезными для языка. Существуют такие периоды, когда язык функционирует, а противоречие ещё не преодолено, такие противоречия называются непреодолёнными. Несмотря на наличие непреодолённых противоречий, универсальное свойство всех языков оставаться в состоянии коммуникативной пригодности не нарушается, так как язык оказывает сопротивление изменениям с целью сохранения текущего состояния.

Процессы развития и изменения языка порождаются движущими силами, как происходящими внутри языка, так и воздействующими извне. Многие учёные говорят о социальной обусловленности всех факторов языковых изменений, однако, Б. А. Серебренников считает пережитком марризма отрицание существования внутренних законов развития языка [Серебренников 1988: 240], которые являются имманентными и не могут быть связаны с историко-политической, экономической или какой-либо другой организацией общества. Языковое изменение, будучи сложно динамическим процессом, обусловлено взаимодействием многих факторов, как внешнего, так и внутреннего характера, а точнее наличием диалектических противоречий, возникающих в процессе разнонаправленного действия нескольких законов.

Выводы по главе 1

Динамика – это исходная категория всех научных теорий, интерес к которой зародился ещё в античной философии. Несмотря на общие положения античных и средневековых учёных о подвижности языковой структуры, активное изучение языка как явления динамического началось лишь в период становления сравнительно-исторического языкознания. Учёные-лингвисты (например, А. Шлейхер, И. А. Бодуэн де Куртенэ) пытались найти точки соприкосновения между развитием языка и развитием биологическим и социальным. Исследования языка были настолько сильно подвержены идеям о его динамическом характере, что они являлись ключевыми в познании сущности языка. Однако, противопоставляя и объединяя такие свойства языка, как статика и динамика, Ф. де Соссюр внёс значительный вклад в изучение данного вопроса. Соссюровская антиномия «синхрония – диахрония» подвергалась многочисленной критике, вследствие чего лингвисты пришли к выводу о том, что оба полюса данной антиномии включают в себя категорию динамики. На сегодняшний день лингвистические исследования посвящены не только фонетическим, морфологическим, синтаксическим и лексическим изменениям в языке, но и жанровым, стилевым, дискурсивным, образным изменениям.

Говоря о структурных изменениях в языке, мы должны учитывать тот факт, что процессы инновации, варьирования и переинтеграции являются сигналами зарождающихся изменений и намечают векторы их дальнейшего движения. Изменения языка характеризуются постоянностью и бесконечностью, неравномерной скоростью на протяжении всей истории языка. Скорость языковых изменений зависит от социальной жизни общества, его экономико-политической организации, при этом лексический уровень (и, в частности, словарный состав) обладает наиболее высокими темпами развития, что связано с зависимостью языка от среды, в которой он

функционирует, и наибольшей отзывчивостью именно лексики к любым изменениям в данной среде.

Любое самодвижение во Вселенной невозможно, поэтому позаимствовав из естественных наук понятие «закон», лингвисты пристально изучают механизмы происходящих изменений и их причины. Любое языковое изменение порождается диалектическими противоречиями, которые характеризуется разнонаправленным действием нескольких законов. Несмотря на явное действие внешних, экстралингвистических причин на ход языковых изменений, нельзя отрицать наличие внутренних, имманентных законов развития, которые не могут быть связаны с внешними воздействиями на структуру языка. Всё это не исключает того, что динамика языкового явления не определяется действием только внутренних или только внешних факторов. Экстралингвистические и лингвистические причины языковых изменений тесно взаимодействуют друг с другом, хотя и не во всех случаях.

Индивидуальные языковые изменения зарождаются в речи, поэтому любой носитель языка обладает большим потенциалом в данной области. Однако без принятия языкового новшества другими носителями языковое изменение не сможет закрепиться в структуре языка и не сможет стать общенародным. Кроме того, языковая система не может реагировать абсолютно на все изменения, потому что это приведёт к её разрушению, а не к развитию, поэтому на язык действуют силы, направленные на сохранение и на изменение языка. Именно благодаря одновременному разнонаправленному действию этих сил язык развивается и при этом остаётся в состоянии коммуникативной пригодности, позволяя говорящим понимать друг друга вне зависимости от всевозрастающего количества языковых изменений и их прогрессирующей скорости.

Глава 2. ДИНАМИКА ИМЕНОВАНИЙ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ПУТЬ ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО ПРИОБРЕТЕНИЯ НОВЫХ СМЫСЛОВ

2.1. Возникновение именовании «цветных революций» для обозначения исторических событий

С началом XXI века мир охватила волна так называемых «цветных революций» – ненасильственных акций протеста, направленных на свержение действующей власти в некоторой стране. До сих пор политологи не пришли к единому мнению о том, какие именно события можно отнести к списку «цветных революций», и в разных источниках этот список существенно варьируется, например [Аллов 2011; «Цветные ... 2011; Tucker 2007]. Для нашего аспекта рассмотрения вопроса о «цветных революциях» данный факт не имеет значения. Мы будем подразумевать под «цветными революциями» все события (с 2000-го года и по настоящее время), которые по тем или иным причинам получили название «революция», однако, в привычном значении слова *революция* не могут быть отнесены к таковым. Тут же перед нами встаёт следующий вопрос: «В каком значении предстаёт слово *революция* в составе именовании “цветных революций”?».

А. Целесообразность использования термина «революция» в составе именовании «цветных революций»

Изучение революций давно привлекает внимание историков, политологов, филологов и других учёных и образует такую научную отрасль как теория революций (впервые предложенную в XVIII веке А. Ферраном [Завалько 2005: 24]), где рассматриваются характерные признаки, присущие всем когда-либо существовавшим революциям. «Революция – это качественное прогрессивное изменение общества» [цит. раб.: 371] и каждой исторической эпохе присущи свои перевороты со своими характерными особенностями. Революциями XXI века поистине являются «цветные революции», но почему именно слово *революция* было выбрано для

именований «цветных революций»? Для ответа на этот вопрос обратимся к истории и этимологии понятия «революция».

Изначально термин «революция» происходит от латинского слова *revolutio* – ‘откатывание, возврат к прежнему состоянию’, оно употребляется в алхимии и астрологии в значении ‘круговое орбитальное движение небесных тел’. Считается, что в научный язык этот термин ввёл Николай Коперник, который в 1543 году использовал данное слово в названии своей книги «*De revolutionibus orbium coelestium*» («О вращениях небесных сфер»).

Понятие «революция», применительно к политике, входит в обиход примерно через век после Николая Коперника и связано с именем Франсуа де Греналя, который отождествлял революцию с реставрацией, а его сочинение 1643 года посвящено реставрации старой династии в Португалии [Блюм 1985: 8–9]. В то время термин «революция» ещё сохранял в значительной степени своё первоначальное значение, однако, с ходом времени и историческими событиями, и в частности с Английской революцией XVII века, это слово сближается по значению с такими словами, как *бунт*, *мятеж*, *восстание*, но отличается от них тем, что указывает на глубину преобразований. Уже тогда многие философы заинтересовались изучением понятия «революция», например [Локк 1988: 392–393; Гоббс 1991: 544].

Можно сказать, что понятие «революция» в современном значении было впервые употреблено Дэвидом Юмом в XVIII веке как существенное изменение в управлении государством [Завалько 2005: 14]. После Французской революции 1789 года изучение революций выходит на новый уровень. Так, Монтескье отождествляет революцию уже более с переворотом [Энциклопедия ... <http>], а Мари Жан Антуан Никола Кондорсе утверждает, что прогресс без революций невозможен [Кондорсе 2011: 15–16.]. Именно поэтому в данный период времени революция рассматривается как нечто естественное и не требующее описания. Тогда же возникает и понятие «научная революция».

В XIX веке интерес к изучению феномена революции со стороны учёных, философов и политических деятелей не угасает. П. А. Кропоткин называет революцию периодами ускоренной эволюции, когда уничтожается устоявшаяся веками политическая, общественная и религиозная жизнь нации и одновременно зарождается новый порядок [Кропоткин 1990: 172.]. В рамках исторического материализма Карл Маркс утверждал, что революция происходит при подъёме развития государства и является продолжением эволюции. Фридрих Энгельс говорил о социальном характере революции, которая разрушает старое общество, то есть революция носит общечеловеческий характер и важна не только для страны, в которой произошла, но и для всего человечества в целом [Завалько 2005: 33].

Для XX века основными признаками революций считаются незаконность, насильственный характер и внезапность, поэтому революции отождествляются с дворцовыми переворотами, крестьянскими восстаниями, контрреволюциями. С конца XX века революции начали носить *серийный* характер: по странам Восточной Европы в 1989 году прокатились перевороты, прочно вошедшие в историю как «бархатные революции». Г. А. Завалько отмечает, что из-за «бархатных революций», очевидно носящих регрессивный характер, понятие «революция» изъято из науки и его использование часто зависит от политических пристрастий [Завалько 2005: 112], а многие учёные рассматривают «бархатные революции» как «контрреволюции». Например, А. Тарасов утверждает, что «бархатные революции» – это всего лишь переворот, являющийся лишь частью революционного процесса [Тарасов [http](#)].

XIX век характеризуется «цветными революциями», охватившими в начале 2000-х многие страны СНГ. Суть этих революций в ненасильственной смене власти одного прозападного правителя другим при неизменном социальном строе и правящей элите. Г. А. Завалько называет эти революции псевдореволюциями, так как они не имеют ничего общего с настоящими, а употребление этого термина в данном контексте считает

губительным для всей теории революции в целом, так как «по мере того как будет раскрываться финансовая подоплека псевдореволюций, негативное отношение к ним будет распространено и на подлинные революции» [Завалько 2005: 113].

В целом история развития понятия «революция» схематично представлена на рис. 4.

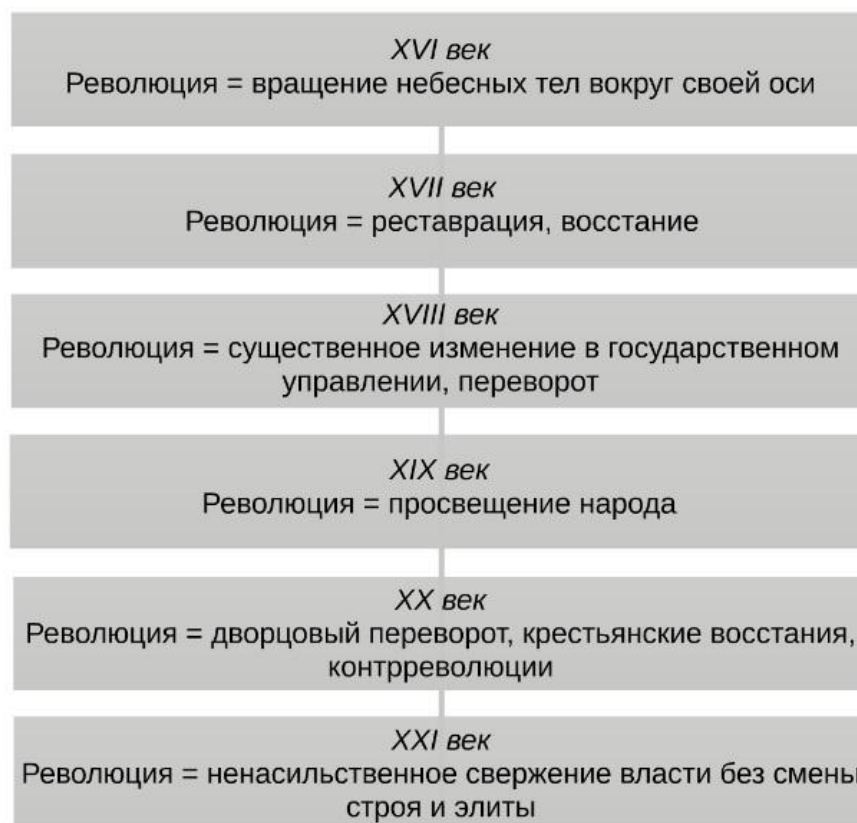

Рис. 4. Развитие понятия «революция» с течением времени

Теперь мы можем перейти к выявлению истинного понятия, скрываемого за словом *революция* в именовании «цветных революций». Б. Капустин утверждает, что на первый план выходит «трудность и спорность идентификации исторических явлений в качестве революции» [Капустин 2008: 13]. И, правда, в классическом понимании значение слова *революция* мы можем узнать в любом толковом словаре. Мы считаем достаточным привести пример лишь одного словарного определения, так как все остальные варианты схожи по смыслу и отличаются лишь порядком слов

в предложении. Так, Большой толковый словарь русского языка [Большой ... 2000: 1110] трактует революцию как «коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к смене общественного строя». Данное определение, как и все другие, взятые из словарей, не может быть применимо к именованию «цветных революций». Так, например, в результате «Оранжевой революции» на Украине в 2004 году общественно-политический строй остался прежним, да и структура общества не изменилась. То же касается и других «цветных революций». В связи с этим Г. Г. Почепцов [Почепцов 2005: 10] выделяет 3 типа революций в зависимости от динамики элит и динамики социального строя (см. рис. 5).

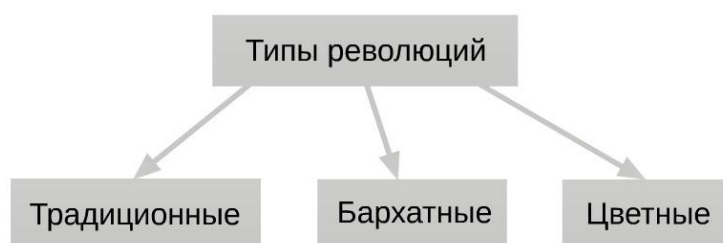

Рис. 5. Типы революций (по Г. Г. Почепцову)

Согласно Г. Г. Почепцову, традиционным революциям присущи смена правящей элиты и смена социального строя; «бархатным революциям» – «уничтожение» первых лиц и смена социального строя; а «цветным революциям» – круговорот существующих элит и старый социальный строй. Благодаря «бархатным» и «цветным» революциям можно выделить два подхода к понятию «революция» (см. рис. 6).

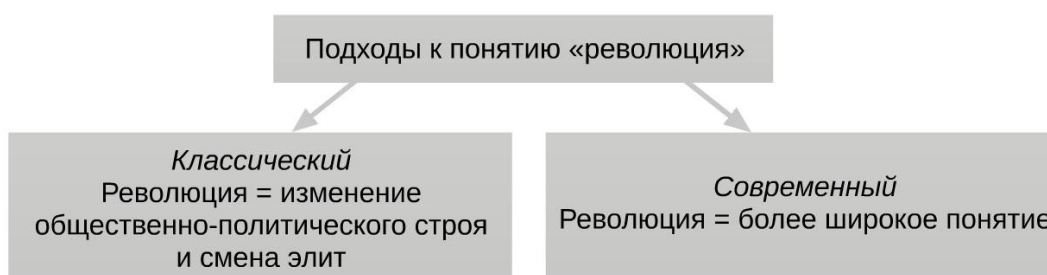

Рис. 6. Подходы к определению понятия «революция»

Современный подход к определению понятия «революция» обусловлен, в первую очередь, тем, что «бархатные» и «цветные» революции поистине нельзя отнести к классическим, но их именованья уже прочно закрепились в умах людей. Так стали появляться новые определения слова «революция». Например, Джек Голдстоун даёт определение, которое позволяет включить в свой состав и относительно мирные революции и в тоже время исключить перевороты, мятежи, гражданские войны, восстания и мирные переходы к демократии. В его понимании революция – это «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун 2006: 61]. Пожалуй, данное определение «революции» как нельзя лучше можно применить к серии «цветных». Наиболее демократичное определение понятия «революции» дано Жаком Эллюлем, который утверждает, что «мы должны принять в качестве революции то, что люди в определённый период времени воспринимают как революцию и таким образом называют её сами» [Почепцов 2005: 10].

Классический подход уже был описан выше и, в первую очередь, затрагивает теорию революции и классические словарные определения. Если всё же рассматривать именованья «цветных революций», придерживаясь данного подхода к определению понятия «революция», то слово *революция* в составе именованний подобного рода явно не должно было появиться. Возникает вопрос: каким словом его должно было заменить? Наиболее близки по своему значению слова *путч* и *переворот*. Вновь обращаясь к Большому толковому словарю русского языка, мы узнаем, что путч – это «государственный переворот, совершенный группой заговорщиков» [Большой... 2000: 1049], то есть путч – это восстание, мятеж, переворот. Но если путч – это переворот, но что же означает слово *переворот*? В Большом

толковом словаре русского языка слово *переворот* имеет сразу 3 значения, однако, применительно к объекту нашего исследования, мы можем использовать только второе значение, где переворот определяется, как ‘коренное изменение существующей общественно-политической системы’ [Большой... 2000: 797]. Стоит отметить, что иногда государственные перевороты, которые не носят революционного характера и по определению подпадают под переворот, всё же носят название «революция» (например, «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии, приведшая к смене на английском престоле династии Стюартов). Этимологически «переворот» сравним с «революцией», но в политической истории принято использовать понятие «революция» применительно к масштабным и продолжительным процессам, а понятие «переворот» – к процессам смены власти, где результат не является революционным по своим масштабам. Таким образом, слова *путч*, *переворот* и *революция* можно ранжировать по степени существенности изменений в государственной структуре (см. рис. 7).

Рис. 7. Степень существенности изменений в государственной структуре

В заключение подведём итоги приведённым выше рассуждениям. Во-первых, многие учёные отмечают то, что до сих пор не существует единственно верной теории революции, начиная с проблемы определения самого понятия «революция». Во-вторых, с течением времени понятие «революция» претерпело существенные изменения. В связи с этим можно

выделить два подхода к определению понятия «революция»: классический и современный.

В рамках классического подхода «революция» определяется как изменение существующего общественно-политического строя с последующим переходом государственной власти от существующей власти к новой правящей элите. С точки зрения этого подхода в именовании «цветных революций» неприемлемо употребление слова *революция*, а более подходит слово *переворот*. Многие исследователи придерживаются той точки зрения, что слово *переворот* наиболее уместно в историко-политическом контексте данных событий. Например, Г. Г. Почепцов утверждает, что реальные революции меняли социально-политический строй государства и его правящие элиты, а «цветные революции» лишь совершают круговорот существующих элит [Почепцов 2005: 9–10]. А. В. Громова согласна с данной точкой зрения и подтверждает, что слово *революция* в контексте «цветных революций» употребляется лишь в значении ‘переворот’ [Громова 2009: 10].

С позиций современного подхода к определению понятия «революция», в именовании «цветных революций» данное слово употребляется вполне оправданно, так как на данном этапе развития теории революции рамки данного понятия становятся более размытыми, и под именование «революция» подходит всё больше не только социально-политических, но и технических, научных, общественных и прочих изменений (стоит хотя бы вспомнить о существовании научно-технической, компьютерной, сексуальной революциях).

Отдельным комментарием отметим, что термин «цветная революция» вошёл в обиход благодаря журналистам и пиарщикам, которые в свою очередь хотели привнести в данное именование больше значимости и важности. Поскольку понятие «революция» является наиболее сильным в ряду «путч – переворот – революция», выбор слова *революция* в контексте современности можно признать вполне оправданным.

Б. Выбор ключевого слова-символа в составе наименования исторического события

Второй составляющей именованных «цветных революций» (далее – ЦР) является прилагательное (реже существительное или словосочетание) в их составе, которое и придаёт уникальность и узнаваемость каждому конкретному «революционному» событию XXI века и является его символом. В философском энциклопедическом словаре под ред. А. А. Ивина символ определяется как «идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание. ... Он всегда служит обнаружению чего-то неявного, не лежащего на поверхности, непредсказуемого. Если цель отсутствует, то нет и символа как элемента социальной жизни, а есть то, что обычно называется знаком и служит для простого обозначения объекта» [Философия... 2004]. Проводя дифференциацию таких понятий, как «символ», «знак» и «образ», многие исследователи, например [Аверинцев 1983; Лосев 1982; Философская... 1970], подчёркивают, что символ – это неразвёрнутый знак, сущность которого выходит за рамки его образа и заключает в себе всю его многозначность. Н. Д. Арутюнова уточняет, что «в иерархическом плане высшую позицию занимает символ», а в линейном он является «посредником между образом и знаком» [Арутюнова 1999: 337]. Обращая взгляд на «цветные революции», мы видим, что символ – это, в первую очередь, объект социальной жизни, который описывает что-то неявное, но, в тоже время, он узнаваем и может быть соотнесён с этим неявным без лишних затруднений.

Формирование символа для каждой конкретной революции – процесс, изучаемый политологами, политтехнологами, социологами, психологами, культурологами и даже философами, потому что он, так или иначе, затрагивает объекты изучения каждой из этих наук. И. Ситнова отмечает, что формирование символа – важный PR-метод осуществления «цветных

революций» и средство идентификации единомышленников. Символ «цветных революций» должен быть узнаваем, а также легко наносим различными способами в различных общественных местах [Ситнова 2011: 145]. Именно поэтому PR-технологии, которые занимались выбором символов «цветных революций», выбирали простые, понятные и знакомые объекты.

В рамках первого этапа нашего диссертационного исследования по поиску именованию было выявлено 41 именование революционных событий, которые проходили в 21 стране. С полной схемой именовании, представленных по хронологии политических событий, можно ознакомиться в Приложении 1. Из схемы видно, что для большинства революций был придуман не один, а два и более символа, а некоторым странам приписали один общий символ. Но, так или иначе, можно проследить некоторые закономерности в выборе символа. Например, все именовании можно разделить на три группы по сфере происхождения символа (см. рис. 8).

Рис. 8. Сферы-источники символов «цветных революций»

Цвет. Согласно Б. А. Базыме [Базыма 2005], человечество находится на стадии социально-психологического этапа цветового символизма, где цвет – символ политики и общества. Современные PR-технологии и политтехнологии заслуженно уделяют внимание такой научной дисциплине, как психология цвета, предметом изучения которой являются взаимосвязи цвета и психики. Цвет содержит историческую аллюзию и/или ценностную

составляющую, которая является принципиальным рычагом выбора и мобилизации.

Например, притягательность украинской революции была обеспечена именно оранжевым цветом, который был выбран для символики украинской оппозиции, инициировавшей революционные действия 2004 года. Великий немецкий поэт И. В. Гёте проявлял интерес к изучению особенностей чувственно-нравственного воздействия цвета на человека и отмечал, что оранжевый цвет – цвет теплоты и блаженства, раскалённого жара, пекла, накала, а активная сторона оранжевого цвета связана с его высочайшей энергией [Гёте [http](#)]. Именно накала, напряжённости и драматизма хотели добиться организаторы Оранжевой революции, и у них это получилось – революция стала эталоном «цветных революций».

Стоит отметить, что, выбирая в качестве символа цвет, устроители революций всегда основывались на предыдущем опыте применения данного цвета. Так, в Кувейте революция стала *голубой*, потому что цвет плакатов, которые использовали протестанты, был голубым. По такому же принципу был выбран цвет и для событий в Киргизии, где революция получила название *розовой*, – оппозиционеры выходили на площади с розовыми ленточками и тюльпанами [Walsh 2005]. В Ираке революция стала *фиолетовой* (пурпурной) благодаря тому, что обычно во время выборов проголосовавшим ставили фиолетовую метку на указательном пальце, чтобы они не могли проголосовать несколько раз. А Иранская революция получила название *зелёной* в честь поддержки кандидата в президенты Мир-Хосейна Мусави, который использовал зелёный цвет в своей политической кампании. Для российской революции американскими политтехнологами был выбран белый цвет [Некрасов [http](#); Сидоренко [http](#)] по разным причинам: во-первых, это аналогия с государственным флагом; во-вторых, исторические аллюзии (Белая гвардия, белые как представители буржуазии); в-третьих, религиозные смыслы (белый цвет имеет положительные коннотации во всех религиях). Кроме того, белый цвет символизирует чистоту, незапятнанность,

добродетель, радость, с ним связано представление об общепринятом, законном, истинном, что могло послужить сигналом для объединения представителей совершенно разных социальных групп и взглядов.

Растительный мир. Флористические образы нередко выступают в роли символа «цветных революций», что объясняется, во-первых, наличием у каждой страны государственной символики, в частности государственного цветка или растения; во-вторых, наличием флоры, которая характерна только для какой-то конкретной страны; а, в-третьих, богатой мифами и легендами историей, присущей каждому растению и способной наделять революцию неким смыслом и идеологией.

Например, кедр – символ Ливана, изображённый на флаге страны, является для ливанцев олицетворением бессмертия и постоянства [Государственный... [http](#)], а саму страну прозвали страной кедр [Тришин 2014]. Или рассмотрим, например каштан – символ города Киева, который с середины XX века является основным символом на гербе города [Каштан... [http](#)]. Во время политических событий 2004 года Киев был центром всех митингов, протестов и пикетов, соответственно и революцию решили сделать *каштановой*. Однако, в данном случае оранжевый цвет, заполонивший все главные площади Украины, оказался более значимым и сильным символом революционных событий, поэтому именование «Каштановая революция» уступило место именованию «Оранжевая революция».

Если на гербе Ливии изображён ливанский кедр, то на гербе Туниса вполне мог бы быть изображён жасмин. В Тунисе жасмин присутствует везде: так называют магазины, рестораны, отели; жасминовые деревья растут на улицах городов и вдоль шоссе; ветви жасмина продают на каждом шагу; а сам Тунис пронизан запахом цветков жасмина. Жасмин – это неофициальный символ Туниса, олицетворяющий эротичность, чувственность, умиротворение. Е. Пономарёва, рассматривая в своей статье самые распространённые символы и цветы «цветных революций», полагает, что «...

жасмин стал умиротворяющим символом революции, призванным скрыть ее истинные мотивы» [Пономарёва]. «Жасминовая революция» положила начало целой серии аналогичных событий в арабских странах, поэтому жасмин как символ нередко используется и в описании протестных событий в Египте, Ливии и других странах арабского мира, а в целом все эти волнения, в том числе и в Тунисе, получили название «Арабская Весна». Китайская культура считается одной из наиболее образных и символических в мире, а жасмин, будучи цветком китайской нации, символизирует женственность, сладость, грацию и привлекательность. Неудивительно, что после Арабской Весны китайские власти решили запретить продавать жасмин и подвергли название этого цветка цензуре в Интернете, чтобы избежать «цветной революции» в своей стране (во всемирной сети неизвестные авторы призывали недовольных китайцев выходить на улицы с цветами жасмина каждое воскресенье) [Visetti 2011]. Символом египетской революции стал цветок лотоса, который широко представлен в культуре Египта. Лотос как символ протестного движения на берегах Нила также имеет множество трактовок: обновление сил, возвращение молодости, плодородие, восход Солнца, рождение и т. п.

В некоторых странах СМИ пытались приписать сразу несколько «ботанических» образов революции. Так, революцию в Киргизии пытались назвать *Тюльпановой*, *Лимонной*, *Дынной* и даже революцией *Нарциссов*. Примечательным является тот факт, что установить образ, который скрывается за символом, не всегда представляется возможным. Только глубокий анализ российской и зарубежной прессы позволил нам сделать предположение, что *Тюльпановой* революция стала благодаря речи действовавшего на тот момент президента А.А. Акаева, который после данных событий был вынужден сложить с себя полномочия президента. Именование «революция нарциссов» появилось, когда демонстранты взяли в руки цветы нарциссов и вышли на улицы Бишкека, тем самым оппозиция хотела сменить существующий символ. *Лимонная* революция

предположительно получила своё название из-за мятежников, которые ели лимоны, чтобы противостоять слезоточивому газу [Lemon ... [http](#)]. Так как «Тюльпановая революция» в Киргизии оказалась весьма удачной с политической точки зрения, то за ней последовала и «революция Жёлтых Тюльпанов» в 2010 году. Тюльпан – символ уже знакомый, и, соответственно, несущий в себе определённый смысл – стал жёлтым опять же из-за главного цвета сил оппозиции.

Образ розы в Грузии был призван оказать влияние на все категории граждан: роза – национальный цветок, ассоциирующийся с полотнами выдающегося художника Нико Пиросмани, а также символ защиты от «оккупанта», которым, по мнению оппозиции, выступала Россия. Как протестанты вышли на улицы Бишкека с тюльпанами, а позже и с нарциссами, в руках, так и в Тбилиси оппозиция использовала цветы в качестве символа (в данном случае – розы).

Стереотипы также сыграли немаловажную роль в номинации революций. Российские и зарубежные журналисты любят использовать в своей работе национальные стереотипы, и как следствие в Египте революцию «прозвали» *Финиковой* или *Дынной*, в Мексике – революцией *Кактусов*, в Белоруссии – *Васильковой*, в Молдавии – *Виноградной*, а в Армении – *Абрикосовой*. Но, стоит отметить, что выбор именовании по такому принципу не обладает той символичностью, которая необходима для «цветных революций». Поэтому названия данного вида не получили должного распространения и не вошли ни в лексический состав языков, ни в обиход людей (только редкие статьи или записи в блогах на просторах Интернета носят заголовки с названием таких революций).

Павел Родькин полагает, что если в первых революциях символу придавалось большое значение, и он детально прорабатывался, то в последующем приобретение революцией символа ушло на задний план. Так, обозначение *абрикосовая* революция в Армении получила задним числом, да и вообще «... революция не сумела продемонстрировать ясного и яркого

стиля, который мог бы (должен был) стать действительной альтернативой государственной символике» [Родькин [http](#)]. Отсутствие чётко проработанного стиля революции, а также политическая ситуация в стране, значительно отличающаяся от других революционных стран, не помогли продвинуть и другое название для революции – революция *Подснежников*. Символ, очевидно, был выбран по причине того, что действия по свержению новой власти были назначены на раннюю весну 2008 года, а подснежник – это первый цветок, появляющийся после зимы, олицетворение чистоты, красоты и обновления. Но и этот символ не прижился. Например, А. Миловзоров даёт следующую оценку этих событий: «Армению вряд ли удастся "раскрутить" на революцию: подснежники не созрели» [Миловзоров [http](#)].

Окружающий мир. Конечно, цветочная символика наполнена скрытыми смыслами и мотивами, однако, зачастую зачинщики революций выбирали себе в качестве символа объекты окружающего мира. И в данном случае в первую очередь внимание привлекают такие названия, как *Твиттерная* или *Фейсбук* революция. Это объясняется тем, что разного рода социальные сети, блоги, форумы являются средством коммуникации, способным внушать нужную точку зрения, призывать к действию, провоцировать большое количество людей с наименьшими финансовыми и временными затратами. Е. Пономарёва отмечает, что «Современные средства коммуникации стали одними из важнейших средств подготовки и осуществления “цветных революций”, прежде всего в силу того, что позволили активизировать зрелищную сигнальную семантику» [Пономарёва].

Чаще всего при использовании объектов окружающего мира в качестве символа революции мы имеем дело с ассоциациями, которые вызывает данный объект. Б. А. Серебренников подчёркивал важную роль ассоциаций в процессе появления новых слов, утверждая, что индивид, придумывая новое слово для неизвестного ранее предмета, в первую очередь пытается

сопоставить его с уже известными предметами, которые уже имеют в языке «особое наименование» [Общее... 1970: 68]. Также он отмечал важную роль ассоциаций в «образовании различных переносных значений, когда на основании известных элементов сходства название одного предмета или явления может быть применено к названию другого предмета или явления» [Общее... 1970: 73]. Например, очевидно, что *Молодёжная* революция обращена к молодому поколению страны, способному устраивать протесты и митинги; революция *Пирамид* сразу отсылает нас к великому наследию культуры Древнего Египта, что делает Египет привлекательной страной для туризма, и в частности для российских граждан, поэтому революция в Египте может быть названа и *Курортной*. Одно из названий молдавской революции – революция *Гастарбайтеров* – тоже появилось благодаря российским СМИ, которые олицетворили всю Молдавию с рабочими, приезжающими в Россию на заработки. «Революцию» для самой России окрестили как *снежную*, что связано с тем, что массовые политические действия граждан, недовольных результатами выборов в Государственную думу и позже – результатами президентских выборов, происходили зимой 2012 года [Биддер 2012].

Примечательно то, что революция в Тунисе получила два совершенно противоположных именованья – *Голодная* и *Багетовая*, однако, оба названия скрывают один и тот же смысл – в стране кризис, и поэтому люди вынуждены голодать. Если в данном случае эта аналогия очевидна, то смысл именованья *Джинсовая* революция не сразу понятен. Всем известно, что Соединённые Штаты Америки – родина джинсов, а революция намечалась в Белоруссии. В данном случае джинсы олицетворяли символ свободы, отсылая нас к США сразу в двух направлениях: во-первых, Америка всегда позиционировала себя как самая свободная и свобододлюбивая страна, а, во-вторых, именно правительство США финансировало и продвигало все «цветные революции» в Восточных странах и странах бывшего Советского союза.

Событие, произошедшее в ходе революции, также может послужить основанием для именованя всей революции в целом. Например, 7 апреля 2009 года несколько тысяч человек ворвались в здание парламента в Кишиневе и в расположенный напротив президентский дворец, где в целях разгрома зданий использовали булыжники и камни. В результате этого происшествия революция в Молдавии получила сразу три названия – революция *Кирпичей*, революция *Булыжников* и *Кафельная* революция. Аналогичное событие произошло и в Сербии в 2000 году, когда митингующие штурмовали здание центрального телевидения с помощью бульдозера. Машинист бульдозера Любисав Джокич стал символом революции, а сама революция стала называться *Бульдозерной*. 13 мая 2005 года на центральной площади Андижана произошёл массовый расстрел безоружных демонстрантов, что сделало Андижан символом «цветной революции» в Узбекистане, а саму революцию *Андижанской*.

Также стоит обратить внимание на словосочетания, используемые в именованях «цветных революций». Например, появление специальной протестной символики (белой ленты в виде латинской буквы «V») для выражения недовольства результатами думских выборов 2011 года в России породило такие названия, как революция *Белых Ленточек* или *Белоленточная* революция. Как отмечает Павел Родькин «Семантика данного символа, на самом деле, не важна и может быть весьма условной. Основная функция белой ленточки — массовое символическое противопоставление людей власти, что с минимальными различиями воспроизводилось во всех цветных революциях.» [Родькин <http>]. Популярное среди городских бедняков и крестьян антиправительственное движение «Красные рубашки», разжигающее волнения в Тайланде, дало все основания назвать революционные действия в этой стране неволюцией *Красных Рубашек*.

Возвращаясь к обобщённому именованию всех «цветных революций», мы должны отметить, что оно было выбрано неоправданно, так как цвет дал начало лишь 19,5% именованй, в то время как цветочные мотивы и объекты

окружающего мира чаще служили предметом, дающим название революциям. Так, в СМИ можно встретить такие названия, как «цветочно-фруктовые» [Скачко 2011] и «цветочные» революции [Копышев 2005]. Однако далеко не все из предложенных именовании нашли отражение в языке – из 41 именовании только лишь 12 (в том числе и именовании ЦР) можно встретить в корпусах русского и английского языка, а именно: «цветные революции» (color revolutions), Оранжевая революция (the Orange Revolution), Розовая революция (the Rose Revolution), Тюльпановая революция (the Tulip Revolution), Кедровая революция (the Cedar Revolution), Жасминовая революция (the Jasmine Revolution), Каштановая революция, Джинсовая революция, Васильковая революция, Финиковая революция, the Green Revolution и the Purple Revolution. Л. В. Бронник в своём диссертационном исследовании выделяет пять фаз жизненного цикла концепта: образование концепта; состояние равновесия с дискурсивной средой; состояние слабого равновесия с дискурс средой; состояние сильного неравновесия с дискурс средой и распад концепта [Бронник 2012], что позволяет нам сделать вывод о том, что лишь 30% именовании перешли в фазу равновесия с дискурсивной средой и были реализованы в дискурс акте, подчиняясь образцу, норме, на основе одной и той же структуры.

В публикации [Будина 2014] нами был выделен ряд факторов, которые не способствовали переходу большей части именовании в фазу равновесия с дискурсивной средой, они так и остались в фазе образования концепта.

1. Отсутствие чёткого символа революции. Символы были детально продуманы и внедрены для первых в историческом плане «цветных революций», со временем проработке символики революций уделялось меньшее значение, что в свою очередь отразилось и в языке: большая часть именовании, функционирующих в дискурсе, называет революции, произошедшие до 2007 года.

2. Наличие сразу нескольких именовании для обозначения революции. Например, революции в Египте было

придумано 8 именовании, но ни одно из них не явилось поистине сильным, способным описать настоящий характер революции.

3. Наличие более сильного символа. Например, именование «Каштановая революция» было вытеснено именованием «Оранжевая революция», так как оранжевым цветом были окрашены абсолютно все действия оппозиции по всей стране, а каштан изначально являлся символом только одного города – Киева. Или в Киргизии в 2005 году более простые в графическом исполнении, но более сложные в понимании символы, такие как дыня и лимон, были вытеснены благодаря наличию более простого в восприятии символа – тюльпана.

4. Использование символа, уже присущего другой революции. Например, именование «Розовая революция» употребляется для обозначения событий в Грузии, однако, оно повторно используется для описания революции в Киргизии. Или именование «Дынная революция» используется для обозначения событий в Киргизии 2005 и 2010 годов, а также в Египте в 2011 году, именование «Жасминовая революция» описывает события в Тунисе и в Китае в 2011 году, а «революция Лотоса» – в Египте и Китае в 2011 году.

5. Невозможность использования символа в визуальном плане. Для оппозиционеров символ должен быть прост в нанесении на любую поверхность различными способами для его последующего распознавания единомышленниками. Так, графическое исполнение, например, бульдозера, кирпичей, бульжников или тем более молодёжи, кажется трудоёмким или вовсе невозможным.

6. Отсутствие политических оснований для именовании событий революцией. Данный фактор прост – если нет революции, то и придумывать название незачем. Конечно, многие политологи до сих пор спорят: можно ли отнести то или иное событие к ряду «цветных революций», однако, есть такие из них, которые очевидно нельзя назвать «цветной революцией». Например, небольшие волнения по поводу президентских

выборов в России в 2012 году, которые остались незамеченными даже для многих россиян, уж точно нельзя назвать революцией.

Г. П. Щедровицкий отмечал, что «следует принимать во внимание два разных кинематических процесса – процесс генезиса объекта и процесс его функционирования» [Щедровицкий 1963], а Б. А. Серебренников утверждал, что «понятие исторического развития языка неполно без воссоздания закономерностей обоих этих процессов, ибо любое изменение начинается в речевой деятельности» [Общее... 1970: 75]. Поэтому, воссоздав закономерности генезиса именованний ЦР, мы можем перейти к рассмотрению особенностей функционирования таких именованний в речи.

2.2. Вопросы организации исследования

Исследование именованний «цветных революций» включает несколько этапов, для описания которых необходимо ввести некоторые сокращения и сделать уточнения.

Под сокращением ЦР далее мы будем подразумевать именование цветная (-ые) революция (-и) – некий собирательный образ всех «революций», которые по некоторым филологическим (но не политическим!) признакам могут быть отнесены к разряду цветных.

Под сокращением ХР мы имеем в виду все именованния «цветных революций», которые когда-либо были использованы для описания политических событий, где Х – это некая переменная, обозначающая символ конкретной «революции» (*оранжевая, розовая, тюльпановая* и т. д.) в составе именованния ХР, а Р – постоянная, обозначающая слово «революция».

Процедура исследования состоит из 5 этапов, которые наглядно представлены на рис. 9.

Рис. 9. Пятиэтапное исследование именовании «цветных революций»

Этап 1. На первый взгляд, данный этап кажется несущественным, так как каждый знает, что были *Оранжевая* революция, *Розовая*, *Тюльпановая* и т. п. Однако если общеупотребительные именовании у всех на слуху, то более глубокий анализ источников СМИ показывает, что существуют и более редкие именовании такие, как «Твиттерная революция», «Кафельная революция», «революция подснежников» и многие другие. На данном этапе исследования мы попытались найти все возможные варианты ХР, представить хронологизацию событий, а также систематизировать именовании по характеру присвоения конкретного прилагательного к конкретной революции. В рамках этого этапа также была осознана необходимость проведения этапа 2.

Этап 2. Изучение «цветных революций» в историческом и политическом аспектах помогло нам осознать необходимость уточнения значения слова «революция» в составе ЦР. Данный процесс подробно описан в параграфе 2.1 в разделе А. Целесообразность использования термина «революция» в составе именовании «цветных революций». Результаты

работы по изучению слов-символов, входящих в состав именовании, представлены в том же параграфе в разделе «Выбор ключевого слова-символа в составе

наименования исторического события».

Этап 3. После выявления всех возможных ХР и определения значений их составляющих (имеются в виду значения Х и Р в составе именовании), необходимо было проследить динамику изменений ХР и ЦР в языке. Для этого мы обратились к корпусам текстов русского и английского языков с целью поиска предложений, в составе которых встречаются данные именовании.

Поскольку «цветные революции» – явление новое, особенно если рассматривать его в языковом аспекте, то очевидно, что отбор предложений проходил из источников, представляющих различные виды СМИ (газеты, журналы, Интернет). Ограниченность лишь источниками СМИ, в свою очередь, определила перечень изученных корпусов, куда вошли:

- Газетный корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ);
- Corpus of Contemporary American English (COCA);
- Corpus of Global Web-Based English (GLOWBE);
- Corpus of Canadian English (CANADA);
- TIME Magazine Corpus;
- Collins WordBanks Online;
- British News Corpus на платформе Университета ЛИДС;
- Internet Corpus на платформе Университета ЛИДС.

Нам представляется нецелесообразным давать более подробную характеристику каждого корпуса, так как корпусная лингвистика находится на пике популярности, поэтому многие авторы затрагивают этот вопрос в своих работах, например [Бардовская 2012; Национальный ... ; Некрасова М. Э. 2011, 2012а, 2012б; Перцов 2006; Плунгян 2008], кроме того разработчики корпусов размещают исчерпывающую информацию о своём ресурсе на веб-сайте.

Начиная любую работу с корпусом текстов, исследователь в первую очередь должен решить: с каким корпусом ему предстоит работать. Так, например, НКРЯ состоит из основного корпуса и девяти специализированных корпусов: синтаксического и газетного (или корпуса современных СМИ) корпусов, корпуса диалектных текстов, корпуса параллельных текстов, корпуса поэтических текстов, обучающего корпуса русского языка, корпуса устной речи, акцентологического и мультимедийного корпусов. Для решения задач исследования нас заинтересовали основной корпус и газетный корпус НКРЯ, подробное описание и сравнение которых представлено в [Некрасова М. Э. 2011: 126–135]. В табл. 1 приведены основные характеристики данных корпусов текстов, при этом стоит отметить, что во время изучения основного корпуса НКРЯ мы обращались к заданию подкорпуса, который формировался из нехудожественных текстов со сферой функционирования «Публицистика».

Таблица 1. Сравнительная характеристика подкорпуса основного корпуса и газетного корпуса НКРЯ

Характеристика	Подкорпус основного корпуса	Газетный корпус
Количество статей	23397	181175
Год издания первого документа	До 2000	2000
Год издания последнего документа	2005	2008
Дополнительные параметры для задания подкорпуса	<ol style="list-style-type: none"> 1. Название 2. Автор (ФИО, пол, год рождения) 3. Год создания 4. Сфера функционирования 5. Тип текста 6. Тематика текста 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Название 2. Автор 3. Год публикации 4. Издание
Информация о статье	<ol style="list-style-type: none"> 1. Автор (ФИО, пол) 2. Название статьи 3. Дата создания 4. Тема текста и стиль 5. Количество предложений 6. Количество словоформ 7. Возраст, размер и уровень образования аудитории 8. Тип носителя 9. Источник 10. Дата публикации 11. Издание 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Автор 2. Название текста 3. Дата создания 4. Количество предложений 5. Количество словоформ 6. Издание

Из табл. 1 видно, что оба корпуса обладают рядом преимуществ и недостатков. Так, подкорпус основного корпуса НКРЯ содержит меньшее количество статей по сравнению с газетным корпусом, но даёт возможность задать больше параметров поиска и содержит более исчерпывающую информацию о самой статье. Газетный корпус более объёмный по количеству документов, но статьи в нём представлены только за период с 2000 по 2008 год. Стоит также отметить неравномерность представления статей по годам в обоих корпусах, которая более отчётливо наблюдается в подкорпусе основного корпуса (например, за 2000 год содержатся данные о 183 статьях, а за 2003 – уже 5743). Такая неравномерность может значительно затруднить изучение динамики какого-либо явления. Кроме того, подкорпус основного корпуса представлен огромным количеством различных изданий, тогда как в газетный корпус внесены данные о семи наиболее крупных СМИ России (газеты «Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда» и электронные агентства РИА «Новости», РБК, «Новый регион»). Нами был выбран газетный корпус НКРЯ, который в большей степени отвечает требованиям к поиску статей для нашего дальнейшего исследования.

При выборе англоязычных корпусов текстов мы использовали другой подход, так как из-за возрастающей популярности корпусной лингвистики на данный момент существует большое количество корпусов текстов английского языка. Определяющим для нас стали следующие факторы: наличие открытого доступа к корпусу (в некоторых случаях для получения возможности работать с корпусом необходимо оплатить членский взнос) и наличие в корпусе хотя бы одного из видов СМИ (печатных изданий, информационных агентств, сайтов и блогов сети Интернет).

В ходе работы с корпусами текстов было выявлено 2958 предложений с именованиями ЦР и ХР, из них 2092 предложения на русском языке и 866 на английском. Распределение предложений по корпусам и языкам представлено в табл. 2.

Таблица 2. Количественное соотношение предложений с именованными ХР и ЦР в корпусах русского и английского языков

Корпус	Язык предложений	Количество предложений
Газетный корпус НКРЯ	русский	2092
GLOWBE	английский	517
Collins WordBanks Online	английский	177
COCA	английский	117
British News Corpus	английский	46
Internet Corpus	английский	5
CANADA	английский	3
TIME Magazine Corpus	английский	1
Всего:		2958

На данном этапе исследования были выделены предложения, содержащие ЦР, а также 9 именованных ХР в русском языке и 7 именованных ХР в английском. Примечательно то, что только 5 именованных ХР нашли отражение в обоих языках одновременно, тогда как 4 русских и 2 английских именованных ХР не имеют эквивалентов в другом языке. Именованные ХР и их количественное соотношение для каждого языка представлены в табл. 3.

Таблица 3. Количественное соотношение именованных ХР и ЦР в корпусах русского и английского языков

РУССКИЙ ЯЗЫК		АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	
Цветная революция	426	Color revolution	131
Оранжевая революция	1221	Orange Revolution	341
Розовая революция	314	Rose Revolution	143
Тюльпановая революция	85	Tulip Revolution	18
Кедровая революция	10	Cedar Revolution	54
Жасминовая революция	9	Jasmine Revolution	131
Каштановая революция	19	примеров не найдено	
Джинсовая революция	6	примеров не найдено	
Финиковая революция	1	примеров не найдено	
Васильковая революция	1	примеров не найдено	
примеров не найдено		Green Revolution	41
примеров не найдено		Purple Revolution	7

Этап 4. Данный этап включает в себя двухступенчатый анализ предложений. Первая ступень – первичный анализ данных с целью выявления особенностей и закономерностей. На этой ступени были сформулированы следующие гипотезы.

ГИПОТЕЗА 1. В обоих исследуемых языках некоторые именованья могут использоваться в двух случаях: как обозначения историко-политических событий и как именованья прецедентных феноменов.

ГИПОТЕЗА 2. В обоих языках можно выявить маркеры, благодаря которым некоторое именованье может идентифицироваться как означающее либо событие, либо прецедентный феномен.

ГИПОТЕЗА 3. В обоих языках не существует устоявшихся правил и норм написания исследуемых именований.

Вопросы, связанные с первой из названных гипотез, рассматриваются ниже в параграфе 2.4. Вторая гипотеза обосновала необходимость проведения второй ступени исследования – вторичного анализа предложений с целью выявления маркеров (подробное описание каждого маркера и его значения даётся в параграфах 2.3 и 2.4). Речь об особенностях написания исследуемых именований будет идти в параграфе 2.5.

Этап 5. Данный этап является заключительным в нашем диссертационном исследовании и подразумевает анализ результатов, представленных в виде обобщённых выводов в конце каждого последующего параграфа и главы 2 в целом.

Используемое нами 5-этапное исследование позволило выявить факты сходства и различий в именованьях в русском и английском языках, а также проследить особенности использования именований ЦР и ХР от их возникновения и закрепления в языке до функционирования в речи и приобретения ими новых смыслов.

2.3. Вхождение именованя в речь и его функционирование в речи

Значение слова зачастую определяется контекстом, при этом различают ситуативный контекст, в котором значение предмета уточняется ситуацией, и фразовый контекст, в котором «в результате переноса значения образуется новое понятие, имеющее собственную сферу связей, обнаруживающихся в языке» [Общее... 1970: 75]. Дальнейшее рассмотрение именованя проводилось в рамках предложения, в котором оно встречается, с учётом фразового и смыслового контекстов именованя, что, в свою очередь, позволило нам выделить следующие два значения именованя (в табл. 4 представлено их количественное и качественное соотношение):

- упоминание реального историко-политического события, произошедшего в какой-либо стране с 2000-го года и по настоящее время;
- употребление именованя в предложении как отсылки к прецедентному феномену (далее – ПФ), то есть к некой «эталонной», «идеальной» ситуации, связанной с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу.

Таблица 4. Количество предложений с именованями «цветных революций», представленных в разных значениях, в русском и английском языках

Значение	Именованя ХР		Именоване ЦР	
	РУССКИЙ ЯЗЫК	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	РУССКИЙ ЯЗЫК	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
Историко-политическое событие	1243 (74,6%)	703 (95,6%)	421 (98,8%)	130 (99,4%)
Прецедентный феномен	423 (25,4%)	32 (4,4%)	5 (1,2%)	1 (0,6%)

Вполне очевидно, что все именованя «цветных революций» первоначально вошли в речь и начали употребляться в значении отсылки к событию, поэтому и рассмотрение особенностей функционирования

именований мы начнем с этого значения. Изучая фразовый контекст именовании, мы выделили указатели-маркеры (в дальнейшем просто «маркеры»), которые используют авторы предложений для того, чтобы читатель мог идентифицировать значение именовании как отсылки к революционному событию.

Всего нами было выделено пять маркеров: 1) стандартные слова и фразы; 2) придаточное предложение; 3) указатель на время действия; 4) указатель на место действия; 5) другие политические события.

Маркер «Стандартные слова и фразы»

Использование определённого набора слов в сочетании с именованиём обеспечивает вхождение именовании в речь, потому что читателю, ещё не знакомому с данным именованиём, даются пояснения и объяснения. Этот маркер может реализовываться в предложении при помощи уточнения «так называемая» с именованиём ХР. Употребляя словосочетание *так называемый* в значении ‘носящий название, обычно именуемый’ [Фёдоров 2008], автор подчёркивает тот факт, что это именованиё уже существовало ранее, что он не сам его придумал, но использует уже имеющееся название для сравнительно недавних политических событий, которые явно войдут в историю. Например:

На Украине в 2004 году во время *так называемой "оранжевой революции"* как компромисс для выхода из политического кризиса была принята конституционная реформа, согласно которой страна превратилась из президентско-парламентской в парламентско-президентскую республику.

После *так называемой «революции роз»*, и особенно после триумфальной победы Саакашвили на президентских выборах, новые власти стали планомерно «трясти» бывшую элиту, утверждая, что она «украдала деньги у народа» и теперь обязана украденное вернуть.

Но новому президенту ещё предстоит доказать, что он готов действовать в интересах всего населения, а не только тех сил, которые поддержали его во время *так называемой "тюльпановой революции"*.

Два года назад аунисты были основными инициаторами *так называемой "кедровой революции"*.

Если вспоминать все, *так называемые, "цветные революции"*, за последние годы, то почерк и сценарий виден один и тот же.

Данный маркер может также быть реализован при помощи фраз, в состав которых входят такие слова, как *назвать, именовать, окрестить*, например:

Эти события *получили название "оранжевая революция"*, под давлением которых украинская власть согласилась не переголосование второго тура, ставшее известным как третий тур, которое утвердилось своим решением Верховный суд.

Пример соседней Грузии, где благодаря стратегии уличных манифестаций *под названием «революция роз»* был отстранен от власти президент Шеварднадзе, оказался заразителен.

В составе альянса в ноябре 2003 года пошли и на парламентские выборы, которые потом переросли в *события, именуемые «революцией роз»*.

Судя по всему, там сейчас всерьез подумывают о тбилисском сценарии, который уже успели *окрестить «капитановой революцией»*.

Год назад, 24 марта, в Киргизии произошла смена власти, которую *назвали «тюльпановой революцией»*.

Для именования ЦР также характерно употребление слов, указывающих на массовость и распространённость революций. Существительные *вирус, волна, сценарий, череда, экспорт* указывают на то, что «цветные революции» – явление глобальное в современном мире, поэтому данное именование может быть употреблено как для именования уже произошедших событий, так и для тех, которые ещё не свершились, но обладают чертами, характерными для данного рода событий. Прилагательные *новая, любая, другая, очередная* и т. п. также призваны подчеркнуть данную особенность именования ЦР:

После *волны «цветных революций»* оставшиеся нетронутыми режимы СНГ качнулись в сторону России: это видно по заявлениям лидеров и Узбекистана, и Казахстана.

Исламу Каримову удалось жестко подавить *попытку "цветной" революции*.

Череду "цветных" революций он назвал спланированной "операцией".

По версии экспертов, на сегодняшний день главная задача российской власти – сохранение целостности России и противостояние *экспорту цветных революций*.

На постсоветском пространстве готовится *очередная «цветная» революция*.

Но с практической точки зрения их, очевидно, пугает дестабилизация обстановки в республике — неизбежное последствие *любой «цветной революции»*.

Интересен тот факт, что в английском языке этот маркер представлен также при помощи словосочетания *so-called*, значение которого Оксфордский словарь определяет следующим образом: «...used to show that something or someone is commonly designated by the name or term specified»

[Oxford ... 2015]. При этом англоговорящие авторы используют данную фразу значительно чаще. Вот лишь некоторые примеры:

Opposition leader Viktor Yushchenko was due to address his supporters later in the day in Kiev's Independence Square, where tens of thousands of people had gathered in his support round the clock for weeks in *a so-called "orange revolution"*.

But the *so-called "Rose Revolution"* did not sweep all the country -- several separatist regions remain outside the central government's control.

It responded, according to the suspicion of many governments and U.N. investigators, by ordering the February 14, 2005 assassination of Hariri, which sparked mass protests - *the so-called Cedar Revolution*.

The fate of Bakiyev, who came to power following Kyrgyzstan's *so-called "Tulip Revolution"* in 2005, was still unclear yesterday.

If *the so called 'Jasmine Revolution'* has taught us anything, it is that once a nation's economy is broken, it is just a matter of time before its state machinery crumbles as well.

The so-called color revolutions make up such a case in point.

При использовании стандартных слов в английском языке также задействованы слова, сходные со значением 'называть': такие, как *call, tittle, labble, tag, describe*. Например:

The determined but peaceful popular movement *has come to be called the "Orange Revolution"*.

On the question of Georgia, Cliff Kupchan, they just recently had *what's called the "Rose Revolution"*, with their new President in place.

In public, Russian leaders reacted with caution to the peaceful ouster of Georgian President Eduard Shevardnadze on Sunday, in *what has now been labeled the Rose Revolution*.

In what is being *described by some as the Cedar Revolution* -- a reference to the cedar tree on the Lebanese flag - thousands of Lebanese demonstrated in favor of a Syrian withdrawal.

The Tunisian protest, later *tagged as the Jasmine Revolution*, started on Dec. 19, 2010 and succeeded in forcing Ben Ali to leave office on Jan. 14, 2011.

The message -- posted on an overseas website on Saturday -- *was titled "The jasmine revolution in China"*.

В отличие от русского языка, в английском широко употребляются также различные варианты словосочетания *to become known* ('приобретать известность'), например:

With Yushchenko supporters clad in orange campaign colors throughout the peaceful demonstrations against the Nov. 21 vote, their protests *became known as the "Orange Revolution"*.

Protestors carried roses in their hands in events *that became known as the Rose Revolution*.

The daily rallies, mostly by supporters of the Future Trend, the Lebanese Forces, and the Phalangist Party, soon gave rise to *what became known as the Cedar Revolution*.

Some members of her government have complained, contrasting that treatment with the swift, high-level U.S. support that Bakiyev received in 2005 when he ousted his predecessor in the mass protests *known as the Tulip Revolution*.

The Jasmine Revolution in Tunisia, as it became known, was televised for the world to see.

When mass protests toppled corrupt governments in Georgia, Ukraine and Kyrgyzstan in *what became known as the "color revolutions"* several years ago, Russia was linked to the ousted leaders while the United States backed the protesters.

Точно так же, как и в русском языке, в английском языке при употреблении именованя ЦР некоторые авторы подчёркивают массовый характер данного явления современности, однако, из всех перечисленных выше способов здесь нам встретилось только употребление прилагательного *another*.

The Chinese authorities have always had an unaccommodating attitude towards opposing opinions, regarding civil society NGOs as tools used by hostile Western forces to machinate *another color revolution*.

Throughout the demonstrations, the Chinese government urged restraint on the junta but made it clear that its first priority was to prevent *another color revolution*.

Таким образом, сравнив употребление маркера стандартных слов и фраз в английском и русском языках, можно сделать следующий вывод: в обоих языках используются словосочетания *так называемая / so-called* со всеми именованьями, а также слова со значением 'называть' или слова, близкие по значению с этим словом. Однако, в английском языке наравне с этими словами также широко распространено словосочетание *to become known* (приобретать известность), а сам маркер встречается в английском языке в 2 раза чаще, чем в русском (15,6% против 7,6% из всех предложений с маркерами). Также в обоих языках авторы используют слова, подчёркивающие массовый характер именованя ЦР.

Маркер «Придаточное предложение»

Эта категория маркеров представлена 10,9% русских и 17,3% английских предложений, в составе которых есть придаточное предложение, позволяющее выделить наиболее значимые признаки именованя для данного контекста, что в свою очередь позволяет читателю правильно

определить значение ХР. В русском языке рассматриваемый маркер может быть представлен определительным придаточным с использованием союзного слова *который*, например:

Невозможно представить большей дискредитации *"оранжевой революции"*, которую ее лидеры обозначили как борьбу за очищение Украины.

Умудренный опытом глава республики Аслан Абашидзе сразу после *"революции роз"*, в результате которой М. Саакашвили пришел к власти, ввел чрезвычайное положение на территории Аджарии.

Особенно заметным сближение интересов двух государств стало после так называемой *«тюльпановой революции»*, которая произошла в Киргизии в прошлом году.

В акции оппозиции *«День гнева»* принимают участие, в основном, молодые люди, воодушевленные событиями в Тунисе, где 14 января произошла *«жасминовая революция»*, в результате которой президент Бен Али бежал из страны с семьей в Саудовскую Аравию и был отрешен от должности Конституционным советом страны.

А это значит, разговор *«за чашкой зеленого чая»*, который предпочитают и Каримов, и Путин, наверняка касался и *«цветных» революций*, которые грозят взорвать равновесие в регионе.

Указание на значимые признаки конкретного события может также быть выражено деепричастным оборотом:

«Оранжевая революция», устроенная при непосредственном участии США и ЕС, уничтожила последние иллюзии насчет США и «Евроинтеграции».

В этот день ровно 4 года назад началась *"революция роз"*, приведшая к отставке президента Шеварднадзе.

Напомним, в марте в Кыргызстане прошла *«тюльпановая» революция*, ознаменовавшаяся погромами и мародерствами.

Не могут не волновать Москву и *«цветные» революции*, прокатившиеся по Кавказу и Средней Азии.

В английском языке этот маркер выражается дополнительным придаточным предложением с использованием союзного слова *which*:

Mrs Tymoshenko was a proponent of *the Orange Revolution, which swept the Ukraine almost a decade ago.*

Notwithstanding the efforts by the Social Democrats to crown themselves the victors, this is not just a repeat of *the 'Tulip revolution', in which public protests facilitate a shift of power between wealthy ruling class blocs.*

Indeed, Mahatma Gandhi's innovation of the non-violent process to challenge non-responsive governments, long before the Internet, has been deployed in many movements across the world, including Martin Luther King's civil rights campaign, the Prague Spring in Eastern Europe, and lately *the Jasmine Revolution in Arab countries (which combined non-violent protest with the use of Internet-based communication, as has the Anna Hazare movement).*

We could have aggressively supported *the Green Revolution in Iran, which was the spark and gasoline for the "Arab Spring"* which followed directly afterwards.

Или он может быть представлен дополнительным придаточным предложением с использованием союзного слова *that*, например:

Ukrainians have been plunged into disillusion and despair by the lethal combination as they witness the death throes of *the orange revolution that brought President Viktor Yushchenko and Prime Minister Julia Tymoshenko to power.*

Last year, Otpor activists headed to Georgia to train the leaders of *the "rose revolution" that ousted Eduard Shevardnadze.*

While the murder of a former prime minister two years ago triggered *the "Cedar Revolution" that inspired hope for a new era of prosperity*, today Lebanon is bitterly divided, paralyzed by political strife.

Washington has used this advantage to finance *"color revolutions" that have moved countries from the Russian sphere of influence into Washington's sphere of influence.*

Также встречаются дополнительные придаточные предложения с использованием союзного слова *when*:

Unlike *the "rose revolution" in Georgia a year ago, when Mikhail Saakashvili swept the entire government out*, allowing him to implement root-and-branch reform, the Ukrainian opposition will now be forced to co-operate with the old guard to advance its agenda.

Feltman's participation in the renewed engagement was particularly symbolic given his previous posting as ambassador to Lebanon during *the Cedar Revolution of 2005 when he led the diplomatic charge to rid Lebanon of Syrian influence and troops.*

Unlike *the Tulip Revolution, when the spark for mass mobilization was the Akaev regime's efforts to block a number of wealthy opposition elites from gaining seats in parliament*, the current protests were triggered by simmering anger at the grassroots level.

Данный маркер может выглядеть как часть сложносочинённого предложения с бессоюзной связью, например:

Soros thereafter would go on to fund *the "Orange Revolution", a series of protests and political events that took place in Ukraine from late November 2004 to January 2005*, ultimately forcing Moscow's favored candidate, Prime Minister Viktor Yanukovych, to lose a controversial and hotly contested presidential election.

The 36-year-old U-S trained lawyer secured a landslide victory in this month's special presidential elections after leading last November's *Rose Revolution -- the massive street protests that peacefully forced Mr. Shevardnadze from power.*

He was killed in a car bombing last year at the height of *the so-called Cedar Revolution, a mass protest movement spearheaded by Lebanon's Christians and Sunni Muslims that eventually forced Syria to end its long military occupation of Lebanon.*

Реже данный маркер может быть представлен причастным оборотом, который в русском языке соответствует деепричастному обороту:

He was ousted during *the Orange Revolution, initiated by Tymoshenko.*

The Adjaran leader has long ruled, but his grip on power began to weaken after longtime Georgian President Eduard Shevardnadze was ousted last November, in *the so-called "Rose Revolution", led by President Saakashvili.*

Lebanon's 2005 Cedar Revolution, led by pro-Western political forces, ended just four years later when the government was taken over by the Shiite Islamist group Hezbollah and its allies.

China Jittery Chinese authorities staged a show of force Sunday to stamp out a mysterious online call for a "*Jasmine Revolution*" apparently modelled after pro-democracy demonstrations sweeping the Middle East, according to AP.

I hope this is not a *color revolution sponsored by the western powers*, as has happened previously in some of the Eastern European and Central Asian countries.

Как видно из примеров, в английском языке данный маркер представлен более разнообразно: это может быть и деепричастный оборот, и часть сложносочинённого предложения с бессоюзной связью, и часть сложноподчинённого предложения с такими союзными словами, как *which, that, when*, тогда как в русском языке этот маркер выражен только частью сложноподчинённого предложения с использованием союзного слова *который* и деепричастным оборотом.

Маркер «Указание на время»

Используя маркер «Указание на время», автор ограничивает временные рамки, что, в свою очередь, позволяет соотнести именование в тексте именно с той самой революцией, а не с каким-либо другим, схожим событием. При указании на время большая часть авторов использует год проведения революции, например:

Подобных боестолкновений с применением различных подручных и специальных средств парламент не видел со времён *«оранжевой революции» 2004 года.*

Такого числа митингующих столица Грузии не знала ни в дни противостояния во времена экс-президента Грузии Звиада Гамсахурдиа, ни во время *"революции роз" в 2003 году.*

Президент Курманбек Бакиев, пришедший к власти после *"тюльпановой революции" 2005 года,* покинул Бишкек, а оппозиция сформировала временное правительство.

Газета видит объяснение этой ненависти в том, что союз христиан-демократов и коммунистов поломал планы России по федерализации Молдавии в 2003 году и организации *«цветной революции» в 2005 году.*

Некоторые авторы считают достаточным условием лишь указать на месяц проведения революции, при этом данный временной период может быть выражен как существительным (например, *в декабре*), так и прилагательным (например, *декабрьская*):

Разочарование в «оранжевой революции» в декабре компенсировалось анти-российскими настроениями, вызванными «газовой войной».

Но ноябрьская "революция роз" все смешала на политической арене.

Много ли изменилось в киргизской жизни после мартовской «цветной» революции?

Более частым случаем является употребление указания и на месяц, и на год проведения революции. Например:

По данным Екатерины Трофимовой, во время «оранжевой революции» на Украине в ноябре-декабре 2004 г. Национальный банк страны «влил» в банковский сектор 3,6 млрд долл. за два месяца.

Так что правящая партия решила застраховать себя от неожиданностей, заодно избавившись от нелюбимого тбилисцами Чиаберашвили, который получил должность мэра за вклад в "революцию роз" в ноябре 2003 года.

Акаев-младший, покинув Киргизию вместе с отцом в день "тюльпановой" революции в марте 2005 года, за полтора года не посетил ни одного заседания палаты.

В Сербии коррупция и организованная преступность – системная часть государства, созданного в результате «цветной революции» октября 2000 года.

Нередко при использовании данного маркера авторы используют такие прилагательные, как *недавняя, нынешняя, прошлогодняя*, а также уточняют время проведения с помощью фраз, указывающих на сроки проведения революции:

В интервью господин Березовский часто упоминает *недавнюю «оранжевую революцию»* на Украине, как пример.

Как рассказала «Новому Региону» руководитель пресс-службы Российского союза туристической Ирина Тюрина, политическая ситуация на Украине и, в частности, *осенняя «оранжевая» революция*, не так сильно отразилась на спаде туристического потока, как повышение цен на отдых в Крыму.

В начале ноября 2007 года он решил продемонстрировать «городу и миру», что не остановится ни перед какими средствами для того, чтобы защитить главное завоевание «революции роз» *четырёхлетней давности*, а именно свое пребывание на посту высшего должностного лица Грузии, пишет известный российский политолог Сергей Маркедонов в статье, опубликованной на сайте Фонда стратегической культуры.

После «тюльпановой революции» в прошлом году Киргизия серьезно пересмотрела свои внешнеполитические ориентиры.

Нынешние «цветные революции», особенно после Киргизии, вызывают вполне определенные исторические параллели.

«Цветные революции» последних лет привели, выражаясь словами великого Бисмарка, немало проходимцев к власти.

В английском языке авторы также нередко используют указание на год, в котором проходила революция, причём в предложении оно может стоять как до, так и после самого именованного. Если год указан после именованного, то наравне с предлогом *in* используется и предлог *of*. Например:

Secondly, it is this missing perspective that Galloway continually exploits in order to conflate Hizbollah with a wider "Lebanese resistance", when in fact, the whole basis of *the Cedar Revolution in 2005* was a resistance to Syrian interference in Lebanon's domestic affairs.

At least some recent instances of grassroots revolution, such as *the 2005 Tulip Revolution* in Kyrgyzstan and the Cedar Uprising in Lebanon the same year, have followed similar evolutionary paths (albeit with very different results).

After *the Jasmine revolution in early 2011*, Tunisia and Egypt will move into partially free or free. Libya, Yemen, Jordan and Syria might also change their color.

As far as Iran we had our chance for a less costly transition with *the Green Revolution of 2009* that Obama made sure was still born.

A key impetus for the recent crackdown has been reaction by many rulers to *the "Color Revolutions" of 2003-2005*.

Точно так же, как и в русском языке, можно встретить маркеры, содержащие в своём составе наименование месяца проведения революции (как одиночно стоящие, так и упоминающиеся вместе с годом):

The Ukrainian president got a standing ovation from Congress, who he thanked for its support during Ukraine's so-called "*Orange Revolution*" last December, when a populist uprising forced a second election that brought him to power.

Since *the Rose Revolution in November 2003*, current events have dominated the headlines.

Speaking on the sixth anniversary of *the Cedar Revolution last March*, its politically battered leader Saad Hariri asserted that the popular uprisings in Tunisia, Egypt, and Libya were all inspired by those Lebanese who in 2005 converged in downtown Beirut to demand the departure of Syria's occupying army from the country.

Но самым распространённым случаем употребления данного маркера в английском языке является использование таких слов и фраз, как *недавняя, прошлогодняя, последняя, X лет назад* и т. п.:

Bush's neoconservative allies point to *the recent "orange revolution"* in Ukraine as a model for how democracy can spread.

The confrontation between authorities in Tbilisi and pro-Russian officials in Adjara has been underway with varying intensity since *last year's "rose revolution"* toppled the government of long-time Georgian leader Eduard Shevardnadze.

Now Kyrgyzstan has overthrown the government established by its '*Tulip revolution*' some five years ago.

Or at least they did until *last month's Jasmine Revolution*.

Music with its extra ordinary power to communicate and persuade has influenced many revolutions and social changes from the very early protests like the one done by the Red Indians who reacted to the Pilgrim fathers, the 'white masters', and it still goes right here in *the latest Jasmine revolution* and the Arab spring.

The democratization of Mexico and Indonesia in the late 1990s and *the more recent "color revolutions"* in Georgia and Ukraine formed the crest of a tidal wave of democratic transitions.

Таким образом, в составе маркера «Указание на время» и в русских, и английских предложениях можно встретить наименования месяца, года, либо

слова, указывающее на период проведения революции. Со статистической точки зрения, этот маркер также примерно одинаково представлен в языках (в 18,5% русских и в 23,5% английских предложениях).

Маркер «Указание на место действия»

Данный маркер указывает на место, где происходила революция, например, географическое положение, т. е. страну, город или область. В случае использования данного маркера с именованном ЦР могут быть указаны не только страны и города, где происходили или происходят революции на момент написания текста, но и те географические объекты, в которых отмечаются лишь «зачатки» революции:

Прежде всего нам не следует реагировать на события в Киргизии так же остро, как на *"оранжевую революцию" в Украине*.

Госсекретарь заявила также, что США не имели отношения к организации *"тюльпановой революции" в Киргизии*.

В дни *«оранжевой» революции в Киеве* Виктор Ющенко не раз заявлял, что расследование убийства Гонгадзе он считает делом своей чести.

«Революция роз» в Тбилиси – важная часть плана.

Именно Эркинбаев, по словам его соратников, возглавлял *"тюльпановую революцию" в Ошской области*.

Запад только готовится к тому, чтобы разыграть карту *«цветной» революции в Монголии*, уверены эксперты.

Выцепить из толпы лица двух сербов, засветившихся во время *«цветных революций» в Белграде и Тбилиси* и прибывших в Кишинев под видом водителей грузовиков – Радивоже Гружика и Данку Кочика, было сложнее.

Стоит отметить, что географические объекты могут быть представлены в предложении не только существительным, но и прилагательным:

Борис Березовский нанёс ещё один удар лидеру *украинской «оранжевой» революции*.

Еще осенью 2004 года, накануне *грузинской «революции роз»*, Зурабишвили служила послом Франции в Тбилиси.

А пока эпицентр *киргизской "тюльпановой революции"* переместился в Ош.

Ливанская «кедровая революция» заканчивается тем, что Госдепартамент готовится «сдать» ее сирийцам.

Сценарий *тбилисской "революции роз"* безотказно сработал и в Аджарии.

По мнению президента, *молдавская "цветная революция"* не подпадает ни под какие известные шаблоны.

Однако встречаются и другие варианты указателя на место проведения, например, несколько авторов используют название «Майдан

Независимости», главной площади Киева, ставшей центральным местом в ходе протестов. При этом может быть использовано сразу несколько указателей на место действия:

Премьер в своем выступлении назвала причины, по которым, как она считает, не оправдались ожидания и надежды тех, кто участвовал в событиях *"оранжевой революции" на Майдане Независимости в 2004 году*.

Экс-президент Украины Леонид Кучма считает, что поступил правильно, не отдав приказ о разгоне *«оранжевой революции» на Майдане в Киеве в 2004 году*.

Мы также посчитали целесообразным отнести к данному маркеру следующие варианты употребления именовании: такие слова, как *её*, *тамошняя* и *своя* (где по контексту становится очевидно, что в данном случае подразумевается конкретная страна), а также употребление фамилий главных организаторов революции с именованием (которые также могут быть заменены местоимениями *его / её*), так как при указании на персоналии любой человек, который хоть немного следит за новостями, может понять, что речь идёт о конкретной стране. Приведённые ниже примеры наглядно демонстрируют это:

Возможно, украинские отравители так тонко «подшутили» над лидером *своей «оранжевой» революции*.

Ближайший пример – Грузия с *ее «революцией роз»*.

В Грузии президент Буш поставил тамошнюю "революцию роз" и демократические реформы в пример всем, пообещал посодействовать выводу российских баз из Грузии.

Западные страны не только заявили о поддержке Ющенко и *его «оранжевой революции»* (качественно спланированного и почти осуществленного госпереворота) и де-факто признали его президентом, но и в завуалированной форме пригрозили применить силу, если ориентированные на Россию восточные и южные области республики захотят самостоятельно определить свою судьбу в рамках автономии.

И эти организации, в случае необходимости, готовы дать достойный гражданский ответ на *«каштановую революцию» Ющенко и Тимошенко»*.

Вслед за Украиной годовщину *своей «цветной революции»*—«революции роз»—отметила вчера Грузия.

Для именовании ЦР также характерно употребление более общих названий, указывающих на место проведения революций, таких, как *СНГ*, *постсоветское пространство* и т. п.

Сегодня же, по их мнению, примерами реализации этой стратегии стали *«цветные революции» в некоторых странах постсоветского пространства*.

"Цветные" революции в СНГ прошли под лозунгами демократии, стремления к европейским ценностям.

Следующая «цветная» революция на территории бывшего СССР может состояться в Башкирии.

Что касается английского языка, то здесь прослеживаются аналогичные закономерности, но с другой частотой употребления. Конечно, чаще всего при указании на место проведения авторы используют название страны, причём это может быть выражено как существительным с предлогом «in», стоящими после именованя, или существительным в притяжательном падеже, стоящими перед именованием, так и прилагательным. Например:

But as Bush's support for the *Cedar Revolution in Lebanon* and for a democratic Palestinian state showed, he was defending self-government, not the use of force.

As a result they have supported the existing authoritarian regime in Uzbekistan - at least partly to eject the American base there, while also rolling back *the "tulip revolution" in Krgyzstan* in order to achieve the same goal in that country.

The spirit of *Tunisia's "Jasmine revolution"* soon broke past the country's boundaries and swept through neighboring Arab states.

Why does Monbiot not take into account Hezbollah's role as a proxy or is the *Lebanese Cedar Revolution* to be written off as another purely Americanised colour revolution?

In the wake of *the Iranian "green revolution"* in 2009, many who had used Twitter to mobilise and share information were rounded up by the authorities.

Those who signed after the release of "The Declaration of *Chinese Colour Revolution*" are a bunch of die hard pigs.

В английском языке встречаются лишь единичные случаи употребления города в качестве маркера указания на место, а использование значимых для революции мест не было вовсе нами обнаружено, например:

I think that what has influenced the Lebanese in particular was also *the Orange Revolution in Kiev*.

Однако в английском языке значительно чаще в качестве указания на место встречаются такие слова, как *its, own (their own), country's*:

Georgia, which had *its 'Rose revolution'* in 2003, has lost a fight it picked with Russia, and its leadership has barely survived the subsequent protests and armed mutiny.

Others in Lebanon claimed it was *their own 2005 Cedar Revolution* that led the way.

In Tunisia, whose *own "Jasmine Revolution"* spurred on the Egyptian revolt, people danced in the street and blared their horns.

Since *the country's Orange revolution* that spurred it effectively out of communism, Adelaja and his church have become a very critical force in the emergent political landscape of Ukraine.

Mitchell does label U.S. interest in *this colour revolution* correctly as being mainly geopolitical -- an air base for the Afghanistan and Middle East wars.

Также часты случаи употребления имён ключевых политических деятелей в конкретной революции (и местоимений, их заменяющих):

Despite heavy snow and freezing temperatures, the crowd was in a festive mood, eager to embrace *Yushchenko's orange revolution* against the country's Moscow-backed old guard.

That would mean a victory for Viktor Yushchenko and *his Orange Revolution*, which is pledged to fight corruption and orient Ukraine toward the West.

Saakashvili's rose revolution still has a few thorns.

Although the embattled president may have lost the faith of a large portion of the population, *his 2003 "Rose Revolution"* has undoubtedly irrevocably changed the political destiny of Georgia, many now argue that Ivanishvili's legacy could be similarly significant.

Англоговорящие авторы также нередко используют обобщённые географические названия при употреблении именованного ЦР. В отличие от русского языка, в данном случае реже используются такие понятия, как *СССР*, *СНГ* и т. п., а чаще – *Восточная Европа* и *Центральная Азия*.

They see it entirely through the prism of the Soviet Union, the Arab Spring and *the Colour Revolutions in Central Asia*, so they're not going to go there.

This is a technique that has been modelled somewhat on the failed Green Revolution in Iran of 2009 and made in the same guise as *the colour revolutions of Eastern Europe*.

Маркер указания на место действия является самым распространённым в обоих языках, но, несмотря на это, в русском языке он встречается в 1,5 раза чаще (52,4% в русском языке и 32,9% в английском). Скорее всего, это связано с тем, что в русском языке присутствует большее количество способов передачи данного маркера.

Маркер «Политические события»

Нередко, говоря об истории, мы выстраиваем события в хронологическом порядке, связываем одно с другим и ищем причинно-следственные связи настоящего, прошедшего и будущего. Точно так же поступают и журналисты, что позволило нам выявить ещё один маркер – упоминание политических событий, схожих с «цветными революциями». В первую очередь, это, конечно, другие «цветные» и «бархатные» революции, а также их сравнение с конкретной ХР. Но некоторые авторы дают оценку произошедшим событиям, сравнивая ХР или её последствия с другими политическими событиями прошлого или будущего:

—Мы списались по Интернету с сербским Центром ненасильственного сопротивления «Отпор», который разработал и осуществил *«бархатную» революцию* по свержению Милошевича и *«революцию роз»* в Грузии.

Райс в качестве примера сослалась на успешный опыт демократических изменений, прошедших несколько лет назад в ряде стран, включая *«оранжевую революцию»* на Украине, *«революцию роз»* в Грузии, *«кедровую революцию»* в Ливане, выразив при этом уверенность в том, что этот процесс будет продолжаться.

Если Ющенко будет всерьез прислушиваться к нему, тогда *«оранжевая» революция* придет к тем же результатам, что и немцовские реформы в России...

Но удастся ли оппозиции осуществить *«каштановую революцию»* наподобие *«революции роз»*?

В целом навряд ли между нынешними *«цветными» революциями* и *февральской революцией в России 1917-го года* можно найти какую-то принципиальную разницу.

Английские журналисты также нередко проводят параллели между политическими событиями разных лет и разных стран:

If we're very lucky, we've experienced moments of collective elation like *the March on Washington in 1963, the breaching of the Berlin Wall in 1989, the Orange Revolution in Ukraine in 2004, or the Arab Spring in Cairo's Tahrir Square* more recently.

All that changed with *the 'Rose Revolution' of 2004*, which brought pro-West President Sakaashvili to power, and then *the war over South Ossetia* in August 2008.

Supporters of the war saw their views confirmed in the ink-stained fingers of Iraqi voters who queued up to vote in the various elections held between January and December 2005, in *the Cedar Revolution in Lebanon*, and in *the Afghan presidential and parliamentary elections*.

Unsurprisingly, the thrill of that victory led to the next two 'cyber wars' -- *Orange Revolution in the Ukraine in 2004* followed by *the Tulip Revolution in 2005*.

When people talk about using social media for protest, like *the Arab Spring or the Green Revolution* in Iran, those would never happen strictly online.

It's about U.S. policy in the Middle East, the ongoing *"color revolutions" and specifically the operation underway to arm al-Qaeda, the FSA in Syria, and overthrow the al-Assad regime*.

Сравнивая «цветные революции» с разными политическими событиями мирового уровня, авторы помогают читателю не только воссоздать полную картину мировой политики и оценить её, но и правильно идентифицировать значение именованных ХР. Данный маркер является одним из наиболее редких в употреблении в обоих языках (встречается в 10,6% русских и 10,7% английских предложениях).

Рассмотрев каждый маркер в отдельности, мы можем сделать обобщённые выводы по их использованию в речи. Во-первых, стоит отметить, что далеко не во всех предложениях, описывающих историко-политические события, прослеживается наличие какого-либо маркера. В

русском языке было выявлено 74% таких предложений, что объясняется тем, что многие «революционные» страны в своё время входили в состав СССР. Благодаря географическому соседству и «духовной» близости государств (наличию общей культуры, сложившейся в период существования Союза), и русскому языку (который де-факто являлся официальным в Советском Союзе), носители русского языка не нуждаются в тех пояснениях, которые необходимы носителям других языков для описания некоторых политических событий современности. Данные соображения подтверждаются и тем фактом, что в английском языке отсутствие маркеров отмечается в 36% предложений, что связано с желанием журналистов дать более чёткую и подробную характеристику событий. Для достижения этой цели авторы англоязычных статей нередко используют не только один, а два и более маркера (в ходе исследования были выявлены случаи употребления 4 маркеров в одном предложении). Конечно, данная тенденция прослеживается и в русском языке, однако, она является менее явно выраженной, о чём свидетельствуют результаты, приводимые в табл. 5.

Таблица 5. Наличие маркеров в русских и английских предложениях с именованями в значении события

Маркер	РУССКИЙ ЯЗЫК		АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	
	Именования ХР, %	Именование ЦР, %	Именования ХР, %	Именование ЦР, %
Нет	74,0	49,9	36,0	43,1
Один маркер	21,2	37,1	36,8	45,4
Два маркера	2,7	12,6	21,9	10,0
Три маркера	0,8	0,5	5,0	1,5
Четыре маркера	1,3	0	0,3	0

Приведём несколько примеров предложений, в которых встречается сразу несколько маркеров. В предложении *Площадь (майdan) Независимости была основным местом событий так называемой "оранжевой революции" конца 2004—начала 2005 года, в результате которой было назначено переголосование второго*

*тура предыдущих выборов на Украине. можно увидеть сразу три маркера – указание на место, указание на время и придаточное предложение. Аналогичный пример можно найти и в английском языке: *Nashi was designed to prevent a Russian version of the 2004 Orange Revolution in Ukraine, where youth opposition activists played the central role in the protests that forced a rigged presidential election to be rerun, leading to the victory of Putin antagonist Viktor Yushchenko.**

Также можно проследить некоторые закономерности в сочетании маркеров друг с другом:

Маркер указания на место, будучи самым распространённым, употребляется в паре с любым другим маркером.

– Указание на место + указание на время: *Poland and Lithuania saved Europe's face by giving strong early support to Ukraine's orange revolution last year.*

– Указание на место + вводные слова: *По некоторым сведениям, на средства американского миллиардера организовывалась и так называемая "революция роз" в Грузии.*

– Указание на место + придаточное предложение: *Все еще разгневанный «оранжевой революцией» на Украине, в результате которой в декабре был свергнут пророссийский лидер, Путин подверг критике неправительственные организации, в скрытой форме поддерживаемые правительствами Запада, которые способствовали росту движений сопротивления на территории бывшей сферы влияния Москвы, пишет во вторник британская газета *The Time*.*

– Указание на место + политические события: *A Rose Revolution in Georgia, an Orange Revolution in Ukraine and now, a Purple Revolution in Iraq, – he said.*

Придаточные предложения и маркер указания на время могут быть дополнены вводными словами или словосочетаниями.

– Указание на время + вводящие слова: *"But there has been ongoing tension between the Georgian and Adzharian leaders since Mr. Saakashvili became president following last year's so-called "rose revolution".*

– Придаточное предложение + вводящие слова: *Мало того, наблюдатели вспоминают, что американские сторонники Ющенко еще недавно прочили ему победу в результате, так называемой, «каштановой революции», которая должна была повторить грузинский опыт.*

Очевидным является тот факт, что маркер указания на место является самым часто употребляемым в обоих языках, так как место проведения революции является самым главным идентификатором события. Для именованний ХР на втором месте по частоте использования находится указание на время, и поскольку чаще всего журналисты задействуют год проведения революции, данный маркер, наряду с указанием на место, способствует быстрому соотнесению именованния с конкретным событием. Для именованния ЦР значительно сложнее указать временные рамки, но в обоих языках это компенсируется за счёт употребления стандартных слов и фраз, которые более разнообразно представлены для именованния ЦР, чем для именованний ХР. Частота употребления каждого из маркеров в русском и английском языках представлена в табл. 6 в процентном соотношении.

Таблица 6. Частота употребления маркеров в русских и английских предложениях с именованниями в значении события

Маркер	РУССКИЙ ЯЗЫК		АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	
	Именованния ХР, %	Именованние ЦР, %	Именованния ХР, %	Именованние ЦР, %
Указание на место	52,4	47,0	32,9	41,8
Указание на время	18,5	3,4	23,5	7,7
Придаточное предложение	10,9	7,1	17,3	9,9
Стандартные слова и фразы	7,6	35,8	15,6	17,6
Политические события	10,6	6,7	10,7	23,1

В отличие от маркеров указания на время и место, употребление таких маркеров, как придаточное предложение, стандартные слова и фразы и

политические события, не помогает читателю быстро и чётко определить нужное значение именованного, что подтверждается меньшей частотой их употребления в обоих языках. Данные маркеры больше способствуют введению именованного в речь, тогда как маркеры указания на место и время обеспечивают его функционирование в речи. Таким образом, все маркеры можно разделить на две группы: маркеры введения ХР в речь и маркеры функционирования ХР в речи.

2.4. Переход именованного в разряд прецедентных феноменов и дальнейшее функционирование в речи

Общепринято считать точкой отсчёта теории прецедентности монографию Юрия Николаевича Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987], в которой он указывает место прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. Ю. Н. Караулов дал основополагающее определение как для прецедентных текстов, так и для прецедентных феноменов в целом, определив их как тексты, значимые для личности и её широкого окружения в познавательном и эмоциональном отношениях, обращение к которым регулярно происходит в дискурсе данной языковой личности [Караулов 2010: 216]. Такое широкое определение прецедентных текстов позволило включить в их состав лексемы, фразеологизмы, предложения, ситуации, пословицы и поговорки, крылатые выражения и даже такие невербальные единицы, как произведения архитектуры, музыки, живописи, что, в свою очередь, привело к рождению таких понятий, как прецедентное высказывание [Костомаров 1994], прецедентное имя [Гудков 1996] и прецедентная ситуация [Красных 1996]. Впоследствии все эти понятия были объединены общим термином «прецедентные феномены» (далее – ПФ), который Ю. Е. Прохоров трактует как «вербализуемые в коммуникации единицы, реализация которых влечёт за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ним стоит» [Прохоров 2009]. Активно развивавшаяся в конце

1990-х годов, теория прецедентности тесно связывается с учением об интертекстуальности. На современном этапе развития филологической науки всё же принято разграничивать прецедентность и интертекстуальность при учёте того, что прецедентность – это более узкое понятие, входящее в состав интертекстуальности. Н. А. Кузьмина выделяет следующие отличительные особенности прецедентных феноменов [Кузьмина 2011]:

- ПФ актуальны сегодня и сейчас, но необязательно они будут актуальны завтра;
- время их существования ограничивается временем их рецепции и реинтерпретации;
- СМИ обеспечивают «техническую» поддержку ПФ для максимальной степени их рецепции широким кругом потребителей;
- ПФ – это явления жизни, а интертекст – транслируемый код культуры системы общечеловеческих ценностей.

На сегодняшний день теорию прецедентности принято считать вполне сложившейся (основные теоретические положения изложены в работах Д. Б. Гудкова [Гудков 1999а; Гудков 2000б], Ю. Н. Караулова [Караулов 2010], В. В. Красных [Красных 1996; Красных 2007], В. Г. Костомарова и Н. Д. Буровиковой [Костомаров 1994; Костомаров 1996], Г. Г. Слышкина [Слышкин 2000; Слышкин 2004]), но, несмотря на этот факт, ПФ привлекают внимание исследователей различного уровня, которые изучают разнообразные аспекты данного явления. Вслед за Ю. Н. Карауловым большинство исследователей в области теории прецедентности обращают внимание на художественную литературу как источник и сферу функционирования ПФ [Кузьмицкая 2006; Михновец 2007; Горубнова 2008; Морозова 2010 и др.]. Н. А. Кузьмина отмечает, что «современный медиадискурс характеризуют общие процессы и общие принципы функционирования прецедентных феноменов» [Кузьмина 2011: 221], поэтому в последнее время многие исследования в этой области обращены в сторону средств массовой информации. Общие положения о роли, месте и

процессах функционирования ПФ в медиадискурсе описаны в работах: [Нахимова 2011; Серкина 2014]; газетному дискурсу посвящены научные труды: [Блинова 2007; Боярских 2008; Быкова 2009; Елисеева 2010; Зырянова 2010; Драпалюк 2010 и др.], некоторые из них [Черногрудова 2003; Адзинова 2007; Чемезова 2008] были направлены исключительно на изучение особенностей функционирования ПФ в заголовках; актуальными являются исследования в области рекламы [Рагимова 2006; Кушнерук 2006; Илюшкина 2008; Чистова 2009 и др.], телевидения [Пикулева 2003] и сети Интернет [Гриценко 2010]. Чаще стали встречаться работы, посвященные употреблению ПФ в политическом [Ворожцова 2007; Косарев 2008; Полякова 2012 и др.] и бытовом [Исаева 2000; Гунько 2002; Сергеева Г. Г. 2005; Воропаев 2012 и др.] дискурсах. Некоторые исследователи изучают ПФ в рамках лингвокультурологического [Банникова 2004; Завьялова 2007; Лавриненко 2008; Джанаева 2008 и др.] или психолингвистического [Бирюкова 2003; Хватова 2004; Павликова 2005; Попадинец 2006 и др.] подходов или затрагивают переводоведческие проблемы [Беридзе 1997; Саксонова 2002; Денисова 2011].

Несмотря на всё возрастающий интерес к различным аспектам ПФ и создание многочисленных классификаций и определений, на данный момент все исследования затрагивают в основном вопросы функционирования ПФ в различных дискурсивных средах или вопросы понимания и идентификации ПФ. Как отмечает Л. В. Бронник, в последние полтора-два десятилетия произошёл поворот к познанию динамических процессов языковых явлений [Бронник 2012: 3], однако, по отношению к теории прецедентности, этот поворот до сих пор нельзя считать свершившимся (на данный момент нами не было выявлено работ по изучению динамики значения какого-либо ПФ).

В данной работе мы предпринимаем попытку познания динамических процессов ПФ на примере именованных ХР и ЦР, для изучения которых в первую очередь необходимо выявить место данных именованных во всём многообразии ПФ. В теории прецедентности существует множество

классификаций, самые распространенные из них разделяют ПФ по составу (где различаются прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентный текст); по социальной значимости распространения (различаются автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально прецедентные и универсально прецедентные феномены); по средствам выражения (вербальные и невербальные), а также по сфере-источнику ПФ (выделяют от 8 [Ворожцова 2007; Зырянова 2010] до 34 [Черногрудова 2003] сфер культурного знания, являющихся первоначальным источником ПФ).

Именования «цветных революций» одновременно относятся к разряду прецедентных имён и в то же время обозначают некоторую прецедентную ситуацию. Поскольку сама по себе прецедентная ситуация является феноменом когнитивного, а не лингвистического плана, постольку в речи она проявляется посредством вербального феномена, а именно – прецедентного имени [Прохоров 2009: 152]. Например, прецедентная ситуация, известная как «Оранжевая революция», проходившая в виде протестов, митингов и пикетов на Украине в 2004 году после признания результатов президентских выборов нелегитимными, вербализуется в речи посредством прецедентного имени «оранжевая революция».

Таким образом, мы можем определить ПФ «цветных революций» как невербальные универсально прецедентные ситуации, берущие своё начало из сферы-источника мировая история и политика (по классификации [Зырянова 2010]) и вербализующиеся в речи посредством прецедентных имён (например, *оранжевая революция*, *цветная революция* и т. п.). Именования функционируют по номинативному (образно-семантическому) типу использования ПФ, которому присущи частичная номинативная функция, акцентирование только одного свойства и экспрессивная насыщенность (по Ю. Н. Караулову [Караулов 2010: 223]). Под частичной номинативной функцией понимается ввод ПФ в дискурс языковой личности и актуализация в интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации, в

нашем конкретном случае посредством именованя, которое отсылает и говорящего, и слушающего к прецедентной ситуации. При восприятии именованя актуализируется представление о соответствующем явлении, то есть, как отмечает Ю. Н. Караулов, «приводится в состояние готовности (в меру знания его соответствующей личностью) для использования в дискурсе по разным своим параметрам» [Караулов 2010: 219], например, как источник сходных ситуаций.

Под акцентированием одного свойства подразумевается указание на характерное свойство или типовую, наиболее заметную, запоминающуюся черту события. Исследовательский материал нашей работы указывает на то, что чаще всего под этим характерным свойством вне зависимости от употребляемого именованя (неважно будет ли употреблено в тексте именоване «оранжевая революция», «розовая революция» или «цветная революция») понимается любой переворот по смене власти (или руководства), будь то на уровне страны, региона или какого-либо более мелкого уровня. При этом другие, не менее важные признаки революции, как, например, признание результатов президентских выборов на Украине не действительными или многочисленные митинги и акции протеста, устраивавшиеся в течение двух месяцев в стране, становятся незначительными.

Под экспрессивной насыщенностью понимается наличие дополнительного экспрессивного оттенка, нередко с «элементами преувеличения, гиперболизма, сдобренного часто большей или меньшей долей иронии» [Караулов 2010: 222]. Например, в предложении: «*Судя по приготовлениям со стороны США, следует, видимо, ожидать на Кубе очередную "оранжевую" революцию?*» именоване «оранжевая революция» используется с некоторой долей преувеличения, так как революции или каких-либо подобных действий всё же не происходило на Кубе с начала 2000-х годов. Наличие иронии подчёркивается ещё и словом «очередная», потому что всем людям, которые хотя бы немного следят за новостями,

известно, что период с 2003 по 2010 год был «богат» на подобного рода «революционные» события, что, в свою очередь, определило употребление именований «цветных революций» применительно к любым событиям политической нестабильности.

Стоит отметить еще несколько немаловажных фактов при переходе именований со значением ‘событие’ в разряд ПФ. Во-первых, как мы помним, при вхождении именованья в речь только 30% именований были реализованы в дискурсе в значении ‘событие’, точно такой же «отсев» происходит и при переходе именований в значение ‘ПФ’. Как отмечает А. Моль, «В настоящее время знания формируются не системой образования, а средствами массовой коммуникации» [Моль 2005: 45], поэтому, пропуская через свои фильтры именованья ХР, СМИ повышают ценность одного культурного явления и обесценивают другое. Н. А. Кузьмина подчёркивает: «... то, что не попало в каналы массовой коммуникации и не было включено в “технологии раскрутки”, почти не имеет шансов оказать влияние на общество» [Кузьмина 2011: 211]. Если данные положения применить в отношении исследуемых нами именований, то мы видим, что в разряд ПФ вошли только такие именованья, как «цветные революции» («color revolutions»), «Оранжевая революция» («the Orange Revolution»), «Розовая революция» («the Rose Revolution»), «Тюльпановая революция» (исключая английский вариант именованья) и «Жасминовая революция» («the Jasmine Revolution»). В то же время именованья «the Tulip Revolution», «Кедровая революция» («the Cedar Revolution»), «Каштановая революция», «Джинсовая революция», «Васильковая революция», «Финиковая революция», «the Green Revolution» и «the Purple Revolution» не были часто употребляемыми единицами массовой коммуникации, что привело к тому, что данные именованья функционируют в речи только как имена собственные историко-политических событий новейшего времени.

Отметим также, что при вхождении в состав ПФ пять русскоязычных именований и четыре их англоязычных эквивалента расширили границы

своего значения до именования любых политических действий, вызываемых недовольствами общества по отношению к существующей власти, что позволяет нам поставить знак тождества между всеми этими именованями. Иначе говоря, употребление какого-то конкретного именованя (например, *оранжевая революция*) в значении 'ПФ' носит чисто формальный характер, так как с равным успехом оно может быть заменено любым другим именованем ХР (например, «Розовая революция» или «Кедровая революция»), не изменив тем самым своей смысловой нагрузки.

Аналогично значению 'событие', именованя «цветных революций» в значении 'ПФ' употребляются в предложениях с определённым набором маркеров: 1) стандартные слова и фразы; 2) придаточное предложение; 3) указание на время; 4) указание на место; 5) множественное число.

Стандартные слова и фразы

При помощи стандартного набора слов читатель может легко понять, что именоване ХР используется в предложении в значении 'ПФ', так как данный маркер указывает на возможность повторения или совершения действий, аналогичных «цветным революциям». Такие слова указывают на то, что это событие уже имело место, а сейчас повторяется, обладая лишь какими-то из признаков этого самого события. Маркер может быть реализован такими существительными, как *возможность, вероятность, попытка, повторение, экспорт, вариант* и т. п., например:

Вероятность «оранжевой революции» в Москве нулевая.

В возможность батумского варианта «революции роз» не верилось до последнего.

«Финанс» пишет, что казахстанский лидер побаивается аналога киргизской «тюльпановой» революции.

А нынешние акции протеста он назвал «бездарной имитацией революции роз», которую спровоцировали «российские олигархические силы».

Достаточно часто встречаются случаи употребления таких прилагательных, как *новая, возможная, любая, очередная, собственная, следующая*.

Выступая в Бухаресте 16 мая, президент Грузии заявил, что *следующая «революция роз»* может произойти в Абхазии.

Еще 5 процентов участников опроса не исключают *новую «Оранжевую» революцию* и повторение событий на Майдане.

В пятницу должны наконец-то определиться с перспективами *собственной "оранжевой революции"* в Азербайджане.

Стойкий цезарь, сотрудник внутренней политики Владимир ВОРСОВИН, предрекал, что *очередная «цветная» революция* не пройдет и восстание красно-белого Спартака будет жестоко подавлено «регулярной армией».

Нередко в качестве данного маркера выступают местоимения *какая-нибудь*, *своя* и т. п., а также числительное *два* в форме *вторая* или *XP-2*.

В Зимбабве может произойти *своя "оранжевая революция"*.

За океаном одобряют действия главного финансиста намечающейся *второй «революции роз»*.

О *«революции роз-2»*, скорее всего, придется забыть.

Вместо этого ведут с неграмотными поколениями политические игры, чтобы они сдуру не устроили *какую-нибудь «цветную революцию»*.

В английском языке данный маркер представлен менее разнообразно: либо прилагательными *another* или *next*, или фразой, содержащей эти прилагательные; либо фразой со словом *style* (например, *Ukrainian-style*); либо порядковым числительным *second*.

Last week Mr Abashidze said a Georgian military convoy was en route to Adjara to enact *another "rose revolution"* in the province.

There will be *another round of "Jasmine Revolution"* walkabout this coming Sunday.

Here's a rule of thumb regarding *the next wave of the jasmine revolution*: the more tribal the polity, the more violent the government's response.

Mr Ai was picked up by police in April as authorities rounded-up activists, following calls on websites for *a Middle Eastern-style Jasmine revolution* in China.

"They fear *a Ukrainian-style Orange Revolution* will break out if they let people express themselves," Mr. Ryzhkov said.

If Yanukovich keeps on his current course, he could very well provoke *a second Orange Revolution*.

Как мы видим, в русском языке наблюдается большая вариативность маркера стандартных слов и фраз, что связано, во-первых, с тем, что в английском языке именованная XP значительно реже используется в значении 'ПФ', а, во-вторых, с тем, что данный маркер употребляется в английском языке в 1,5 раза реже, чем в русском (28,6% и 42,1% соответственно).

Придаточное предложение

При употреблении именовании в обоих значениях (и в значении ‘событие’, и в значении ‘ПФ’) данный маркер выполняет одну и ту же функцию – выявление наиболее значимых признаков именования в данном контексте с целью идентификации читателем значения, требуемого в предложении.

«Революция роз», затеянная мэром Булавиновым накануне выборов, должна, наконец, навести порядок в сфере торговли цветами.

Испытанным приемом в таких случаях служит инициация какой-нибудь «оранжевой» революции, то есть обработка части населения и организация систематического давления на власть с целью ее свержения.

Интересным является и тот факт, что при употреблении именовании в значении ‘событие’ автор текста, используя придаточное предложение, пытается дать нам краткую характеристику данного события. Однако при употреблении именовании в значении ‘ПФ’ мы можем наблюдать как краткую характеристику намечающегося события (см. примеры выше), так и отсылку к нужному значению именовании. Например:

Кремль стремится создать на этой почве организованные пророссийские движения – «красный» вариант «оранжевой революции», которая два года тому назад привела к власти в Украине прозападное правительство.

В английском языке данная категория не представлена ни одним примером по причине наличия более «сильных» маркеров, которые в большей мере способствуют распознаванию значения в тексте, чем придаточное предложение. Одним из «сильных» маркеров можно назвать маркер указания на место.

Указание на место

Большая часть русскоязычных предложений, так или иначе, указывает на возможные политические волнения в России и её областях.

Владимир Марченко, Прогрессивная социалистическая партия: «Я абсолютно убежден, что американцы будут планировать проведение «оранжевой революции» в России.

Игра в «оранжевую революцию» и «майдан» в Челябинске заставила президента РФ Владимира Путина отказаться от визита на Урал.

Нижегородская «революция роз» назначена на август.
«Оранжевая революция» в Свердловской области: оппозиция выиграла выборы глав в четырех районах Свердловской области.

Однако мы можем также увидеть предложения, где в качестве места проведения «революции» указываются страны СНГ, Европы и всего мира.

«По данным ФСБ, недавно в Братиславе обсуждался план продолжения *«оранжевых» революций на пространствах СНГ*.

Обеспокоенность г-на Воронина вполне понятна и объясняется во многом тем, что он боится *молдавской «оранжевой революции»*.

Многие наблюдатели поспешно решили: *«революция роз» в Армении* не удалась.

Возникла даже эффектная идея посадить в стране украинские каштаны, которые должны были стать символами *«каштановой революции» по-казахски*.

Но войны в Афганистане и Ираке, а также попытки американцев поддержать *«оранжевые революции» в некоторых республиках Центральной Азии* вызвали тревогу в Москве и Пекине.

Маргелов не верит и в возможность *«оранжевой революции» на Кубе*.

По мнению специалистов, дальнейшее развитие событий, конечно, не предполагает югославского варианта 1999 г., хотя вариант с *белградской «каштановой революцией»* все-таки остается.

Поэтому *«оранжевая революция» в Израиле* проистекает не без молчаливой поддержки самого Шарона.

Но *«оранжевая революция» в Венгрии* не прошла», — отметила она РБК daily.

Особенно примечательным является тот факт, что данный маркер показывает нам процесс перехода именованного из сферы политической в сферу общественную. Например:

Прошедшая на прошлой неделе «чистка» *Народной партии* свидетельствует о нарастании противодействия ее нынешнему руководству, которое, по словам бывшего министра иностранных дел Артиса Пабрикса, вполне может привести к *«оранжевой революции» в ее рядах*.

В украинском футболе продолжает бушевать *«оранжевая» революция*.

Также в заявлениях Союза православных граждан впервые народ услышал прямые призывы представителей Церкви к российской власти с требованием наказать ее инакомыслящих членов, якобы посягающих на суверенитет России: «мы имеем дело с антироссийской политической провокацией... *«оранжевой революции» в Русской Церкви*.

В английском языке перехода именованного в общественную сферу не произошло, однако, в политической сфере также встречаются предложения с маркером указания на место.

It is not easy helping most Chinese get their heads around the fact that the riots in Britain, to their euphoria, are nothing like *a Jasmine Revolution in Europe*.

Bring on the women and the young people - maybe an intellectual *Jasmine revolution in the region* might be the thing we need....

Маркер указания на место действия является самым распространённым в обоих языках и представлен в них примерно в равном процентном соотношении (52,6% в русском языке и 58,8% в английском языке).

Указание на время

Здесь подавляющее большинство маркеров представлено датой, однако, встречаются единичные предложения, которые указывают на какое-то политическое событие, в результате которого может произойти «революция». Например:

Это значит, что в целях дестабилизации ситуации на Северном Кавказе для подготовки *«оранжевой» революции в 2008 году* Запад будет активнее использовать грозненскую администрацию, пытаясь противопоставить ее федеральному центру.

Лишившись поста президента Киргизии после *«революции роз» в 2005 году*, Акаев перебрался в Москву и стал преподавателем МГУ.

По мнению политологов и правозащитников, таким способом власть хочет обезопасить себя от возможности *«оранжевой революции» во время выборов 2007-2008 годов*.

The Rose Revolution, which has been sparked in Manama, February 14th 2011, might be the most painful revolution for childhood.

При употреблении именованного ХР в значении 'ПФ' данный маркер не является часто используемым (лишь 3,9% русских и 8,8% английских предложений содержат указание на время). Данный факт объясняется тем, что для идентификации именованного, выступающего в роли ПФ, читателю необходимо обладать достаточно широкими знаниями в области истории «цветных революций», а именно, знать даты проведения реальных «революций».

Множественное число

Именование ХР представляется в предложении во множественном числе, чего нельзя сказать о самом событии, которое является единственным в своем роде и никогда больше не повторится, поэтому и на уровне предложения именование появляется только в единственном числе.

Имелись в виду, конечно, «оранжевые» революции, прокатившиеся по бывшему СССР.

Во-первых, "оранжевые революции" или "революции роз" происходят в связи с выборами, когда оппозиция мобилизует народ для свержения действующей власти, допустившей, по ее мнению, фальсификацию результатов выборов.

В качестве примера он привел так называемые "оранжевые, тюльпановые революции", ситуацию в Грузии, когда, по его словам, "улица начинает диктовать те или иные решения в политике".

From recent world history, with the help of a few quislings, we know it's not very hard to stage these so called velvet revolutions, purple revolutions and orange revolutions.

Как мы видим, зачастую встречается сразу несколько именованных, употребляемых во множественном числе, что также подчёркивает их функционирование в роли ПФ.

Одной из отличительных особенностей именованных ХР от именованных ЦР в значении 'ПФ' является именно категория числа. Если именованные ХР, употреблённые во множественном числе, указывают нам на то, что это ПФ, то именование ЦР для указания на наличие признаков прецедентного значения, напротив, скорее всего будет употреблено в единственном числе, так как словосочетание «цветные революции» – это современное обобщённое название всех историко-политических действий по смене власти.

Изучив каждый маркер в отдельности, мы также можем сделать обобщённые выводы в отношении их функционирования в предложениях. Во-первых, при употреблении именованного в значении 'ПФ' маркеры встречаются гораздо чаще, чем в значении 'событие', что обусловлено необходимостью уточнения данного значения для читателя. Так, только 18% русских и 15,6% английских предложений данного типа не содержат какого-либо маркера. Во-вторых, существуют предложения, включающие в свой состав два и более маркера одновременно. Например, *Московская же политтусовка после победы «оранжевой революции», уже в январе этого года, сосредоточилась на обсуждении перспектив аналогичной антипутинской революции в России в 2007 г.* Или *The Middle East may seem really "not in our sphere" but, then, can one really explain the recent "Orange Revolution" in Quebec?*

Процентное соотношение количества маркеров в предложениях представлено в табл. 7, которая указывает нам на то, что чаще всего (а в отношении именованного ЦР – всегда) в предложении используется один маркер, при этом случаи отсутствия маркеров в предложении малочисленны.

Самым распространённым маркером по-прежнему является маркер указания на место, который лучше позволяет читателю определить нужное значение именованного, соотнеся описываемое в статье событие с реальными «революциями» или с событиями, обладающими лишь каким-либо из признаков именуемых «революций».

Таблица 7. Наличие маркеров в русских и английских предложениях с именованном XR в значении ПФ

Маркер	РУССКИЙ ЯЗЫК		АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	
	Именованном XR, %	Именованном ЦР, %	Именованном XR, %	Именованном ЦР, %
Нет	18,0	0	15,6	0
Один маркер	46,8	100,0	62,5	100
Два маркера	10,9	0	18,8	0
Три маркера	21,7	0	3,1	0
Четыре маркера	2,6	0	0,0	0

В отличие от значения ‘событие’, в значении ‘ПФ’ на второе место по распространённости выходит маркер стандартных слов и фраз (табл. 8), который в данном значении указывает на повторяемость уже известных событий, но уже с другими характерными признаками. Маркер указания на время представлен немногочисленными примерами, так как в данном значении указать на время конкретного события достаточно сложно или практически невозможно. Придаточные предложения также не являются эффективными для идентификации данного значения именованного, так как с их помощью автор может описывать как «новые», так и «реальные» события, что затрудняет определение нужного значения читателем.

Таблица 8. Частота употребления маркеров в русских и английских предложениях с именовани \bar{e} м ХР в значении ПФ

МАРКЕР	РУССКИЙ ЯЗЫК		АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	
	Именования ХР, %	Именовани \bar{e} ЦР, %	Именования ХР, %	Именовани \bar{e} ЦР, %
Указание на место	39,9	20,0	58,8	100,0
Указание на время	3,0	0	8,8	0
Придаточное предложение	0,5	0	0,0	0
Стандартные слова и фразы	31,9	80,0	29,4	0
Множественное число	24,7	0	2,9	0

Если именовани \bar{e} ХР, которые употребляются в значении ‘ПФ’ и эквиваленты в данном случае друг другу, так как описывают любое ненасильственное свержение власти или недовольства общества данной властью, то именовани \bar{e} ЦР имеет точно такое же значение, ещё не будучи прецедентным феноменом, так как само по себе оно является обобщённым названием событий данного вида. Таким образом, мы можем поставить знак равенства между именовани \bar{e} ми ХР в значении ‘ПФ’ и именовани \bar{e} м ЦР в значении ‘событие’. Употребляемое в качестве ПФ, именовани \bar{e} ЦР также описывает какие-либо нестабильные ситуации, причём как в политической сфере, так и в других сферах деятельности человека. Примечательно то, что половина примеров с именовани \bar{e} м ЦР в значении ‘ПФ’ указывает на «цветную революцию» в США и, в частности, в американском правительстве или американской политической элите.

Впрочем, *«цветная революция по-американски»* произошла в последние дни не в Вашингтоне и не на либеральном Восточном побережье США а там, где ее меньше всего ожидали – в южной, консервативной и склонной к открытому расизму Луизиане.

Впрочем, как показывает опыт Луизианы, никто на свете не может предсказать *американской политической элите*, как долго ей осталось ждать свою *«цветную революцию»*.

The embattled US president, however, may indeed need every minute at home to campaign for his second term, given the sluggish economy and recently rejuvenated Republican Party which is determined to end *the "colour revolution" in the White House* with or without Obama's birth certificate.

Точно так же, как и именовани \bar{e} «оранжевая революция» вышло за рамки политической сферы, именовани \bar{e} ЦР в своём прецедентном значении

выходит в сферу общественную: *«Цель — "цветная" революция на территории отдельно взятого Пушкинского района».*

И точно так же, как именование «оранжевая революция» было употреблено по отношению к украинскому футболу, именование ЦР употребляется по отношению к футболу российскому. В данном случае мы можем понять, что речь идёт о футболе, благодаря таким словам, как *цезсковец* и *Спартак*.

Стойкий *цезсковец*, сотрудник внутренней политики Владимир ВОРСОВИН, предрекал, что очередная *«цветная» революция* не пройдет и восстание красно-белого *Спартака* будет жестоко подавлено «регулярной армией».

2.5. Проблема написания именованных в разных значениях

При анализе именованных ХР и ЦР в предложениях нами была замечена характерная для всех источников особенность их употребления – отсутствие единого мнения по поводу написания данных именованных, значения которых авторы и редакторы также не различают графически. Так, именованные ХР представлены десятью различными вариантами написания в русском языке (учитывая регистр и кавычки) и 18 вариантами – в английском (учитывая регистр, кавычки и артикль), а именование ЦР – шестью русскими и одиннадцатью английскими вариантами написания. Полный перечень версий написания, встретившихся за время проведения исследования, а также их процентное соотношение, представлены в табл. 9.

Таблица 9. Варианты написания именований ХР и ЦР
в русском и английском языках

Употребление кавычек	РУССКИЙ ЯЗЫК		АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК					
			Нулевой артиклъ		Неопределённый артиклъ		Определённый артиклъ	
	ХР	ЦР	ХР	ЦР	ХР	ЦР	ХР	ЦР
<i>Оба слова со строчной буквы</i>								
х революция	8,3	20,2	3,3	22,1	0,8	7,6	3,9	9,2
«х» революция	16,6	31,2	–	–	–	–	–	–
х «революция»	0,2	–	–	–	–	–	–	–
«х революция»	65,9	43,2	9,0	22,1	0,4	–	6,4	18,3
<i>Х – с прописной буквы, революция – со строчной</i>								
Х революция	2,4	2,1	1,8	0,8	0,5	–	3,3	–
«Х» революция	1,0	1,2	–	–	–	–	–	–
Х «революция»	–	–	–	–	–	4,6	–	–
«Х революция»	5,3	2,1	0,1	–	1,4	–	0,5	–
<i>Х – со строчной буквы, революция – с прописной</i>								
х Революция	0,1	–	–	–	–	–	0,1	–
«х» Революция	–	–	–	–	–	–	–	–
х «Революция»	–	–	–	–	–	–	–	–
«х Революция»	0,1	–	–	–	–	–	–	–
<i>Оба слова с прописной буквы</i>								
Х Революция	–	–	16,2	5,3	2,0	–	32,4	–
«Х» Революция	–	–	–	–	–	–	–	–
Х «Революция»	–	–	–	–	–	–	–	–
«Х Революция»	0,1	–	8,8	0,8	–	6,9	9,1	2,3

Результаты, представленные в табл. 9, позволяют проследить некоторые закономерности в написании именовании. В русском языке независимо от именовании самым распространённым вариантом написания (65,9% для именовании ХР и 43,2% для именовании ЦР) является написание обоих слов со строчной буквы, при этом оба слова заключаются в кавычки (например, «оранжевая революция», «цветная революция»). Русскоязычные авторы практически не разграничивают написание названия конкретного события и обобщённого названия всех революций, которое всё же в 31,2% случаев было написано как «цветная» революция, где в кавычки берётся только первое слово. В данном случае авторы хотят подчеркнуть переносность и условность значения слова, выделяемого кавычками. Англоязычные авторы, напротив, разграничивают написание именовании ХР

и именованя ЦР, однако, в предложениях представлено больше вариантов их написания, что обусловлено присутствием категории артикля в английском языке. Для именованй конкретного историко-политического события чаще всего (32,4%) авторы пишут оба слова с прописной буквы, а всё выражение целиком выделяют кавычками. В написании обобщённого именованя мнения журналистов, пишущих статьи на английском языке, расходятся: часть из них (22,1%) пишут оба слова со строчных букв, но без кавычек, а часть (тоже 22,1%) заключает всё именование в кавычки.

Изучив подробнее теоретический и практический аспекты именованй ХР и ЦР, мы можем дать рекомендации по их написанию как на русском, так и на английском языке. Поскольку изучение именованй происходило в рамках двух значений ('событие' и 'ПФ'), постольку, на наш взгляд, стоит различать на письме два варианта написания именованй ХР и ЦР в зависимости от значения, в котором они употребляются (см. табл. 10).

Таблица 10. Написание именованй ХР и ЦР в русском и английском языках

Значение	Именованя ХР (на примере именованя «оранжевая революция»)		Именование ЦР	
	РУССКИЙ ЯЗЫК	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	РУССКИЙ ЯЗЫК	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
Историко-политические события	Оранжевая революция	The Orange Revolution	цветная революция	color revolution
ПФ	«оранжевая революция»	«orange revolution»	«цветная революция»	«color revolution»

При употреблении именованй в значении 'с о б ы т и е' следует руководствоваться следующей логикой их написания.

Именованя ХР. В словаре-справочнике Д.Э. Розенталя говорится: «С прописной буквы пишутся названия исторических эпох и событий; в составных наименованиях – все собственные имена» [Розенталь 1987: 335]. Поскольку слово *революция* является нарицательным, в русском языке во

всех именовании ХР слово-«символ» пишется с прописной буквы, а слово *революция* – со строчной, при этом оба слова не заключаются в кавычки (как, например, *Бархатная революция*, *Октябрьская революция 1917 года*, *Великая Отечественная война* и т. п.). В английском языке названия исторических событий принято писать с заглавной буквы вне зависимости от того, собственное или нарицательное имя употреблено в составе названия, а также подчёркивать уникальность данных событий с помощью определённого артикля *the* (например, *the War of the Roses*, *the French Revolution* и т. п.) [Oxford... 2015]. При употреблении именовании ХР на письме оба слова пишутся с заглавной буквы, при этом их не заключают в кавычки. Данного варианта написания именовании ХР придерживалось большинство англоязычных журналистов.

Именование ЦР. Д. Э. Розенталь указывает на то, что «Названия исторических эпох, периодов и событий, не являющихся собственными именами, ... пишутся со строчной буквы» [Розенталь 1987: 336], а поскольку данное именование является обобщённым названием всех революций такого типа, на письме обе составляющие данного именовании пишутся со строчной буквы и не выделяются кавычками. Той же логики необходимо придерживаться и при написании английского аналога такого именовании.

Именовании ХР и ЦР в качестве прецедентного феномена пишутся одинаково как в английском, так и в русском языке. При написании именовании ХР и ЦР оба слова следует писать со строчной буквы, а всё именование заключается в кавычки, при этом использование артиклей в английском языке подчиняется общим правилам расстановки артиклей. Д. Э. Розенталь разграничивает шесть случаев выделения слов и словосочетаний кавычками [Розенталь 1989: 158–159], в зависимости от контекста именовании ХР и ЦР могут подпадать под часть из этих случаев или даже под все. Например, в предложении «*Но при застое люди не ездили за границу, да и вокруг них не происходили там и тут "оранжевые революции"*» автор выделяет именование ХР кавычками и тем самым хочет

подчеркнуть, что данное название сравнительно новое, ещё малоизвестное и непривычное для читателей, кроме того, оно употребляется в необычном, к тому же ироничном, значении. В любом случае употребления именовании ХР и ЦР мы подчёркиваем условность их значения (такая точка зрения по постановке кавычек обоснована, например, в [Розенталь 2003: 227; Зализняк 2007; Пахомов 2008: 14-15; Oxford... 2015]).

Выводы по главе 2

Благодаря пятиэтапной процедуре изучения особенностей порождения и функционирования именовании «цветных революций» в речи, мы можем сделать следующие общие выводы.

1. Именования «цветных революций» состоят из двух компонентов – слова-символа и слова *революция*. Слово-символ может отсылать к цвету, цветку или образам из окружающего мира. Благодаря тому, что среди первых в историческом плане «цветных революций» самым сильным символом явилось слово из категории цвета, слово *цвет* легло в основу обобщённого названия всех подобных событий как прошлого, так и будущего. Слово *революция* употребляется в составе именовании с точки зрения современного подхода к трактовке значения данного слова, тогда как фактически события такого рода подпадают под значение слова *переворот*, которое не является самым значительным по степени существенности изменений в государственной структуре в синонимическом ряду «*путч – переворот – революция*».

2. Именования «цветных революций» употребляются в тексте в двух различных значениях: в значении отсылки к историко-политическому событию и в качестве ПФ, выделяющего только одну или несколько отличительных черт первоначального значения словосочетания. При этом именовании ХР в значении ‘ПФ’ и именовании ЦР в значении ‘событие’

равнозначны и при необходимости могут заменять друг друга в любом предложении.

3. Функционирование именованных в речи обеспечивается маркерами, которые позволяют читателю идентифицировать требуемое контекстом значение именованного. Для обоих значений существует четыре общих маркера (стандартные слова и фразы; придаточное предложение; указание на место; указание на время), реализующихся за счёт различных лексико-грамматических средств для каждого из значений. Также был выделен маркер политических событий для значения 'событие' и маркер множественного числа для значения 'ПФ'. Самым распространённым маркером в речи в обоих значениях является маркер указания на место, поскольку он позволяет наиболее чётко соотнести именование с конкретным событием. Вторым по распространённости для значения 'событие' является маркер указания на время, так как каждая конкретная революция имеет свои временные границы. Остальные же маркеры являются более или менее употребительными в зависимости от именованных ХР или ЦР, используемых в тексте, и от их значения.

4. По мере формирования именованных и их дальнейшего функционирования часть именованных может выйти из состояния равновесия с дискурсивной средой и больше не употребляться в речи. Так, после этапа формирования именованных только 30% из них вошли в употребление, являясь именами собственными историко-политических событий новейшего времени. Остальные именованные не стали широко употребляемыми по следующим причинам: отсутствие чёткого символа революции; наличие сразу нескольких именованных для обозначения революции; наличие более сильного символа; использование символа, уже присущего другой революции; невозможность использования символа в визуальном плане; отсутствие политических оснований для именованного событий революцией. Активная деятельность СМИ, направленная в сторону употребления некоторых именованных, позволила сделать их актуальными, общеизвестными

и общеупотребительными, что, в свою очередь, обусловило появление ещё одного значения этих именовании (в значении 'ПФ' употребляется 12% именовании от первоначального числа). Примечательным является и тот факт, что при употреблении именовании в значении 'ПФ', именовании «оранжевая революция» и «цветная революция» вышли за рамки политической сферы в сферу общественную, составив при этом 5% от общего числа именовании.

5. Процесс формирования и функционирования именовании в речи можно представить в виде схемы (см. Приложение 2).

6. В зависимости от типа именовании (ХР или ЦР) и значения, в котором оно выступает в тексте, происходит и графическое представление именовании. Для значения 'событие' написание именовании должно быть следующим: *Оранжевая революция, the Rose Revolution, цветная революция, the color revolutions*. Если же именовании функционируют в тексте в качестве отсылки к ПФ, то написание должно выглядеть, как «оранжевая революция», «*rose revolution*», *цветная революция, «color revolution»*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При изучении динамических аспектов языка учёные обращаются к общефилософским теориям, рассматривающим статику и динамику как одну из главных антиномий окружающего нас мира, а диалектические противоречия – как основу любых изменений. В науке о языке вопросы развития языковых явлений получили широкое освещение в рамках сравнительно-исторического языкознания, когда учёные выходили за границы лингвистики и пытались найти сходство и различия между развитием языка, развитием в естественных и социальных науках, пытались найти закономерности языкового развития и определить их причины. Позже Ф. де Соссюр ввёл в лингвистику такие понятия, как синхрония (статика) и диахрония (динамика), тем самым предопределив дальнейшее направление в изучении языка. В XX веке под динамикой понималось изменение какого-либо языкового явления на любом из уровней системы языка. Начало XXI века характеризуется изучением лингвистами не только динамики языковых явлений, но и динамики жанров, дискурсов, образов и стилей.

Говоря о динамике такого языкового явления, как именованная «цветных революций», мы должны учитывать тот факт, что появление любого нового названия ещё не является изменением языковой структуры. Очевидно, что любое именование появляется в речи и имеет определённого автора, но только с течением времени мы можем судить о том, станет ли оно общенародным изменением и войдет ли в систему языка.

Высокие темпы социально-политических изменений в мире в начале XXI века обусловили необходимость создания названий для описания новых событий, произошедших в 21 стране мира. Эта необходимость породила 41 именование революционных событий. За основу данных названий были взяты слова-символы (цвет, объект растительного мира или окружающей действительности) и слово «революция». Слова-символы используются для придания политическим событиям особой эмоционально-экспрессивной

окраски, а также уникальности в ряду схожих политических явлений. Слово *революция* используется с точки зрения современного подхода к трактовке его значения, так как революции начала XXI века не подразумевают смену политического строя и элит. Фактически при создании названий для событий начала XXI века уместнее было бы использовать слово *переворот* в синонимическом ряду «*путч – переворот – революция*», однако, для привнесения большей значимости событиям политтехнологи оправданно используют наиболее сильное слово из данного синонимического ряда.

Существующая в языке внутренняя тенденция к улучшению языкового механизма, освобождаясь от лишнего и выдвигая на первый план необходимое, привела к тому, что с течением времени только 30% именовании нашли отражение в языке и стали употребляться в речи. В рамках исследования мы выделили следующие факторы, которые не способствовали переходу большей части именовании в фазу равновесия с дискурсивной средой: отсутствие чёткого символа революции; наличие сразу нескольких именовании для обозначения революции; наличие более сильного символа; использование символа, уже присущего другой революции; невозможность использования символа в визуальном плане; отсутствие политических оснований для именовании событий революцией.

Однако ввиду отсутствия названий некоторых политических событий возникла тенденция к компенсации этих коммуникативно необходимых элементов. Вследствие действия этой тенденций, а также тенденции к экономии усилий при описании сразу нескольких аналогичных политических событий, возникло обобщённое название для всех историко-политических путчей начала XXI века – «цветные революции». Цвет дал начало лишь 19,5% именовании, тогда как предметы окружающего мира гораздо чаще использовались в качестве слова-символа. Тем не менее, использование цвета в качестве символа в названиях революций способствовало дальнейшему закреплению данных именовании в речи и системе языка, что послужило

определяющим фактором при выборе слова-символа для обобщённого названия подобных революций.

В ходе исследования нашли подтверждение гипотезы, сформулированные нами перед началом работы. Так, в подтверждение гипотезы 1 мы можем заключить, что именованья «цветных революций» употребляются в тексте в двух различных значениях: в значении отсылки к историко-политическому событию и в качестве прецедентного феномена, выделяющего только одну или несколько отличительных черт первоначального значения словосочетания. При этом наблюдается тождественность между именованьями ХР в значении ‘ПФ’ и именованьем ЦР в значении ‘событие’, которая проявляется в равнозначной замене именованья в любом предложении без потери смыслового содержания. Активная деятельность СМИ, направленная в сторону употребления некоторых именованья, таких как, например, «оранжевая революция» или «цветная революция», способствовала их переходу в разряд ПФ, при этом для употребления не только в политических контекстах, но и в общественных.

Для сохранения коммуникативной пригодности языка в русском и английском языках используются маркеры, указывающие на употребление именованья, означающего либо событие, либо прецедентный феномен, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу 2. В качестве маркеров в исследуемых нами языках используются стандартные слова и фразы; придаточное предложение; указание на место и указание на время, реализующиеся за счёт различных лексико-грамматических средств для каждого из значений. Также был выделен маркер политических событий для значения ‘событие’ и маркер множественного числа для значения ‘ПФ’.

Выдвигаемая нами гипотеза 3 также была подтверждена, в результате чего нами были сформулированы рекомендации по графическому представлению именованья в русском и английском языках. Так, для отсылки к историко-политическим событиям начала XXI века в русском

языке предпочтительно использовать следующее написание именовании: *Оранжевая революция, цветная революция*. В английском языке именовании оправдано писать с добавлением определённого артикля: *the Rose Revolution* и *the color revolutions*. Если же именовании функционируют в тексте в качестве именовании ПФ, то рекомендуется использовать следующее написание: «*оранжевая революция*», «*цветная революция*» на русском языке и «*rose revolution*», «*color revolution*» на английском.

Проведённая нами работа позволяет наметить дальнейшие пути исследовательской деятельности. Так, целью нашей работы не являлось изучение внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие именовании «цветных революций». Однако данное направление представляется нам перспективным и интересным для более глубокого изучения такого языкового явления, как именовании «цветных революций». Кроме того, в современной лингвистике не находят отражение те этапы, которые проходит языковое явление в процессе изменений, а теория прецедентности также может быть дополнена маркерами, используемыми для идентификации тех или иных прецедентных феноменов в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аугустинавичюте А.* Соционика. Введение [Текст] / А. Аугустинавичюте. – М. : Аст; СПб. : «Terra fantastica», 1998. – 448 с.
2. *Абрамова Е.С.* Концепт «Россия» в дискурсе современных российских масс-медиа: когнитивная структура, динамика, особенности языковой объективации : на материале журнала «Родина» за 1989–2011 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Абрамова ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2012. – 23 с. – На правах рукоп.
3. *Аверинцев С.С.* Символ [Текст] // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев , Н.П. Федосеев и др. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.
4. *Адзинова А.А.* Явление прецедентности в заглавиях креолизованных текстов : на материале языка глянцевого журналов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Адзинова ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2007. – 21 с. – На правах рукоп.
5. *Аллов С.* Каковы итоги «цветных революций» в странах СНГ? [Электронный ресурс] / С. Аллов // Newsland. – Информационно-дискуссионный портал. – 10.07.2011. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/736161/>. – Дата обращения: 15.09.2014. – Загл. с экрана.
6. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений [Текст]: учебное пособие / В.М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
7. *Антропова Л.И.* Профессионально-ориентированный жанр как лингвокоммуникативное явление [Текст] / Л.И. Антропова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2013. – № 31 (322) – С. 15–16.
8. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

9. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – I–XV, 896 с.
10. *Бабенко Н.Г.* Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Н.Г. Бабенко. – Калининград, 2008. – 385 с.
11. *Базыма Б.А.* Цвет и психика [Текст] / Б.А. Базыма.– М. : Речь, 2005. – 100 с.
12. *Баландина Е.С.* Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.С. Баландина ; Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2013. – 22 с. – На правах рукоп.
13. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
14. *Банникова С.В.* Прецедентность как лингвокультурный феномен : На материале английских и русских текстов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Банникова ; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2004. – 24 с. – На правах рукоп.
15. *Бардовская А. И.* Некоторые особенности поиска синестетических метафор в Национальном корпусе русского языка [Текст] / А.И. Бардовская // Вестник Твер. гос. ун-та. – Серия «Филология». Выпуск 2, 2012. – С. 5–12.
16. *Белякова А.А.* Восприятие концепта "путешествие" в динамике его становления в англоязычной культуре [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.А. Белякова ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2005. – 26 с. – На правах рукоп.
17. *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа [Текст] / Э. Бенвенист // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1965. – Выпуск 4. – С. 434– 449.
18. *Беридзе М.М.* Прецедентный (включенный) текст и проблемы его перевода [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.12 /

М.М. Беридзе ; Тбилисский гос. ун-т им. И. Джавахишвили. – Тбилиси, 1997. – 53 с.

19. *Биддер Б.* Протест против Путина: "снежная революция" в России таит [Электронный ресурс] / Б. Биддер, А. Оффенберг // InoPressa. – Der Spiegel. – 12 марта 2012. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.inopressa.ru/article/12mar2012/spiegel/kremlin1.html. – Дата обращения: 12.08.2014. – Загл. с экрана.

20. *Бирюкова Н.С.* Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.С. Бирюкова ; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 19 с. – На правах рукоп.

21. *Блинова Ю.А.* Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.А. Блинова ; Сам. гос. пед. ун-т. – Самара, 2007. – 23 с. – На правах рукоп.

22. *Блумфилд Л.* Язык : пер. с англ. [Текст] / под ред. и с предисловием М.М. Гухман. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с. – Языковеды мира.

23. *Блюм Р.Н.* Поиски путей к свободе [Текст] / Р.Н. Блюм. – Таллин : Ээсти Раамат, 1985. – 240 с.

24. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики [Текст] / В.А. Богородицкий. – 2-е изд., испр. и доп. – Казань, 1907. – 268 с

25. *Богуславский В.М.* Этьенн Бонно де Кондильяк [Текст] / В.М. Богуславский. – М. : Мысль, 1984. – 190 с. – Мыслители прошлого.

26. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию В 2 т. Т.1 [Текст] / Сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев; Отв. ред. С.Г. Бархударов. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1963а. – 385 с.

27. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию В 2 т. Т.2 [Текст] / Сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев; Отв. ред. С.Г. Бархударов. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1963б. – 376 с.

28. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

29. *Бондаренко Е.В.* Внутренние механизмы эволюции языка [Текст] / Е.В. Бондаренко // Вестник РУДН. –2009. – №1. – С. 13–16. – Серия «Лингвистика».

30. *Борисов Д.А.* Динамика развития адъективной лексики : На материале английских отсубстантивных суффиксальных прилагательных [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д.А. Борисов ; Нижегород. гос. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород, 2005. – 25 с. – На правах рукоп.

31. *Боярских О.С.* Прецедентные феномены со сферой-источником "Литература" в дискурсе российских печатных СМИ : 2004–2007 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.С. Боярских ; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 24 с. – На правах рукоп.

32. *Бронник Л.В.* Языковая динамика в дискурсе: когнитивно-синергетический подход [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Л.В. Бронник; Воен. Ун-т МО РФ. – М. : 2012. – 45 с. – На правах рукоп.

33. *Будагов Р.А.* Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени [Текст] / Р.А. Будагов. – М. : Наука, 1978. – 248 с.

34. *Будина М.Э.* Символы цветных революций в составе их именовании [Текст] / М.Э. Будина // Концепт. – 2014. – № 08 (август). – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14224.htm>.

35. *Быкова Л.В.* Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.В. Быкова ; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 23 с. – На правах рукоп.

36. *Васюк В.В.* Концепт "женщина" в статике и динамике фразеологии английского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / В.В. Васюк. – М., 2002. – 145 с.

37. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций [Текст] / Дж. Вико. – пер. и комм. А.А. Губера. – Л. : гос. изд-во «Художественная литература», 1940. – 619 с.
38. *Великородных О.В.* Специфика вербализации концепта "femme" ("женщина") в художественной картине мира Ф. Саган в динамико-возрастной перспективе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О.В. Великородных. – Воронеж, 2007. – 225 с.
39. *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5 – 34.
40. *Виноградов В.В.* История слов [Текст] / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 1138 с.
41. *Волошин Ю.К.* Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект) [Текст] : Монография / Ю.К. Волошин. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2000. – 282 с.
42. *Ворожцова О.А.* Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О.А. Ворожцова. – Екатеринбург, 2007. – 215 с.
43. *Воропаев Н.Н.* Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Н.Н. Воропаев ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2012. – 27 с. – На правах рукоп.
44. *Гашеев В.В.* Динамика рефлексии аканья в русских деловых памятниках XVII–XVIII вв. [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / В.В. Гашеев. – Омск, 2010. – 148 с.
45. *Гёте И.В.* Учение о цвете [Электронный ресурс] / И.В. Гёте // Пси-фактор. – Электрон. сборник статей. – 2001–2014. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/gete.htm>. – Дата обращения: 10.08.2014. – Загл. с экрана.

46. *Глушко М.А.* Взаимодействие качественных и количественных аспектов в динамике глагольной парадигмы [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М.А. Глушко. – Воронеж, 2003. – 296 с.
47. *Гоббс Т.* Левиафан. Сочинения. В 2 т. Т. 2 [Текст] / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1991. – 731 с.
48. *Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения [Текст] / Джек Голдстоун // Логос. – 2006. – № 5 (56). – С. 58–103.
49. *Головко Е.В.* Языковые изменения и конструирование групповой идентичности [Текст] / Е.В. Головко // Вестник молодых ученых. – СПб. – 2001. – № 1. – С. 3–10. – Серия «Филологические науки».
50. Государственный флаг Ливана [Электронный ресурс] // World-Globe.ru – Электрон. дан. – Режим доступа: www.world-globe.ru/countries/lebanon/flag/. – Дата обращения: 12.08.2014. – Загл. с экрана.
51. *Гор В.П.* Динамика образа личности в ментальном пространстве говорящего : на материале грамматических конструкций со значением сравнения в английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.П. Гор ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб, 2009. – 23 с. – На правах рукоп.
52. *Горбунова Е.А.* Лингвокультурный комментарий прецедентных феноменов в англоязычном художественном тексте [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Горбунова. – Самара, 2008. – 168 с.
53. *Гречко В.А.* Теория языкознания [Текст] : учебное пособие / В.А. Гречко. – М. : Высш шк., 2003. – 375 с.
54. *Гриценко Л.М.* Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.М. Гриценко ; Том. гос. ун-т. – Томск, 2010. – 23 с. – На правах рукоп.
55. *Громова А.В.* Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 /

А.В. Громова; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва : 2009. – 19 с. – На правах рукоп.

56. *Гудков Д.Б.* Прецедентные имена и парадигма социального поведения [Текст] / Д.Б. Гудков // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации : сб. статей. – М., 1996. – С. 45–57.

57. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности [Текст] / Д.Б. Гудков. – М. : Изд-во МГУ, 1999а. – 152 с.

58. *Гудков Д.Б.* Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : дис. ... докт. филол. наук / Д. Б. Гудков. – М., 1999б – 400 с.

59. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. [Текст] / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.

60. *Гуныко Ю.А.* Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Гуныко. – СПб, 2002. – 166 с.

61. *Гусельникова О.В.* Динамика фреймовой структуры фразеологизмов с семантикой количества в обыденном сознании носителей русского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О.В. Гусельникова. – Барнаул, 2007. – 263 с.

62. *Даниленко В.П.* Синхрония и диахрония в лингвистике [Текст] / В.П. Даниленко // Вестник ИГЛУ. – Иркутский гос. лингв. ун-т, 2011. – С. 6–11.

63. *Данилова Н.К.* Референционная динамика повествовательного дискурса [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Н.К. Данилова. – Самара, 2005. – 360 с.

64. *Джанаева В.В.* Лингвокогнитивные основы коммуникации : инокультурные прецедентные феномены [Текст] : автореф. дис. ... канд.

филол. наук : 10.02.19 / В.В. Джанаева ; Ин-т филологии Кабардино-Балкар. ун-та им. Х.М. Бербекова. – Владикавказ, 2008. – 22 с. – На правах рукоп.

65. *Денисова Е.В.* Прецедентные фольклорные имена в английском и русском языках как проблема перевода : на материале художественных текстов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Денисова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб, 2011. – 24 с. – На правах рукоп.

66. *Дешериев Ю.Д.* Социальная лингвистика. К основам общей теории [Текст] / Ю.Д. Дешериев // Отв. ред. И.Ф. Прочтенко. – М. : Наука, 1977. – 383 с.

67. *Долевец С.Н.* Динамика морально-этических концептов скупость и щедрость в русском литературном языке XIX – начала XXI веков [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С.Н. Долевец. – Ростов-на-Дону, 2008. – 183 с.

68. *Донскова Г.А.* Сравнительно-сопоставительная характеристика динамики эргонимической номинации Нижнего Поволжья и Западного Казахстана [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Донскова. – Уральск, 2004. – 246 с.

69. *Драпалюк А.С.* Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.С. Драпалюк. – Саратов, 2010. – 300 с.

70. *Едличко А.И.* Семантика политических интерлексем в статике и динамике : на материале русского, немецкого и английского языков [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.И. Едличко. – Владивосток, 2009. – 226 с.

71. *Елисеева С.В.* Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе [Текст] : автореф.т дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С.В. Елисеева ; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 23 с. – На правах рукоп.

72. *Ефремов В.А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства "мужчина"–"женщина" [Текст] : дис. ... докт.. филол. наук / В.А. Ефремов. – Санкт-Петербург, 2010. – 406 с.

73. *Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции [Текст] / Г.А. Завалько. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : КомКнига, 2005. – 320 с. – Размышляя о марксизме.

74. *Завьялова К.В.* Функционирование прецедентного текста и прецедентного имени: сказка "Золушка" в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / К.В.Завьялова ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 26 с. – На правах рукоп.

75. *Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

76. *Залевская А.А.* Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход [Текст] / А.А. Залевская. – London : IASHE, 2014. – 180 с.

77. *Зализняк А.* Семантика кавычек [Электронный ресурс] / А. Зализняк // Диалог. – Электрон. журн. – 2007. – №1. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/29.htm>. – Дата обращения: 01.04.2014. – Загл. с экрана.

78. *Звегинцев В.* Теоретические аспекты причинности языковых изменений [Текст] / В. Звегинцев // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. – Выпуск 3. – С. 125– 142.

79. *Зилова Е.В.* Этноспецифика и содержательная динамика концепта "благополучие"/"prosperity" в русской, британской и американской лингвокультурах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Зилова ; Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2012. – 19 с. – На правах рукоп.

80. *Золотова В.А.* Объективация и динамика концептов в российских гимнах : XIX–XXI вв. [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / В.А. Золотова. – Вологда, 2011. – 255 с.

81. *Зырянова И.П.* Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы : 2005–2009 гг. [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И.П. Зырянова. – Екатеринбург, 2010. – 239 с.
82. *Иванов Вяч. Вс.* Вероятностное определение лингвистического времени [Текст] / Вяч. Вс. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т. VII. – Кн. 1. – М. : Знак, 2011. – 736 с.
83. *Иванова О.Б.* Динамика становления терминологии новой предметной области : на материале терминосферы нанотехнологии в английском и русском языках [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О.Б. Иванова. – М., 2010. – 294 с.
84. *Ивинских Н.П.* Динамика метафоризации в англоязычном и русскоязычном методическом дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н.П. Ивинских ; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – 24 с. – На правах рукоп.
85. *Илюшкина М.Ю.* Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М.Ю. Илюшкина. – Екатеринбург, 2008. – 272 с.
86. *Исаева А.В.* Функционирование прецедентных текстовых реминисценций в устной речи носителей русского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.В. Исаева. – Москва, 2000. – 168 с.
87. *Казазаева М.А.* Проблема соотношения синхронного и диахронического подходов в языкознании [Текст] / М.А. Казазаева // Вестник ИГЛУ. – 2014. – № 1 (26). – С. 198 – 204.
88. *Каменева Т.Е.* Функциональный анализ французских причастий: статика и динамика в истории языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т.Е.Каменева. – СПб, 2004. – 190 с.
89. *Капустин Б.* О предмете и употреблении понятия «революция» [Текст] / Борис Капустин // Логос. – 2008. – № 6. – С. 3–47.

90. *Кара-Мурза С.Г.* Оранжевая мина [Текст] / С.Г. Кара-Мурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин, С.А. Телегин. – М. : Алгоритм, 2008. – 240 с. – «Южная Русь».
91. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
92. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
93. *Каргин Ю.А.* Динамика вербального и невербального в английском языке делового общения: на материале видеокурсов по английскому языку делового общения [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Каргин. – М., 2002. – 246 с.
94. Каштан – зелёный символ Киева [Электронный ресурс] // Сайт города Киева. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.gorodkiev.com/kashtan-zeleniyu-simvol-kieva.html. – Дата обращения: 12.08.2014. – Загл. с экрана.
95. *Кокарева Е.А.* Проблема соотношения языка и реальности в структурной антропологии К. Леви-Строса. Анализ структурного метода в исследовании систем родства первобытных племен [Текст] / Е.А. Кокарева // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 4(16). – С. 89 – 97. Серия «Философия. Психология. Социология».
96. *Комкова А.Н.* Динамика норвежского политического дискурса : ключевые концепты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Н. Комкова ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2012. – 26 с. – На правах рукоп.
97. *Комышкова А.Д.* Динамика употребительности наречий как отражение становления класса наречия : на материале житийных и летописных текстов XII–XVI вв. [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.Д. Комышкова. – Н. Новгород, 2013. – 205 с.
98. *Кондакова М.Ф.* Испано-французские языковые контакты : Сферы и динамика проникновения испанских контактных элементов во французский язык [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М.Ф. Кондакова. – Екатеринбург, 2003. – 230 с.

99. *Кондорсэ Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума [Текст] / Ж.А. Кондорсе. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2011. – 234с.

100. *Кондратьева О.Н.* Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре : XI–XX вв. [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / О.Н. Кондратьева ; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 46 с. – На правах рукоп.

101. *Конова М.К.* Отображение структур гипертекста в дискурсной динамике русской художественной прозы [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М.К. Конова. – М., 2003. – 271 с.

102. *Копышев Е.* Цветочные революции [Электронный ресурс] / Е. Копышев // Межрегиональное объединение коммунистов. – Электрон. журн. – 2005. – 16 марта. – Режим доступа: www.cprf.info/news/analytics/electoral/31884.html. – Дата обращения: 25.08.2014. – Загл. с экрана.

103. *Кормочи Е.А.* Язык как предмет философской рефлексии [Текст] / Е.А. Кормочи // Вестник КРАУНЦ. – Петропавловск-Камчатский : Камчатский гос. ун-т им. В. Беринга, 2010. – Серия «Гуманитарные науки». Вып. 2(6). – С. 12–29.

104. *Корнеев П.Г.* Динамика концептуальной структуры слов, входящих в ядро языкового сознания русских [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / П.Г. Корнеев. – Барнаул, 2007. – 176 с.

105. *Косарев М.И.* Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в политической коммуникации Германии и США [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М.И. Косарев. – Екатеринбург, 2008. – 240 с.

106. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история [Текст] / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. – Выпуск 3. – С. 143 – 309.

107. *Костомаров В.Г.* Как тексты становятся прецедентными [Текст] / В.Г. Костомаров, Н.Д. Буровикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

108. *Костомаров В.Г.* Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В.Г. Костомаров, Н.Д. Буровикова // Язык как творчество. – Сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева – М. : ИРЯ РАН, 1996. – С. 297–302.

109. *Красавский Н.А.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Н. А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 507 с.

110. *Красных В.В.* О tempora, о mores! Новые структуры русской когнитивной базы [Текст] / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 1996. – С. 107–120.

111. *Красных В.В.* Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) [Текст] / В.В. Красных // Русистика. – 2007. – С. 53–58. – Теоретические проблемы психолингвистики.

112. *Красных В.В.* Роль языка в свете интегративных исследований [Текст] / В.В. Красных // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – 2013. – №4. – С. 46–50.

113. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия [Текст] / П.А. Кропоткин. – М. : Правда, 1990. – 643 с.

114. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с. – (Библиотека словарей).

115. *Кубрякова Е.С.* О понятиях синхронии и диахронии [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1968. – Вып. 3. – С. 112–121.

116. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.

117. *Кузнецова Н.А.* Динамика функционирования англицизмов в современном испанском языке : на материале женских журналов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н. А. Кузнецова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2012. – 21 с. – На правах рукоп.

118. *Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации [Текст] / Н.А. Кузьмина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 272 с.

119. *Кузьмицкая Е.В.* Прецедентные феномены в творчестве М.А. Кузмина [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Кузьмицкая. – СПб, 2006. – 206 с.

120. *Куклина А.В.* Синтагматика и синтаксис инфинитивных конструкций в динамике английской речи [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Куклина ; Сам. гос. пед. ун-т. – Самара, 2008. – 21 с. – На правах рукоп.

121. *Курилович Е.* О методах внутренней реконструкции [Текст] / Е. Курилович // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1965. – Выпуск 4. – С. 400 – 433.

122. *Курьянович А.В.* Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры: XX–XXI вв. [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / А.В. Курьянович. – Томск, 2013. – 397 с.

123. *Кутенева Т.А.* Смысловая динамика идеологем советской эпохи : от идеологии, пропаганды и агитации до пиара [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Кутенева. – Екатеринбург, 2008. – 194 с.

124. *Кушнерук С.Л.* Сопоставительное исследование прецедентных имён в российской и американской рекламе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С.Л. Кушнерук. – Екатеринбург, 2006. – 213 с.

125. *Кушнир О.Н.* Эволюция русской концептосферы на рубеже XX–XXI веков: Вопросы динамической лингвоконцептологии [Текст] : автореф.

дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / О.Н. Кушнир ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2013. – 44 с. – На правах рукоп.

126. *Лабов У.* О механизме языковых изменений [Текст] / У. Лабов // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Выпуск 7 (Социолингвистика). – С. 199 – 228.

127. *Лавриненко Т.А.* Прецедентный мир "Великая Отечественная война" в русской лингвокультуре [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.А. Лавриненко ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 18 с. – На правах рукоп.

128. *Лимановская И.Б.* Динамика авторских ремарок в англоязычной драме XVI–XXI веков : [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.Б. Лимановская ; Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад. – Самара, 2011. – 22 с. – На правах рукоп.

129. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Сочинения. В 3 т. Т. 3. [Текст] / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – 405 с.

130. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.

131. *Максимов И.В.* Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология [Текст] / И.В. Максимов. – М. : Изд-во «Книга по требованию», 2010. – 116 с.

132. *Марр Н.Я.* Этапы развития яфетической теории [Текст] / Н.Я. Марр // Избранные работы В 5 т. Т.1. – Л. : Изд-во ГАИМК, 1933. – 899 с.

133. *Мартине А.* Основы общей лингвистики [Текст] / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. – Выпуск 3. – С. 366 – 566.

134. *Мартине А.* Структурные вариации в языке [Текст] / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1965. – Выпуск 4. – С. 450 – 465.

135. *Мартьянова И.А.* Диалектика динамико-статических свойств художественного текста (на материале киносценария) [Текст] /

И.А. Мартьянова // Сибирский филологический журнал / гл. ред. И.А. Силантьев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – Вып. 4. Лингвистика. – С. 194 – 200.

136. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание [Текст] : учеб. для филол. спец. вузов / Ю.С. Маслов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 272 с.

137. *Маслова В.А.* Лингвокультурология [Текст] : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр Академия, 2001. – 208 с.

138. *Миловзоров А.* Партнеры России беременны революциями всех цветов [Электронный ресурс] / А. Миловзоров. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://newsreaders.ru/showthread.php?t=561>. – Дата обращения: 12.08.2014. – Загл. с экрана.

139. *Миронова А.А.* Динамика жанра объявления в XVIII – начале XX вв. : На материале архивов Зауралья и Южного Урала [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Миронова. – Челябинск, 2005. – 186 с.

140. *Михалёв А.Б.* Путеводитель по лингвистике [Текст] : учебное пособие / А.Б. Михалёв. – 4-е изд., перераб. и доп. – Пятигорск : Изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2012. – 220 с.

141. *Михновец Н.Г.* Прецедентные произведения и прецедентные темы, их место и роль в творчестве Ф.М. Достоевского [Текст] : автореферат дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / Н.Г. Михновец ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб, 2007. – 45 с. – На правах рукоп.

142. *Моль А.* Социодинамика культуры [Текст] / А. Моль. – М. : КомКнига, 2005. – 416 с.

143. *Морозова Е.Л.* Явление прецедентности в романах Д. Брауна : функциональный и культурологический аспекты [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.Л. Морозова. – Ставрополь, 2010. – 288 с.

144. *Мотрошилова Н.В.* Клод Леви-Стросс [Текст] / Н.В. Мотрошилова // История философии: Запад – Россия – Восток. Книга 4:

Философия XX в. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – С. 298 – 301.

145. Музыкальная энциклопедия в 6 т. Т.2 / гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М. : Советская энциклопедия : Советский композитор, 1973—1982. – 960 с.

146. *Мухина Е.А.* Динамика текста эпического духовного стиха : На материале сюжетов "Алексей человек Божий", "Два Лазаря", "Егорий Храбрый" [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Мухина. – Петрозаводск, 2006. – 254 с.

147. *Наумова А.Ю.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве [Текст] / А.Ю. Наумова, В.Е. Авдеев, А.О. Наумов. – СПб. : Алатай, 2013. – 168 с.

148. *Нахимова Е.А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования [Текст] : монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 276 с.

149. Национальный корпус русского языка: 2006—2008 [Текст] : Новые результаты и перспективы. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 502 с.

150. *Некрасов В.В.* Белая революция в России [Электронный ресурс] / В.В. Некрасов. – Проза.ру. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.proza.ru/2013/07/03/1087. – Дата обращения: 02.09.2015. – Загл. с экрана.

151. *Некрасова М.С.* Языковое пространство современной русской газеты: динамика нормы как отражение ментальных процессов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : : 10.02.01 / М.С. Некрасова ; Сев. (Арктический) федер. ун-т. – Архангельск, 2011. – 23 с. – На правах рукоп.

152. *Некрасова М.Э.* Сравнительная характеристика газетного корпуса и подкорпуса основного корпуса русского языка со сферой функционирования «Публицистика» [Текст] / М.Э. Некрасова // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. – Вып. 11. – С. 126–135.

153. *Некрасова М.Э.* Алгоритм поиска прецедентных феноменов с цветообозначениями в газетных заголовках [Текст] / М.Э. Некрасова // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2012а. – Вып. 12. – С. 129–135.

154. *Некрасова М.Э.* Основные классификации прецедентных феноменов в заголовках политической направленности: на материале газеты «известия» за 2004–2011 гг. (корпусное исследование) [Текст] / М.Э. Некрасова // Вестник Твер. гос. ун-та. – Серия «Филология». Выпуск 24, 2012б. – С. 104–111.

155. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : «Наука», 1970. – 404 с.

156. *Орехова Н.Н.* Пунктуационная система языка, формирование и динамика развития : На материале русского и английского языков [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Н.Н. Орехова. – Воронеж, 2001. – 292 с.

157. *Павликова С.К.* Русские и английские прецедентные высказывания : Сравнительный анализ [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С.К. Павликова. – М., 2005. – 172 с.

158. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е.В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с. – (Studia philologica).

159. *Патюкова Р.В.* Языковая вариативность как один из аспектов системы коммуникации [Текст] / Р.В. Патюкова // Aplikované vědecké novinky-2011: материалы Междунар. науч. конф. – Прага : Бял ГРАД-БГ, 2011. – Díl 5. Filologické vědy. Psychologie a sociologie. – С. 3 – 7.

160. *Паюнена М.В.* Динамика лексико-семантического поля мнения в английском языке : На материале глагольной лексики [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М.В. Паюнена. – Иркутск, 2004. – 172 с.

161. *Пахомов В.М.* Кавычки и смежные орфографические явления в сфере номинации [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / В.М. Пахомов. – Москва, 2008. – 142 с.

162. *Перцов Н.В.* О роли корпусов в лингвистических исследованиях [Текст] / Н.В. Перцов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2006». — СПб. : Изд-во С. Петерб. ун-та, 2006. — С. 318—331.

163. *Пикулева Ю.Б.* Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю.Б. Пикулева. — Екатеринбург, 2003. — 229 с.

164. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики [Текст] / В.А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. — 2008. — № 16(2). — С. 7–20.

165. *Погосов А.А.* Динамика переводческого процесса: критерии лингвокогнитивного описания [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Погосов. — М., 2011. — 200 с.

166. *Подтележникова Е.Н.* Внешнелингвистические факторы динамики полисемии : На примере функционирования лексемы look в английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.Н. Подтележникова ; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2006. — 22 с. — На правах рукоп.

167. *Пономарёва Е.* Секреты цветных революций [Электронный ресурс] / Е. Пономарёва // Свободная мысль. — Электрон. журн. — Режим доступа: <http://svom.info/entry/208-sekrety-cvetnyh-revolyuacij/>. — Дата обращения: 12.08.2014. — Загл. с экрана.

168. *Полякова И.С.* Прецедентные имена в институциональном политическом дискурсе Кондолизы Райс и Ирины Хакамады : 2000–2008 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И.С. Полякова ; Ур. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2012. — 22 с. — На правах рукоп.

169. *Попадинец Р.В.* Прецедентные имена в сознании носителя русского языка : Экспериментальное исследование [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Р.В. Попадинец ; Кур. гос. ун-т. — Курск, 2006. — 22 с. — На правах рукоп.

170. *Попов Ю.В.* Язык в речи. Традиции и тенденции в общей грамматической теории [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Ю.В. Попов ; Белорусский гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1986. – 45 с.
171. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. [Текст] / А.А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
172. *Потебня А.А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – М. : Изд-во «Лабиринт», 1999. – 300 с.
173. *Почепцов Г.* Революция.com. Основы протестной инженерии [Текст] / Г. Почепцов. – М. : Изд-во «Европа», 2005. – 532 с.
174. *Прибылова О.В.* Динамика вербализации концепта "терроризм" в институциональном дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О.В. Прибылова. – Челябинск, 2011. – 193 с.
175. *Прохоров Е.Ю.* Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Е.Ю. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 224 с.
176. *Радченко Е.В.* Динамизм в сфере формы и значения фразеологизмов с функционирующими морфологическими категориями [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Е. В. Радченко. – Челябинск, 2010. – 526 с.
177. *Рагимова Ф.С.* Способы актуализации прецедентного высказывания в рекламном тексте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.С. Рагимова ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2006. – 24 с. – На правах рукоп.
178. *Рамишвили Г.В.* Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания [Текст] / Г. В. Рамишвили // Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 2000. – С. 5 – 36.
179. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение [Текст] / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

180. *Родькин П.* В России запущен классический «оранжевый» сценарий абрикосовая [Электронный ресурс] / П. Родькин. – PRDESIGN. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.prdesign.ru/text/2011/lenta.html. – Дата обращения: 12.08.2014. – Загл. с экрана.

181. *Родькин П.* Неурожайная абрикосовая [Электронный ресурс] / П. Родькин. – PRDESIGN. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.prdesign.ru/text/2008/armenia.html. – Дата обращения: 12.08.2014. – Загл. с экрана.

182. *Розенталь Д.Э.* Прописная или строчная [Текст] : Словарь-справочник / Д.Э. Розенталь. Отв. ред. Л.К. Чельцова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1987. – 352 с.

183. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке [Текст] / Д.Э. Розенталь / под. ред. И.Б. Голуб. – 8-е изд., испр. и доп. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 368 с.

184. *Саксонова Ю.Ю.* Прецедентный интекст: проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Саксонова. – Екатеринбург, 2002. – 133 с.

185. *Сальникова В.В.* Динамика лексического компонента образно-языковой картины мира ребенка : на материале книги С.Т. Аксакова "Детские годы Багрова-внука" [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В.В. Сальникова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2006. – 22 с. – На правах рукоп.

186. *Селезнёва С.Н.* Динамика группы слов с гиперсемой святой: по данным русской лексикографии [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С.Н. Селезнева. – Красноярск, 2013. – 196 с.

187. *Семенец О.П.* Прецедентный текст в языке газеты : Динамика дискурса 50–90-х годов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О.П. Семенец. – СПб, 2004. – 356 с.

188. *Сергеева Г.Г.* Прецедентные имена и понимание их в молодежной среде : Школьники 10–11 класса [Текст] : автореф. дис. ... канд.

филол. наук :10.02.19 / Г.Г. Сергеева ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2005. – 25 с. – На правах рукоп.

189. *Сергеева О.В.* Языковая личность педагога: статика и динамика [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О.В. Сергеева. – Краснодар, 2013. – 187 с.

190. *Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление [Текст] / Б.А. Серебрянников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.

191. *Серкина В.Н.* Прецедентные тексты в региональном медийном дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В.Н. Серкина ; Сарат. гос. ун-т. – Саратов, 2014. – 20 с. – На правах рукоп.

192. *Сидоренко В.* Белая революция в России [Электронный ресурс] / В. Сидоренко. – Проза.ру. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.proza.ru/2011/12/19/1118. – Дата обращения: 02.09.2015. – Загл. с экрана.

193. *Силина Ю.А.* Динамика и прогностика номинаций зрительного восприятия во французских нарративных текстах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Силина. – Воронеж, 2012. – 262 с.

194. *Ситнова И.* Сравнительный анализ «цветных революций» в странах постсоветского пространства [Текст] / И. Ситнова // Журнал Власть. – 2011. – раздел Зарубежный опыт. – №5. – С. 145–147.

195. *Скачко П.* Ждёт ли Украину подрыв из виртуала [Электронный ресурс] / П. Скачко// Версии.com**Фабрика аналитики. – Электрон. журн. – 2011. – 31 января. – Режим доступа: <http://versii.com/news/224188/>. – Дата обращения: 25.08.2014. – Загл. с экрана.

196. *Скворцова Е.В.* Динамика номинативной парадигмы американских художественных фильмов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Скворцова. – Самара, 2011. – 162 с.

197. Словарь Ожегова [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка. – 2007 – 2013. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.ozhegov.org. – Дата обращения: 28.07.2015. – Загл. с экрана.

198. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу [Текст] : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
199. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Г.Г. Слышкин ; Волгогр. пед. ун-т. – Волгоград, 2004 – 39 с. – На правах. рукоп.
200. *Смирницкий А.И.* По поводу конверсии в английском языке [Текст] / А.И. Смирницкий // Иностранные языки в школе : методический журнал. – М. : Учпедгиз, 1954а. – № 3. – С. 16–24.
201. *Смирницкий А.И.* Объективность существования языка [Текст] : Материалы к курсам языкознания / А.И. Смирницкий // Под. ред. В.А. Звегинцева. – М. : Изд-во Московского университета, 1954б. – 33 С.
202. *Соколов А.Н.* Дискурс социального устройства в русском языке второй половины XIX в. : Становление и динамика словесно-понятийной группы "социализм-коммунизм" [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Соколов. – Шуя, 2001. – 198 с.
203. *Солнцев В.М.* Вариативность как общее свойство языковой системы / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания – 1984. – № 2. – С. 31 – 42. :
204. *Соссюр Ф. де* Курс общей лингвистики [Текст] / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина, С.В. Чистяковой; под общ. ред. М.Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
205. *Статина Н.В.* Динамика учетно-регистрационных документов Флоро-Лаврской церкви села Белоярского в аспекте лингвистического источниковедения : по архивным материалам конца XVIII – начала XX в. [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Статина. – Челябинск, 2010. – 277 с.
206. *Сухорукова Ю.С.* Динамика семантических процессов заимствований в современном французском языке : Свободный и связанный контекст [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю.С. Сухорукова. – СПб, 2005. – 193 с.

207. *Тарасов А.* Национальный революционный процесс: внутренние закономерности и этапы [Электронный ресурс] / А. Тарасов // Электрон. научно-просветительский журнал Скепсис. – Электрон. дан. – Режим доступа http://scepsis.net/library/id_101.html. – Дата обращения: 20.10.2013. – Загл. с экрана.

208. *Тасуева С.И.* Когнитивные и прагма-социолингвистические аспекты динамики концепта TREE (дерево) : на материале современного английского языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.И. Тасуева ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2011. – 28 с. – На правах рукоп.

209. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова онлайн. – 2008 – 2009. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>. – Дата обращения: 28.07.2015. – Загл. с экрана.

210. *Топоров В.Н.* О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа [Текст] / В.Н. Топоров // Вопросы языкознания. – № 3. – 1960. – С. 44–59.

211. *Тришин В.Н.* Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS® [Электронный ресурс] / В.Н. Тришин. – Версия 7.0 24 на 526 тыс. слов и словосочетаний. – Электрон. дан. и прогр. – 2014. – Режим доступа: <http://trishin.ru/left/dictionary/>. – Дата обращения: 12.08.2014. – Загл. с экрана.

212. *Угланова И.А.* О языковом механизме саморегуляции [Текст] / И.А. Угланова // Вестник Пермского ун-та. – Пермь, 2011. – Выпуск 1(13). – С. 20 – 26. – Серия «Российская и зарубежная филология».

213. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

214. *Филин Ф.П.* Советское языкознание: теория и практика [Текст] / Ф.П. Филин // Вопросы языкознания. – 1977. – №5. – С. 3 – 12.

215. *Философия: Энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. А.А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.*
216. *Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 5 [Текст] / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – Т.5. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – 742 с.*
217. *Фомина Т.Д. Динамика концепта в политическом дискурсе : на примере выступлений Д. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т.Д. Фомина. – М., 2006. – 197 с.*
218. *Фортуатов Ф.Ф. Избранные сочинения В 2 т. Т.1 [Текст] / Ф.Ф. Фортуатов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 452 с.*
219. *Халевина С.Н. Динамика немецкой произносительной нормы в историческом аспекте : на материале лексикографических изданий и звучащей речи [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Халевина. – М., 2011. – 203 с.*
220. *Хаматова А.А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века [Текст] / Хаматова А.А. // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. – 2012. – №4 (21). – С. 9–13.*
221. *Харитоновна Е.В. Динамика структуры синтаксиса современного русского языка: тенденции к экономичности и к дистинктности : на материале современной прессы [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : : 10.02.01 / Е.В. Харитоновна ; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2014. – 27 с. – На правах рукоп.*
222. *Хёнигсвальд Г. Существуют ли универсалии языковых изменений [Текст] / Г. Хёнигсвальд // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во «Прогресс», 1970. – Выпуск 5 (Языковые универсалии). – С. 77–104.*
223. *Хватова С.С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С.С. Хватова. – Тверь, 2004. – 149 с.*
224. *Хорошилова С.П. Социолингвистический подход к вопросу о региональных диалектах [Текст] / С.П. Хорошилова // Международный*

журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 11. – С. 17–19.

225. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. Справка [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РИА Новости». – Информационное агентство. – 30.11.2011. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20111130/502208028.html>. – Дата обращения: 15. 09.2014. – Загл. с экрана.

226. *Чемезова И.А.* Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И.А. Чемезова. – Екатеринбург, 2008. – 225 с.

227. *Черногрудова Е.П.* Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике : На материале центральной, региональной и местной прессы [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Черногрудова. – Воронеж, 2003. – 243 с.

228. *Чистова С.С.* Сопоставительное исследование прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С.С. Чистова. – Екатеринбург, 2009. – 236 с.

229. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н.М. Шанский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 310 с.

230. *Шепелева Е.В.* Влияние скандинавских заимствований на формирование современного английского языка [Текст] / Е.В. Шепелева // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 7. – С. 181 – 183.

231. *Шмелькова В.В.* К вопросу о лексических изменениях в русском языке послереволюционного периода [Текст] / В.В. Шмелькова // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 290 – 292.

232. *Шустова С.В.* Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / С.В. Шустова. – Пермь, 2011. – 421 с.
233. *Щедровицкий Г.П.* Методологические замечания к проблеме происхождения языка [Текст] / Г.П. Щедровицкий // «Филол. науки». – 1963 – №2. – С. 7–8.
234. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба . – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
235. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Электрон. дан. – Режим доступа <http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/18202>. – Дата обращения: 20.10.2013. – Загл. с экрана.
236. *Юлов В.Ф.* История и философия науки [Текст] : учебное пособие / В.Ф. Юлов. – Киров, 2007. – 579 с.
237. *Якобсон Р.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание [Текст] / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. – Выпуск 3. – С. 95–105.
238. *Яшкина Е.А.* Динамика концепта "страх" в британской лингвокультуре [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Яшкина. – Хабаровск, 2005. – 170 с.
239. *Altmann G.* Zur Funktionsanalyse in der Linguistik [Текст] / G. Altmann // Forms and Functions / под ред. J.Esser, A.Hübler. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1981. – С. 25–32.
240. Dictionary.com [Электронный ресурс] // Dictionary.com. LLC. – 2015. – Режим доступа: <http://dictionary.reference.com>. – Дата обращения 28.07.2015. – Загл. с экрана.
241. *Gerlach J.* Color revolutions in Eurasia [Текст] / Julia Gerlach. – Berlin : Freie Universität Berlin, 2014. – 55 p.

242. Lemon Revolution [Электронный ресурс] // Total Politics. – Режим доступа: <http://www.totalpolitics.com/blog/directory/party/left-wing/324402/lemon-revolution.html>. – Дата обращения 12.08.2014. – Загл. с экрана.
243. Merriam-Webster OnLine // An Encyclopædia Britannica Company. – 2015. – Электр. дан. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>. – Дата обращения: 29.09.2014. – Загл. с экрана.
244. *Mitchell L.A.* The color revolutions [Текст] / Lincoln A. Mitchell. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012. – 243 p.
245. Oxford Dictionaries. Dictionary, Thesaurus, & Grammar [Электронный ресурс] // Oxford University Press. – 2015. – Электр. дан. – Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com>. – Дата обращения: 29.09.2014. – Загл. с экрана.
246. *Tucker J.A.* Enough! Electoral fraud, collective action problems, and post-communist colored revolutions [Текст] / Joshua A. Tucker // Perspectives on Politics. – 2007. – № 5(3). – P. 535–551.
247. *Visetti G.* Per paura della rivolta la cina cancella il gelsomino – e' il simbolo delle rivolte la cina abolisce il gelsomino [Электронный ресурс] / G. Visetti // La Repubblica. – Электрон. журн. – 2011. – 12 мая. – Режим доступа: [ttp://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2011/05/12/per-paura-della-rivolta-la-cina-cancella.html](http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2011/05/12/per-paura-della-rivolta-la-cina-cancella.html). – Дата обращения 12.08.2014. – Загл. с экрана.
248. *Walsh N.P.* Pink revolution rumbles on in blood and fury [Электронный ресурс] / N.P. Walsh // The Guardian. The Observer. – Электрон. журн. – 2005. – 27 March. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2005/mar/27/nickpatonwalsh.theobserver>. – Дата обращения 12.08.2014. – Загл. с экрана.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. – [б.м.], 2003–2014. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. – Дата обращения: 07.08.2014. – Загл. с экрана.
2. British News [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. – [б.м.], 2005–2014. – Режим доступа: <http://corpus.leeds.ac.uk>. – Дата обращения: 07.08.2014. – Загл. с экрана.
3. Collins WordbanksOnline [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. – [б.м.], 2008. – Режим доступа: <http://wordbanks.harpercollins.co.uk>. – Дата обращения: 07.08.2014. – Загл. с экрана.
4. Davies M. The Corpus of Contemporary American English: 450 million words, 1990–present. [Электронный ресурс] / сост. М. Davies. – Электрон. дан. и прогр. – [б.м.], 2008. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca>. – Дата обращения: 07.08.2014. – Загл. с экрана.
5. Davies M. TIME Magazine Corpus: 100 million words, 1920s–2000s [Электронный ресурс] / сост. М. Davies. – Электрон. дан. и прогр. – [б.м.], 2007. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/time>. – Дата обращения: 07.08.2014. – Загл. с экрана.
6. Davies M. Corpus of Canadian English: 50 million words, 1920s–2000s [Электронный ресурс] / сост. М. Davies. – Электрон. дан. и прогр. – [б.м.], 2007. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/can>. – Дата обращения: 07.08.2014. – Загл. с экрана.
7. Davies M. Corpus of Global Web-Based English: 1.9 billion words from speakers in 20 countries [Электронный ресурс] / сост. М. Davies. – Электрон. дан. и прогр. – [б.м.], 2013. – Режим доступа: <http://corpus2.byu.edu/glowbe>. – Дата обращения: 07.08.2014. – Загл. с экрана.

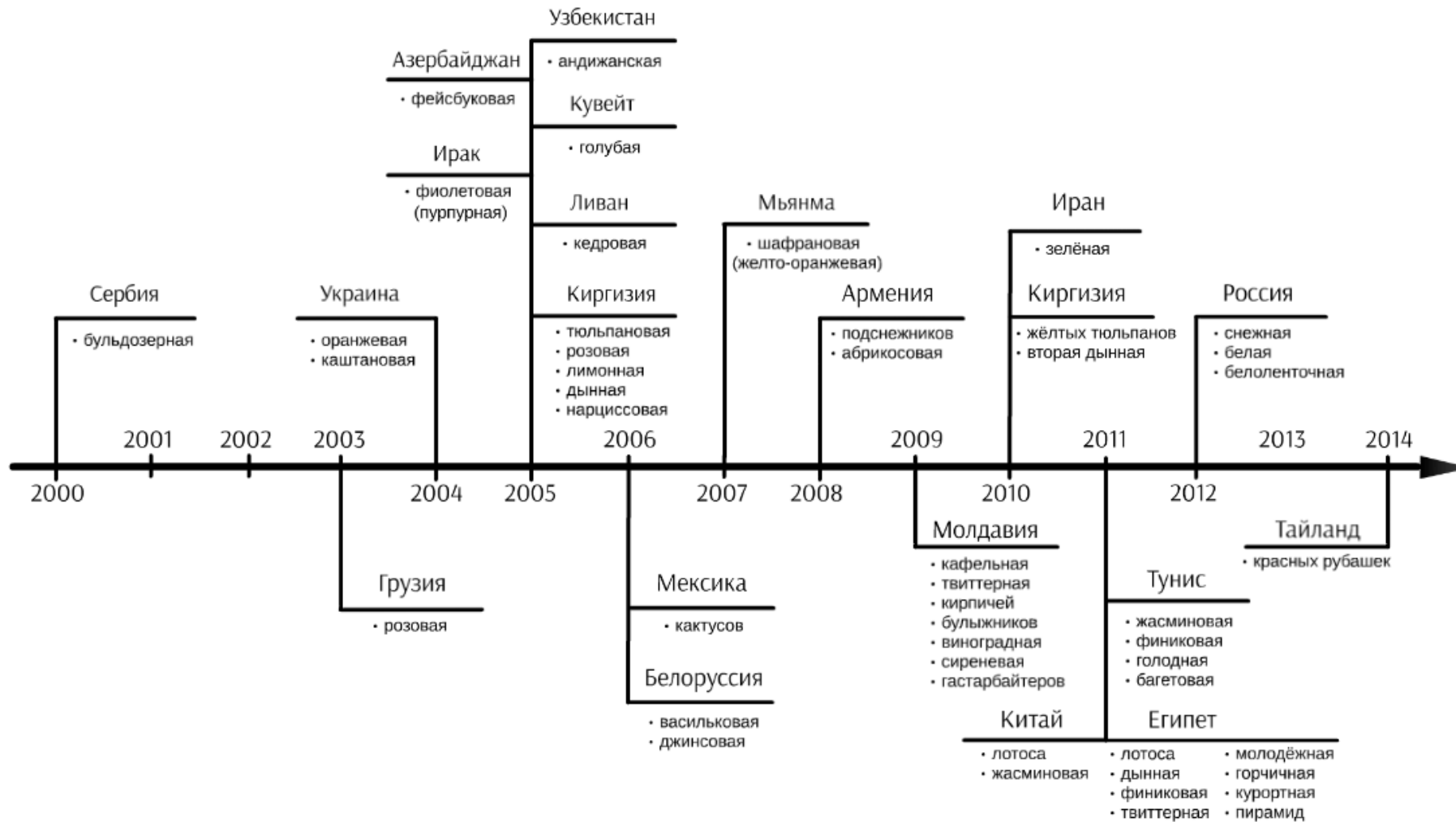

Рис. 10. Хронологическая прямая «цветных революций» и их именованья

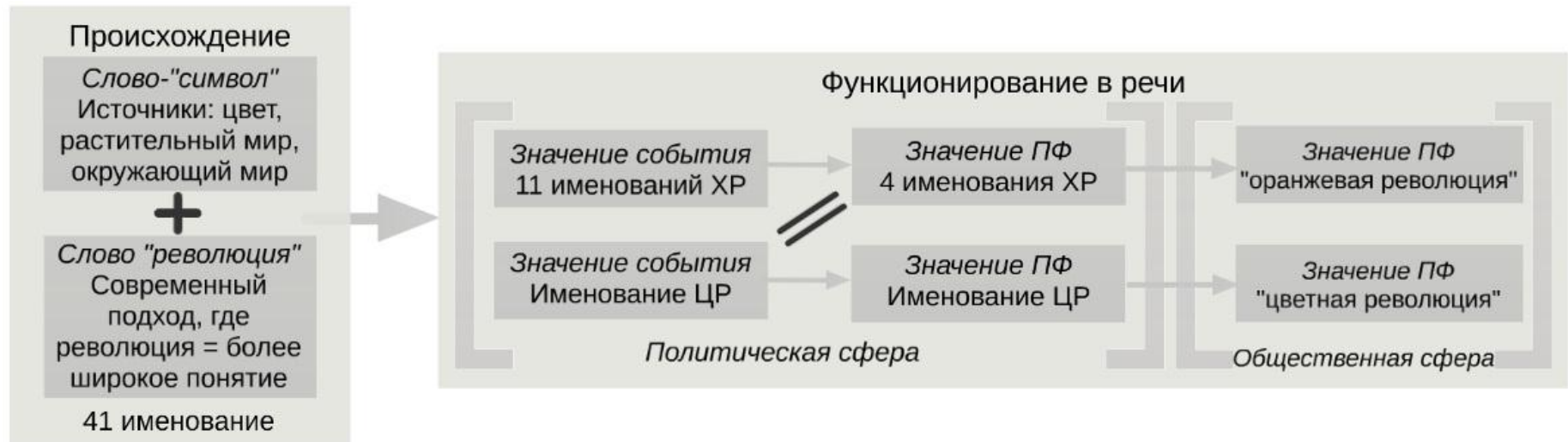

Рис. 11. Происхождение и функционирование в речи именовании «цветных революций»